

ИСКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

4

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

1987

ИСКАТЕЛЬ 4

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ **СВЕТА**
1987

В ВЫПУСКЕ:

Анатолий СТЕПАНОВ	3	СХВАТКА Повесть
Николай ПСУРЦЕВ	25	СВИДЕТЕЛЬ Повесть
Виктор ПОЛОЖИЙ	65	ИГРА В МИРАЖИ Повесть
Янина МАРТИН	90	РАЗЛУЧИЛ ВАС НАВСЕГДА Фантастическая повесть

ОСНОВАН В 1961 ГОДУ

№ 160

Выходит 6 раз в год. Распространяется только в розницу.

Анатолий СТЕПАНОВ

СХВАТКА

ПОВЕСТЬ

Была степь. Каждый раз узнаваемо однообразная. И каждый раз неповторимая степь. Темнело небо, оставляя яркую полосу на западе. От сильного ветра припадали к земле травы, не весело шурша.

А когда стих ветер, из речных зарослей выполз туман. И вместе с туманом появились пять всадников.

Еле различимый во тьме выступил полукруг юрт. У средней, самой богатой, пятеро бесшумно спешили.

Высокий, широкоплечий джигит, кинув поводья ближнему, шагнул ко входу в юрту. Трое двинулись за ним. Высокий приказал:

— Один.

И откинул кошму. В юрте ели вареную баранину. Хозяин и несколько гостей продолжали есть баранину до тех пор, пока не увидели в черном проеме человека с карабином.

— Мне нужен инструктор исполкома. Пусть выйдет на минутку, — негромко проговорил высокий.

— Кудре! — узнал высокого один из гостей.

— Сейсембаев! Я жду, — уже с угрозой сказал Кудре.

— Я — твой гость, Акан, — не отрывая глаз от карабина, еле слышно произнес непослушными губами человек, который сидел рядом со старцем. Старец молчал.

— Я твой гость, Акан! — закричал Сейсембаев и, обхватив голову руками, упал на пол. Акан встал и пошел навстречу Кудре.

— Он мой гость, Кудре.

Кудре ствол карабина отодвинул старика, чтобы видеть Сейсембаева. Прикрыв голову и подтянув колени к животу, тот вздрагивал всем телом — плакал. Кудре весело глянул в глаза Акана и кивнул на Сейсембаева.

— Разве он гость? Он хозяин, потому что он — власть, Советская власть.

— Он мой гость. Пожалей меня, Кудре.

— Мне ли жалеть своего господина? Ведь я служил тебе, Акан!

— Теперь мне никто не служит. Пожалей мои седины, Кудре.

— Я хочу кумыса.

Один из гостей поспешно налил из сабы в чашку кумыса и протянул ее Кудре. Но тот чашку не взял. Поймав взглядом взгляд Акана, он приказал, уже не улыбаясь:

— Ты.

Акан взял чашку из рук гостя и, склонившись в низком поклоне, поднес ее Кудре. Роняя белые капли на широкую грудь, Кудре пил жадными глотками. Выпив, он возвратил чашку Акану:

— Я жалею тебя, старик.

И вдруг, резко подняв карабин, выстрелил. Чашка, стоявшая перед Сейсембаевым, разлетелась вдребезги. Сейсембаев замер на мгновение, а потом, не почувствовав смерти, громко зарыдал. Кудре хищно ощерился:

Художники Никита КРИВОВ, Валерий ПАСТУХ

— Я люблю, когда плачет власть. Плачет — слабый!
И ушел во тьму.
Сопровождаемый четырьмя безмолвными всадниками, Кудре ехал в ночи и хохотал.

Уездный центр. 2 сентября 1923 года

Круминь стоял у окна и наблюдал, как хорошим армейским шагом пересекал улицу Хамит. Хамит был, как всегда, в начищенных сапогах, в щегольски замаятой фуражке, в гимнастёрке, стянутой новой портупеей с кобурой.

Круминь аккуратно снял пенсне с толстыми стеклами, жестко растер веки, водрузил пенсне на место, с близоруким удивлением глянул на вошедшего Хамита и спросил:

— Сколько тебе лет, Хамит?

— Двадцать два, начальник.

— А в «вагонах смерти» атамана Аненкова был совсем мальчиком.

— Я старался быть мужчиной.

— Ты им стал. Жаль только, что времени на твою юность не хватило.

— Мы спешили, Ян Тенисович. У нас слишком много дел. Мне некогда праздновать юность.

— Когда ты плакал в последний раз?

Хамит пристально смотрел в глаза Круминю, вспоминая.

— В пятнадцать лет. Меня сбросил необъезженный конь, и я заплакал.

— Ты плакал от боли?

— Я плакал от досады на себя.

Круминь встал и вновь подошел к окну. Улица была пустынной. Не оборачиваясь, сказал:

— Инструктор исполкома Сейсембаев плакал, вымаливая жизнь у бандита Кудре.

Теперь и Хамит встал.

— Ты расстреляешь Сейсембаева?

— Ты жесток.

— Сейсембаев в степи — Советская власть. А Советская власть не может быть трусливой.

— Как все просто для тебя, Хамит! — Круминь вернулся к столу, выдвинул ящик, достал кипу бумаг: — Сводки со всех концов уезда. Бандиты, бандиты, бандиты. Ты можешь объяснить мне, почему бандиты появились именно сейчас, когда разверстку заменили натуральным налогом, когда все могут спокойно жить и трудиться, когда стало легче всем?

— У Советской власти много врагов. А враги не исчезают просто так.

— Но они и не появляются просто так, Хамит. Кто их прячет? Вооружает? Кормит, наконец? — продолжал задавать вопросы Круминь, изучающе глядя на Хамита. И вдруг резко сказал: — Ты можешь это узнать. Ты — казах, ты — свой в степи.

— Во всех аулах, в каждой юрте уже говорят: Советская власть — слабая власть, она валялась в ногах у Кудре. Я найду Кудре.

— Этого мало. Мне нужны его связи. Основная твоя задача — разведка. В твое распоряжение поступают трое.

— Мне все ясно. Но что сделают с Сейсембаевым, начальник?

— Я думаю, его пошлют учиться. Куда-нибудь подальше.

— Чему можно научить труса? Бояться еще больше?

3 сентября 1923 года

Они стояли перед ним. Мужчины и женщины. Молодые и старые. Они стояли и глядели в землю.

— Еще раз спрашиваю: у вас в ауле появлялся бандит Кудре?

Они молчали.

— Я знаю, он здесь был. Но я хочу, чтобы мне сказали, когда и с кем он был. Я жду ответа, люди.

Хамит замолчал, сжал зубы.

— Не спрашивай нас, джигит, — деваться было некуда, и вперед выступил старейший. — Мы ничего не знаем и знать не хотим. Деритесь сами, а нас не тревожьте.

Яростно раздувая ноздри, Хамит хрипло сказал:

— Советская власть дала вам свободу. Советская власть дала вам мир. Советская власть дала вам землю и скот. А вы предаете Советскую власть.

Недолгой была тишина, и вдруг спокойный голос из толпы сломал ее:

— Твоя Советская власть лизала руки Кудре. И плакала, как баба.

— Кто сказал?! — с угрозой в голосе спросил Хамит.

— Я сказал.

Толпа расступилась вокруг невысокого, средних лет, спокойного человека.

— Это сказал я, Саттар, житель аула. А кто такой ты?

— Я представитель Советской власти.

— Сейсембаев — тоже представитель. Я не знаю, чем ты лучше его.

Взгляд Хамита блуждал, пока не остановился на лице бело-брысого красноармейца. В это лицо Хамит бросил приказ:

— Арестуйте его!

И указал пальцем на человека в толпе. Красноармеец серьезнел и примирительно сказал:

— Надо ли, Хамит Исакович? Сейсембаев и вправду плакал. Чего уж тут.

— Ты — добрый? — зло спросил Хамит.

— Я по справедливости хочу.

— Как тебя зовут?

— Иваном.

Гнев покинул Хамита, он повернулся к толпе.

— Оставляю вам Ивана. Вы видели: он добрый и справедливый. Он защитил человека, ругающего Советскую власть. Теперь пусть он защитит вас от бандитов.

Опять копыта топтали полегшую траву. Три всадника. Их путь лежал в большое село.

Был базарный день. На площади торговали посудой и сапогами, мясом и хлебом, ситцем и серебром. Одни зычно кричали, славя свой товар, другие бешено спорили, торгуясь, третьи весело смеялись, радуясь удачной покупке.

Базар казался бесконечным. Степенный красноармеец оглядел море голов и предложил осторожно:

— Поспрашивать бы здесь народ, товарищ начальник. Ото всюду ведь съехались, со всех концов уезда.

— О чем? — удивился Хамит.

— Бандит и торговле помеха. Обиженные могут на след навести.

— Спрашивай, — равнодушно разрешил Хамит и отвернулся.

— Так задание у нас!

— Даю тебе новое задание. Оставайся здесь и спрашивай. Если ты узнаешь что-то, скажи к Круминю и докладывай. Все. Хамит в сопровождении третьего красноармейца-казаха выехал наконец с базарной площади.

Хамит несколько минут ехал молча, потом сказал:

— Слушайте мой приказ, товарищ красноармеец. Немедленно отправляйтесь назад и доложите товарищу Круминю, что я в ауле хромого Акана.

— Так как же, командир... — начал было красноармеец.

— Приказ понятен? — перебил его Хамит.

— Понятен.

— Действуйте, товарищ красноармеец.

Аул Акана. 4 сентября 1923 года

Поздним вечером Хамит остановил коня у юрты Акана. У коновязи присел несколько раз — размял ноги. И откинул кошму. Одиноким старик пил чай.

— Здесь плакал Сейсембаев, — сказал Хамит.

Акан поднял на него глаза.

— Садись. Будешь моим гостем, Хамит.

Хамит сел и принял чашку из рук старика.

— Недалеко от твоего аула в меня стреляли, Акан, — тихо сказал Хамит.

— Сейчас стреляют всюду, — равнодушно ответил старик. Он не смотрел на Хамита.

— А почему стреляют, Акан?

— Людям всегда хотелось стрелять. Вот и стреляют.

— Значит, люди хотят убивать?

— Люди хотят властвовать.

— Каждый?

— Каждый.

— И ты?

— Когда я хотел, я — властвовал.

— А теперь?

— А теперь я — старик, и мысли о близкой смерти властвуют надо мной.

— Где твои люди, Акан?

— Исчезли с моим добром.

Поблагодарив поклоном за чай, Хамит встал. Кряхтя, поднялся и Акан.

— Ты уходишь, Хамит?

— Нет. Просто я больше не хочу разговаривать с тобой, как гость с хозяином.

— Будешь допрашивать меня?

— Буду задавать вопросы.

— А что же ты делал до сих пор?

— Я вел с тобой беседу. Но пока слышу, как вопросы задаешь ты.

— Я умолкаю.

— Нет. Мне надо, чтобы ты говорил. — Хамит глубоко вздохнул и оглядел юрту. Богатые ковры, драгоценная посуда, редкостное оружие по стенам. — Ты был в алаш-орде.

— Всякий, кто хотел счастья казахам, был в алаш-орде.

— А большевики?

— Большевики хотят счастья человечеству.

— Ты играешь словами, старик. Счастливо человечество — счастлив казах.

— Счастье недостижимо. Только это я понял к концу своих дней. — Акан с сожалением посмотрел на Хамита. — Теперь я никому не желаю счастья. Я хочу покоя. Я стар. Я устал. И поэтому сейчас я очень хочу сесть.

— Садись.

— Ты стоишь.

Хамит был вынужден сесть. Сел и Акан, подтянув хромую ногу под себя.

— Ты никак не решишься задать мне главный вопрос, Хамит. Но я знаю, о чем он, и отвечу тебе. Да, десять лет тому назад у меня был барымтач Кудре. Он был удачлив, бесстрашен, силен и, угоняя скот у моих соперников, тешил мое тщеславное сердце. Но это было давно. Тигр покинул клетку. Тигр охотится сам по себе. И, как всякий дикий зверь, в любую минуту может разорвать своего бывшего хозяина. Я ничем не могу тебе помочь, Хамит.

— Он пролил кровь, Акан. Он застрелил трех милиционеров. Он убил председателя Барлыкульского волисполкома.

— А милиционеры застрелили двух его джигитов.

— Он грабит, жжет и насилует.

— Для него нет слова «нельзя», и поэтому он сильный. Как тигр. Многие ненавидят его. Но он свой в степи. А ты не собираешься обычаев, и люди не верят тебе.

— Он сильнее Советской власти?

— Советская власть тоже чужая в степи. Унизит Кудре ее еще раз, и ей не устоять.

— Ты этого ждешь?

— Я жду лишь смерти, которая рядом. Просто я так думаю,

— И зря, — строго сказал Хамит и вновь поднялся. — Я убью его.

— Человек надеется, — ответил Акан и тоже встал.

Хамит схватил его за плечи и потрянул слегка.

— Кто-то помогает ему! Кто-то прячет его!

— Он сам прячется.

— Но кто-то снабжает его патронами, кто-то носит ему пищу!
Акан спокойно освободился от его рук:
— Я не знаю ничего.

5 сентября 1923 года

На звук домбры шел усталый Хамит, ведя в поводу невеселого коня. Домбра пела в большой юрте. У ярко освещенного входа толпились мальчишки. Хамит привязал коня поблизости. В юрте умолкла домбра, и раздался взрыв смеха.

— Что там? — спросил Хамит у одного из мальчиков.

— Вечеринка! В «Мыршим» начали играть! — восторженно прокричал мальчонка.

— Ахмет здесь?

— Вон он! Рядом с девушками.

Хамит заглянул в юрту. Здоровенный парень лет двадцати рассказывал что-то девушкам.

— Позови его, — попросил Хамит мальчика и спрятался.

— Кто меня звал? — спросил Ахмет.

— Я. — Хамит вышел из укрытия.

— Я тебя не знаю.

— Это неважно.

— Зачем я тебе?

— Сколько сейчас времени?

— Ты разыскал меня для того, чтобы спросить, который час?

— Да.

— У меня нет часов.

Хамит резко ударил парня в солнечное сплетение. Выпучив глаза и лова ртом воздух, Ахмет кулем осел на землю. Хамит терпеливо ждал, когда он придет в себя. Потом снова спросил:

— Сколько сейчас времени?

— У меня нет часов, — с трудом повторил Ахмет, тяжело поднимаясь с земли. И вдруг стремительно отскочил в сторону.

Пойманной рыбкой сверкнуло в его руке лезвие ножа. Присев, Ахмет на согнутых ногах стал обходить Хамита, выбирая позицию для атаки. Хамит следил за каждым его движением. Глядя друг другу в глаза, они двигались по кругу.

— Сколько сейчас времени? — издеваясь, еще раз полюбопытствовал Хамит. Тогда Ахмет сделал выпад. Чуть отклонившись в сторону, Хамит перехватил руку с ножом, выкрутил ее и через себя кинул парня на землю. Раздался хруст вывернутого плечевого сустава. Подняв и небрежно отшвырнув нож, Хамит подошел к парню и вытащил у него из-за пазухи часы. Это был массивный двухкрышечный серебряный хронометр. Хамит нажал кнопку, и одна из крышек открылась. Тогда он зажег спичку и стал рассматривать надпись на внутренней стороне часов.

В юрте снова запела домбра.

— «Бесстрашному красному бойцу Байсеиту Мукееву за проявленную отвагу в боях против колчаковских банд», — прочитал Хамит. — Он был председателем Барлыккульского волисполкома.

— Я ничего не знаю, — простонал Ахмет.

— Знаешь, — сказал Хамит, наклонился к нему и сильно дернул за вывернутую руку. Парень взвыл, а рука встала на место. Ничего не поняв, Ахмет попытался согнуть руку в локте. Рука сгибалась. Тогда он поднял глаза на Хамита.

— Я ничего не скажу.

— Скажешь.

Село Шилов. 6 сентября 1923 года

Громко и требовательно постучал Хамит в богатые ворота. Высунулась в калитку простоволосая девка:

— Вам чего?

— Мне Григорий Парфенович нужен.

— Некогда ему, занят он, — недружелюбно ответила девка.

— Сейчас я им займусь, — пообещал Хамит и соскочил с коня. Девка рассмотрела звезду на фуражке и пререкаться не стала — отодвинулась, освобождая вход.

Чистый, благообразный, в свежей белой рубашке враспояску, Григорий Парфенович сидел в просторной горнице и ел кашу.

— Что ты делаешь с продовольствием, которое тебе доставляет Ахмет? — от дверей спросил Хамит.

Григорий Парфенович аккуратно положил ложку на край миски, вытер полотенцем усы и ответил вопросом на вопрос:

— А что делает хозяин с человеком, который без приглашения врывается в его дом?

— У меня мало времени, хозяин. Очень прошу тебя ответить на мой вопрос. — Хамит снял с плеча карабин и перевернул затвор.

— Какой Ахмет? Какое продовольствие? — Изумление Григория Парфеновича было неподдельным.

— Ты наверное, плохо понял вопрос. Повторяю: что ты делаешь с продовольствием, которое по аулам скупает для тебя Ахмет?

— Я, гражданин хороший, спекуляцией не занимаюсь.

— У меня очень мало времени. Но все же я немного подожду. А потом застрелю тебя как собаку, и кровь зальет эту красивую горницу! Ну!

Григорий Парфенович неотрывно глядел в черную дырку ствола. Потом суетливо встрепенулся, быстро заговорил:

— А я что? Я ничего. Мое дело маленькое. Соберу все, сложу в телегу, ночью вывезу за околицу, там и оставлю.

— С телегой и лошадью?

— Не-е, лошадь я выпрягаю. Следующей ночью забираю телегу, и все.

— И больше ты, конечно, ничего не знаешь... — вкрадчиво произнес Хамит.

— Ничего! — радостно согласился Григорий Парфенович.

— Тебе же платят, собака! Тебе дают деньги! Кто?

— Ну он и приносит.

— Кто он?

— Алимжан. Который возит туда.

Помахивала хвостом лошадь, везя телегу в ночи, всхрапывал конь, привязанный к задку. Хамит лежал на мешке и смотрел в небо.

— Я человек подневольный, — не оборачиваясь, бойко рассказывал Алимжан. — Пригрозили мне — запугали. Вырежем всю семью, говорят. А тебя — меня, значит, — повесим.

— Мне бы удавить тебя, гада, а я тебя слушаю, — с ленивым удивлением сказал Хамит. Алимжан обернулся, улыбнулся: — Вот и я говорю: там повесят, здесь удавят. А что лучше?

— Лучше — жить по-человечески.

— А как по-человечески?

— Детей растить, землю украшать, работать.

Светлело небо. Светлела степь. Похолодало. Хамит сел в телеге, застегнулся на все пуговицы, поправил фуражку. Дорога пошла под уклон.

— Подъезжаем, — сказал посерьезневший Алимжан.

Совсем рассвело, когда они, попетляв еле заметной среди тесных кустов тропкой, остановились у хорошо замаскированной ямы.

— Вот сюда и выгружаю, — кивнул на яму Алимжан.

— Выгружай, — приказал Хамит.

Работал Алимжан добросовестно, неизвестно для чего показывая Хамиту сноровку и старательность.

— Все! — сказал он, заботливо прикрыв ветками и присыпав сухой травой заполненную яму, разогнулся и посмотрел на Хамита.

— Они скоро придут? — спросил Хамит.

— Сначала один прискачет, проверит, все ли в порядке. А заберут неизвестно когда. Очень осторожные! — восхитился бандитами Алимжан.

— Для начала мне один и нужен.

— А я тебе больше ни к чему. Поеду, а? — попросился домой Алимжан.

— Сейчас. У тебя веревка есть?

— Есть. Как же в дороге без веревки?

Алимжан порывлся в телеге и протянул Хамиту моток. Тот попробовал веревку на прочность, удовлетворился ее крепостью и приказал:

— Ложись.

— Зачем? — испуганно спросил Алимжан.

— Вязать буду.

Алимжан покорно лег. Связав ему ноги, Хамит поинтересовался:

— Откуда он появляется?

— Справа. Он открытых мест боится. Так и скачет вдоль опушки.

Хамит достал из кармана гимнастерки заранее приготовленный кляп, зажав Алимжану нос, умело воткнул кляп в открытый рот, перевязал рот тряпкой, чтобы кляп не выплюнул. Оставив в кустах своего коня, Хамит осторожно выполз на опушку...

Он увидел всадника еще у горизонта. Тот, как и говорил

Алимжан, скакал вдоль опушки, стремительно приближаясь. Хамит на секунду прикрыл глаза — готовился к встрече.

Но вдруг всадник, видимо, почувствовав что-то непривычное, повернул назад и стал уходить в степь. Хамит кинулся к коню. Когда он верхом выскочил на открытое место, всадник был уже далеко:

— Выручай, горбоносый! — крикнул Хамит и прищепил коня. Нужно было не дать бандиту уйти в заросли, и Хамит стремился перерезать противнику путь. Конь Хамита был сильнее и свежее, и поэтому вскоре он настиг всадника.

Обернувшись, бандит, не целясь, выстрелил.

— Не попадешь! — прокричал Хамит.

Бандит палил без перерыва. Отстав, Хамит ожидал, когда иссякнет маузеровский магазин. Маузер замолк, и тогда Хамит резко осадил коня, скинул с плеча карабин.

Бандит был уже у кустов. Хамит выстрелил. Конь бандита пал на колени, а сам бандит, перелетев через лошадиную шею, распластался на земле. Хамит подъехал, спешил и, не выпуская карабина из рук, наклонился.

Хлестким ударом ноги бандит выбил карабин из рук Хамита, вскочил и тут же нырнул вниз, пытаясь захватить ноги противника. Изловчившись, Хамит ударил бандита коленом в пах, тот осел, и Хамит, развернув его лицом вниз, начал заламывать правую руку. Бандит вскрикнул и ткнулся головой в траву.

— Не надо так. Ему больно, — сказали сверху.

Ничего не понимая, Хамит поднял голову и огляделся.

Плотным кольцом стояли всадники. Их было много, человек двадцать. Скалил зубы Ахмет, хихикал Григорий Парфенович, весело смеялся Алимжан. Хамит сразу узнал Кудре. Кудре соскочил с коня, и следом за ним спешили еще несколько человек.

— Ты — Хамит, — сказал он.

— А ты — Кудре! — закричал Хамит и бросился на атамана. Но его схватили, связали руки за спиной.

— Смелый, — констатировал Кудре.

— Стреляй, сволочь!

— Кричишь, значит, все-таки страшновато. Или стыдно. А ты — батыр.

— Я не батыр. Я — боец Красной Армии, которая раздавит тебя и твою шайку, как гнилое яблоко.

— Вот и я говорю: ты — батыр. Красный батыр. Батыр Советской власти. А я батыр вольных степей, для которого нет и не будет никогда никакой власти. Для меня нет слова «нельзя», и поэтому я сильный, и поэтому я сильнее тебя.

Кудре схватил Хамита за нос и стал раскачивать ему голову из стороны в сторону.

— Смотрите все! Я таскаю батыра за нос! Я таскаю за нос Советскую власть! Я человек, для которого нет законов, таскаю за нос закон!

От унижения и бессильного гнева Хамит закрыл глаза.

Кудре устал от своей ярости. Отпустив Хамита, он уже спокойно спросил Ефима:

— Что ты хочешь взять у него?

Ефим внимательно посмотрел на Хамита.

— Сапоги не возьму, сапоги у меня лучше. И гимнастерка его мне не нужна. А портупья хорошая, портупья мне пригодится.

И быстро и умело распоясал Хамита.

— Ты, Алимжан? — спросил Кудре следующего.

— Сапоги.

Кудре толкнул Хамита в грудь, тот упал на траву, а Алимжан сноровисто сдернул с него сапоги.

— Григорий Парфенович, твоя очередь!

— А мне ничего не надо. Мне бы каждый день его такого видеть — никакой другой радости не нужно.

— Ахмет?

Ахмет виновато отвел глаза.

— Да, часы, — атаман залез в карман Хамиту, достал часы, подкинул их в руке, протянул Ахмету.

— Узнаю еще раз, что хвастаешься ими, застрелю на месте. А сегодня прощаю в последний раз. Держи.

Хамит открыл глаза. Шайка была перед ним.

— Вы — бандиты, — сказал он. — Вы — бандиты, и народ покарает вас.

— Народ?! — безмерно обрадовался Кудре и с веселым изумлением оглядел свой отряд. — Он говорит: народ! Ну что ж, пойдем к народу!

На шею Хамиту накинули петлю.

— Идем к народу! — хохоча, провозгласил Кудре, и отряд тронулся. Без сапог, портупьи и фуражки Хамит шел меж двух всадников, влекомый безжалостной веревкой.

Кудре обернулся.

— Ты хочешь к народу. Тогда поторапливайся, — и прищипил коня. Лошади бежали неровно и дергали веревку, а веревка тянула Хамита вперед, кидала назад, и поэтому бег Хамита напоминал странный и нелепый танец пьяного. Скакавший впереди Кудре иногда поглядывал назад и весело смеялся.

Показалось селение, и всадники прибавили. Хамит еле успевал перебирать ногами, он часто падал, но веревка снова заставляла подниматься, и он бежал, бежал, изнемогая.

Видимо, отряд увидели издалека, и, когда бандиты въехали в селение, им не встретилось ни единого человека.

— Стой! — приказал Кудре, и отряд остановился.

Хамиту хотелось упасть, но он заставлял себя стоять. Кудре спешился и подошел к нему.

— Народа нет, Хамит! Но если тебе так хочется видеть, то он будет. Его сгонят, — и приказал своим: — Всех сюда!

Они стояли плотной толпой и испуганно смотрели на бандитов и на истерзанного Хамита. Кудре вскочил в седло и, горяча коня, говорил:

— Люди! Перед вами верный пес большевиков, защитник Советской власти, — Кудре нагайкой указал на Хамита. — Он считает, что вы любите Советскую власть и поэтому покараете нас. Я вижу, что карать меня вам не хочется. Но просто из

любви к Советской власти кто-нибудь хочет помочь этому человеку?

Толпа молчала.

— Ладно. Не из любви к Советской власти. Просто из сострадания к человеку. Любой может освободить его от веревки, развязать руки. Обещаю, что не трону сердобольного. Ну кто?

Никто не тронулся с места. Кудре захохотал, заваливаясь в седле.

— Может быть, это не тот народ, а, Хамит? — спросил Кудре и, не получив ответа, еще раз повторил: — Обещаю не трогать того, кто поможет этому человеку. Ну, кто?

— Я, Кудре, — тихо сказал Акан и выступил вперед.

Хамит поднял голову и посмотрел на старика. Кудре послал коня и, развернувшись, конским крупом откинул Акана.

Старик отлетел к толпе, но дружеские руки не дали ему упасть.

— Я знаю, ты не боишься смерти, старик, — уважительно сказал Кудре и обратился к Хамиту: — Но он — не в счет! Милосердием своим в последние дни он хочет быть угодным Аллаху! Но я не дам ему так дешево купить вечное блаженство. Старик не в счет, Хамит!

— Кто?! — в последний раз громогласно воззвал Кудре. И из толпы появилась маленькая фигурка. Девушка. Она шла через площадь к Хамиту, и все смотрели на нее. Подойдя, попыталась освободить стянутые веревкой руки Хамита, но тугий узел не поддавался слабым пальцам. Тогда она встала на колени и зубами вцепилась в узел. Узел поддался. Она поднялась с колен и быстро освободила руки Хамита от веревки.

Хамит с трудом вытянул свои руки вперед, посмотрел на них, через силу пошевелил пальцами и рухнул в пыль, потеряв сознание.

— Почему женщина? — растерянно спросил Кудре.

— Потому что здесь нет мужчин!

Прямая, как натянутая струна, девушка без страха смотрела на Кудре.

— Зачем ты развязала ему руки?

— Мой отец поступил бы так же. Но ты и твои люди убили его. Поэтому я, дочь Байсеита Мукеева, сделала это!

— Так вот ты кто, красное отродье! — Ненависть клочкотала в Кудре, и, еще не зная сам, что будет делать, он направил коня на нее. И впервые толпа глухо зашумела.

Кудре переводил взгляд с лица на лицо. Из толпы вышел человек. Повернулся к своим односельчанам, поклонился, потом повернулся к Кудре — поклонился.

— Ты разрешил освободить этого человека любому. Но Акану ты запретил сделать это потому, что он слишком стар, ей ты не позволяешь освободить оттого, что она женщина и дочь большевика. Народ хочет знать: где твое слово, Кудре?

Поборов в себе острое желание стегнуть этого человека нагайкой, Кудре поднялся в стремянах и объявил торжественно:

— Мое слово — единственный закон, который я соблюдаю. Она может забрать эту пададь.

7 сентября 1923 года

Хамит лежал на железной солдатской кровати, уставившись глазами в беленый потолок. Комната, в которой он находился, судя по всему, когда-то принадлежала солдату — в ней не было ничего лишнего. Железная кровать, грубый стол, два массивных некрашенных табурета.

За окном серело — приближались сумерки. Пришла девушка, села на табурет, спросила:

— Есть хочешь?

С трудом шевеля языком, Хамит ответил:

— Не хочу. — И спросил после паузы: — Как тебя зовут?

— Хабиба.

— А меня — Хамит. Где они?

— Ушли.

— Этого не может быть.

— Я сама видела, Хамит! Они ушли.

— Рано или поздно они постараются прикончить меня. Пока ждут, когда я уйду отсюда, чтобы застрелить в степи. Они знают, что мне обязательно надо идти. — И он с тоской посмотрел на свои распухшие ступни.

— Я тебе дам отцовские сапоги. Они в сарае, я сейчас принесу.

Хабиба вышла на крыльцо, постояла немного, привыкая к темноте, и направилась к сараю.

— Ты куда? — спокойно поинтересовались из темноты. Не отвечая, Хабиба прошла в сарай. Когда она появилась оттуда с сапогами в руках, дорогу ей преградил Ахмет.

— Девушке неприлично появляться на улице в такой поздний час, — с издевкой произнес Ахмет. Он поднес к ее глазам циферблат открытых часов. Хабиба молча отвела его руку и поднялась на крыльцо.

Она поставила сапоги перед Хамитом.

— Обувайся.

Хамит обувался, а Хабиба сидела на табурете и беззвучно плакала. Почувствовав это, он резко вскинул голову.

— Бандит здесь, — быстро утерев слезы, ответила она на его безмолвный вопрос. — Тот, что убил моего отца.

— Откуда знаешь?

— У него отцовские часы, — сказала Хабиба, сдерживая рыдание.

— Ахмет, — сказал Хамит и натянул второй сапог.

— Ну я, — подтвердил Ахмет от дверей.

— Выйди, Хабиба, — глядя на Ахмета, попросил Хамит.

Хабиба вышла, Ахмет поставил карабин в угол и, вынув наган, скомандовал:

— Встань!

Под дулом нагана Хамит встал.

— Ты, я вижу, собрался в дальнюю дорогу, Хамит. Но, прежде чем ты уйдешь, я хочу сказать тебе, сколько сейчас времени. — Ахмет что есть силы ударил Хамита ногой в живот. Хамит упал на пол. Засунув ненужный наган за ремень, Ахмет левой рукой поставил Хамита на ноги, а правой ударил по лицу.

— Сейчас половина десятого!

Распахнув дверь, Хабиба в ужасе смотрела, как Ахмет избивал Хамита.

— Половина десятого! — тупо орал Ахмет.

Не зная, что делать, Хабиба кинулась в кухонную пристройку.

— Половина десятого! Половина десятого! — доносилось до нее. Она беспомощно металась там, пока не увидела лежащий на столе нож. Тонкий, длинный, хорошо заточенный нож, которым режут скот. Обхватив рукоятку обеими руками, Хабиба неслышными шагами направилась в комнату.

Нож вошел на всю длину клинка. Ахмет остановился, еще несколько секунд держась на ногах, потом медленно осел и наконец с тяжелым стуком упал на пол.

Цепляясь руками за кровать и табуретку, Хамит поднялся и долго смотрел на распростертое у его ног тело.

— Готов, — сказал Хамит. — Он был один?

— Я не знаю, — ответила Хабиба и спросила: — Я убила его?

— Ты убила убийцу твоего отца, Хабиба. Это справедливо.

Она ничего не ответила и, закусив руку, по стене стала сползать на пол.

Хабиба сидела у стены, глядя остановившимися глазами в одну точку, а он обыскивал убитого. Взял наган, осторожно, за цепочку вытащил часы и протянул их Хабибе.

— Возьми. Твои.

Она в ужасе затрясла головой. Он спрятал часы в нагрудный карман.

— Как знаешь, — прошел в угол к карабину и вдруг сказал обрадованно: — Мой. Часы твои, а карабин мой.

Хабиба продолжала неподвижно сидеть у стены. Он подошел к ней, с трудом опустился на корточки.

— Нам надо уходить, Хабиба. Если мы сейчас не уйдем, они придут и убьют нас.

Он взял ее за локти. Она вздрогнула.

— Что мне делать, Хамит?

— Ты должна спасти нас. — Хамит знал, что только забота о другом может вывести Хабибу из оцепенения. — Ты сейчас выйдешь и узнаешь, нет ли еще бандитов поблизости. Но только осторожно, очень осторожно. Ты поняла?

— Поняла, — всхлипнув, ответила она и пошла к двери.

Долго искать бандитов не пришлось: неподалеку в большом и богатом доме ярко светились окна. И оттуда доносились веселые голоса. Хабиба осторожно заглянула в окно. За широким столом двое бандитов и хозяин пили кумыс.

Хабиба вернулась в свой дом и с порога, стараясь не глядеть на мертвеца, сказала:

— Пошли. Они пьют кумыс у толстого Шарипа.

— Подожди меня во дворе, — приказал он, и Хабиба повиновалась. Хамит за ноги выволок Ахмета и сбросил его с крыльца.

Хабиба вопросительно посмотрела на Хамита.

— Он не должен лежать в доме Байсеита Мукеева.

8 сентября 1923 года

Утром они подходили к незнакомому аулу.

— Подожди. Надо осмотреться, — сказал Хамит.

— Их нет в ауле, — уверенно заявила Хабиба. — Пойдем к людям, и они дадут нам поесть.

— Почему ты думаешь, что их там нет?

— Ты разве не видишь, что играют дети?

Они спускались к юртам и вдруг остановились. Неподдалеку в ауле играли дети, а здесь лежал убитый. Это был тот красноармеец, которого Хамит послал к Круминю с донесением. К груди его был аккуратно приколот клочок бумаги.

— «Спешил», — прочел Хамит и замолчал. Молчала и Хабиба. От аула к ним поднимался человек. Подойдя, он сказал виновато:

— Они запретили его хоронить.

Не отрывая глаз от красноармейца, Хамит приказал:

— Лопату!

Сначала он яростно копал могилу. Потом долго сидел у свежего холмика, ни на кого не глядя. Рядом стояли Хабиба и человек из аула. Наконец Хабиба попросила:

— Пойдем, Хамит.

Хамит встал. Посмотрел на Хабибу, посмотрел на человека из аула.

— Я хочу сказать речь. — Он помолчал, собираясь с мыслями. — Речь моя будет коротка. Не ведая, что делаю, я послал тебя на смерть. Ты погиб от рук Кудре. И я говорю: Кудре и его бандиты скоро перестанут топтать казахскую землю. Ты будешь отомщен. Я клянусь тебе, парень!

9 сентября 1923 года

Хамит очень спешил, но к аулу, где он оставил Ивана, они успевали только к сумеркам. Хабиба изнемогла, но Хамит, хромавший на обе ноги, умолял:

— Быстрее, Хабиба, быстрее! Мы должны успеть.

И они, спотыкаясь, бежали, шли, тащились...

Они были уже близко к цели, когда услышали выстрелы. А вскоре и увидели, как в полукилометре пронеслись, не замечая их, всадники. Сорвав с плеча карабин, Хамит посылал им вслед пули до тех пор, пока не кончилась обойма. Всадники даже не обернулись. Они исчезли за горизонтом, а Хамит сел на землю и обхватил голову руками:

— Я опоздал. Я опоздал. Я опоздал.

Они уже не торопились. Третий труп был на их пути. Мертвый лежал, уткнув белобрысую голову лицом в траву. Застыранная гимнастерка белела в сумерках. Они склонились над ним, и тогда раздалось:

— Руки вверх! Ни с места!

Шагах в десяти от них с винтовкой наперевес стоял неведомый Иван.

— Иван! — беспомощно выдохнул Хамит и шагнул вперед.

— Хамит Исхакович! — узнал своего командира Иван.

Они стояли обнявшись, и Хамит прятал лицо в плечо Ивана. Оторвался наконец, еще раз посмотрел изумленно, спросил, кивнув в сторону труп.

— Кто это?

— А я ж откуда знаю, Хамит Исхакович?

Хамит перевернул покойника. Закатив пустые, неживые глаза, перед ним лежал Ефим. Пуля вошла ему в сердце.

— Кто его?

— Да я, Хамит Исхакович. Этот первым скакал, уж очень мне удачно на мушку попался. А остальные как увидели, что он упал, развернулись и назад. Своего бросили. Вояки!

Только сейчас Хамит заметил, что за спиной Ивана чуть поодаль стояли вооруженные люди.

— Как тебе удалось это, Иван?

— Ты же сам приказал — защищай. А как я один защищу? Раскинули мы мозгами с Саттаром, ну с которым вы повздорили. Вооружились чем бог послал, окопчики под круговую оборону отрыли, круглосуточное дежурство ввели. И дождались.

— Конечно, вряд ли они стали бы действовать в открытую, если бы могли предположить, что ты уйдешь, Хамит, — вслух размышлял Круминь.

— Почему они сразу не убили меня?

— Ну, это проще простого. Они хотели окончательно дискредитировать Советскую власть в глазах простых казахов.

— А Сейсембаева им было недостаточно?

— Сейсембаев, дорогой мой Хамит, толстый и в пиджаке. А когда на веревке водят батыра в красноармейской форме — это другое дело.

Хамит заскрипел зубами.

— Кто-то очень неглупый и очень злой хотел запугать, лишить надежды людей, превратить их в послушное стадо.

— Не кто-то, а Кудре, — перебил Хамит.

— Не Кудре, а кто-то, — мгновенно отпарировал Круминь. — Кто-то хотел сделать это, но добился обратного — прямого человеческого возмущения.

— Они все молчали, Ян Тенисович.

— А Хабиба?

— Хабиба — не они.

— Нет, дорогой мой. И Хабиба, и ты, и я, все мы — они. Ну, хватит эмоций. Давай-ка еще раз вспомним весь твой поход.

— Саттар здесь? — спросил Круминь у Ивана.

— А где ж ему быть, товарищ начальник? В комендантской отсиживается.

— Кто-нибудь в поселке его видел?

— Да навряд ли. Береглись, как могли.

— Попроси его зайти.

Саттар стоял в дверях.

— Знакомьтесь, — предложил ему и Хамиту Круминь.

Человеку, которого должны были арестовать, чаще всего не нравится тот, кто отдал приказ об аресте. Без любви смотрел Саттар на Хамита. И Хамиту человек, оскорбивший Советскую власть, тоже был не слишком приятен.

Тогда Хамит вкрадчиво и недобро спросил:

— Тебе не нравится Советская власть, Саттар?

— Когда Советская власть — это непогрешимый ты и твои непогрешимые приказы, она — не моя власть, она власть недоступных моему пониманию начальников.

— Не любишь начальников?

— Я люблю настоящую Советскую власть. Моя Советская власть — это ты, это он, — Саттар кивнул на Крумина, — это я, это Иван. Мы вместе за народное дело — это и есть Советская власть.

Чрезвычайно довольный Круминь наконец прервал их диалог:

— Как я понял, вы оба за Советскую власть. Значит, воевать за нее нам придется вместе. Я просил вас, товарищ Саттар, еще раз все обдумать серьезно, прежде чем дать окончательный ответ. Вы все обдумали?

— Да.

— Вы согласны?

— Да.

Круминь подошел к Саттару, положил руку на плечо.

— Ночью наряд придет арестовывать вас. Только Иван будет в курсе дела. Остальные будут преследовать вас всерьез. Я, конечно, постараюсь, чтобы это были не самые лучшие стрелки, но случайности могут произойти всякие.

— Я уйду, товарищ Круминь.

— Надеюсь. Сколько вам нужно времени?

— Думаю, дня два.

— Итак, через четыре дня у нас первое свидание. — Круминь, улыбаясь, повернулся к Хамиту. — Полагаю, ты запомнил, где и когда оно произойдет?

Хамит кивнул.

— Тогда пожмите друг другу руки.

Не глядя друг на друга, Хамит и Саттар обменялись рукопожатием.

10 сентября 1923 года

— Стой! Стой! — отчаянно закричали во тьме. Ответом был бешеный топот копыт.

— Сто-ой! — пронзительно и долго звучал последний предупреждающий. Топот удалялся. Раздалась команда: — Огоны!

Выстрелы вспышками на мгновения разрывали тьму. И в эти мгновения в степи был виден стремительно удалявшийся всадник.

Уездный центр. 11 сентября 1923 года

Иван грустно посматривал из маленького окошка арестантской. Вечерело. Мыча, возвращались домой коровы. Пробежали мальчишки с синими, сжатыми в куриную гузку ртами —

накупались в охотку до озноба. Наконец на улице появилась Хабиба.

— А я тебя ищу, ищу! — обрадованно закричала она. — Ты почему здесь сидишь?

— Потому что посадили, — ответил Иван.

— За что?

— Перебежчика упустил. А я что — виноват, если у меня стрелки хреновые?

— А как же я? Казахи сегодня вечеринку устраивают, и я хотела с тобой пойти.

— И с Хамитом, — добавил Иван ворчливо. — Придется тебе сегодня самой его звать. А то все я, все я! Устроилась!

Хабиба засмеялась.

— Глупый ты, Иван Матвеевич! Ладно, сиди. Я потом тебе поесть принесу.

Хамит тоже сидел у окошка. Облокотившись о стол и обхватив бритую голову руками, он неотрывно смотрел вниз — читал.

— И этот в тюрьме! — сама себе сказала Хабиба так, чтобы Хамит слышал. Но Хамит не слышал: — Того хоть посадили, а этот сам сидит! — возвысила голос Хабиба. Хамит повернулся и посмотрел на Хабибу затуманенными, отсутствующими глазами.

— И с ним я должна идти на вечеринку!

Они шли в ночи одни, но голос домбры был с ними. Он был в отдаленных криках птиц, в еще неслышном движении реки, в таинственном дыхании невидимой и необъятной степи.

— Я не помню, когда в первый раз увидел тебя, — признался Хамит. — Я очнулся, ты склонилась надо мной; и я узнал — не увидел впервые, — а узнал твое лицо.

— А я первый раз увидела тебя там, на площади. Ты стоял один, совсем один, и мое сердце сжалось от боли за тебя.

— Я был страшен тогда?

— Ты был прекрасен. Ты был один, ты был связан, а они с винтовками, на конях. Но ты был сильнее их, потому что все, кто видел тебя, знали — ты не сдашься. Они могли убить тебя, но победить не могли.

— Я помню все, Хабиба. Я помню, что еще не расплатился с долгом...

Они сидели во дворе дома и говорили тихо-тихо, стараясь не разбудить хозяйку.

— Понимаешь, Хабиба, я и раньше знал, за что сражаюсь. Как и сейчас, я был уверен, что борюсь за светлое будущее человечества, за счастье всех людей. Но это было только идеей, которой я был предан беспредельно. И только с тобой я понял, я почувствовал, что человечество — это люди, которые живут рядом со мной на земле, что человечество — это Круминь, это Иван, это... я. Человечество — это ты, Хабиба.

— Скажи, что ты любишь меня, — совсем тихо сказала она. Беззвучно шевелились губы Хамита, произнося слова признания. И за Хамитом его слова повторяла Хабиба.

Уездный центр. 12 сентября 1923 года

Ехали молча. Впереди Круминь и Хамит, сзади группа сопровождающих. Наконец Круминь, обернувшись, сказал:

— Подождите.

Красноармейцы остановились. Отъехав от группы, Круминь предложил:

— Простимся здесь, Хамит.

Они спешили, Хамит выжидающе смотрел на Круминя.

— Это очень опасно, Хамит.

— Я знаю.

— Но у меня нет другого выхода.

— У нас нет другого выхода, Ян Тенисович.

— Это сделать можешь только ты.

Тугай Иргиза. 14 сентября 1923 года

Раздвигая руками упругие ветки, Саттар шел сквозь кусты. Мягкая земля, покрытая ядовито-зеленой травой, пружинила под ногами. Но дальше незаметно для глаз дорога поднималась, и вскоре впереди посветлело. Сквозь редящее переплетение кустов угадывалось открытое пространство.

Подставив солнцу обнаженную грудь, на поляне лежал Хамит. Глаза его были закрыты — он отдыхал.

— Ты здесь, Саттар, — сказал он, не открывая глаз. — Выходи.

Саттар не спеша появился из-за кустов, подошел, сел на корточки.

— Слушаю тебя. — Хамит перевернулся на бок и лениво приподнялся.

— У них три лагеря. Приблизительно в тех местах, о которых думал Круминь. Входы в тугаях я пометил, как мы условились.

— Не заметят?

— Нет. Я сказал им, что завтра сюда прибудет эскадрон, чтобы уничтожить банду.

— Теперь о Кудре...

15 сентября 1923 года

Всадник скакал по степи. Могучий конь, вздымая гриву и хвост, летел над землей, послушный воле всадника. Движение вперед было неукротимо. И вдруг все кончилось: подсеченный под передние ноги конь рухнул на колени, перевернулся через голову, а седок вылетел из седла.

Кудре успел вскочить на ноги, но возникший неизвестно откуда Хамит прыгнул на него сверху с коня, смял и повалил. Лежа на спине, Кудре увидел, кто над ним, и это придало ему силы: выгнувшись, он увел свои руки от цепких пальцев Хамита и, поворачиваясь на бок, нанес удар противнику коленом в живот. Хамит охнул, ослабил хватку на мгновение, которого Кудре было достаточно для того, чтобы вскочить.

Кудре после подобного усилия нужна была пауза, которой Хамит ему не дал. Носком тяжелого сапога Хамит ударил Кудре в голень и, когда тот оцепенел от болевого шока, нанес ему еще один удар.

Очнулся Кудре уже со связанными ногами и руками. Рядом сидел Хамит. Увидев открытые глаза бандита, он решил вслух: — Пора.

Конь Кудре был мертв — сломал шею. Хамит подвел своего поближе, поднял Кудре, поставил на плотно сомкнутые веревкой ноги.

— Посади меня в седло, — подал наконец голос бандит.

— Поедешь, как баран, — ответил Хамит и, подхватив Кудре, перекинул его через седло. Живот бандита был на седле, а голова и ноги висели по сторонам. Привязав его покрепче, Хамит взял повод, и они — Хамит впереди, а сзади, лежа на седле животом вниз, связанный веревками Кудре — тронулись в путь.

Они молча двигались предрассветной степью. А когда взошло солнце, остановились на облюбованной Хамитом поляне, широким клином вдававшейся в приречные заросли.

Хамит безглаголиво, как мешок с навозом, сбросил Кудре с седла. Тот и упал, как мешок, — всей спиной, даже не пытаясь сгруппироваться. Хамит, не расседывая, пустил коня пастись, достал из мешка чайник, сложил заранее приготовленный хворост и разжег костер. Кудре наблюдал за ним.

Весело плясал под чайником огонь, и Хамит, ожидая, тоже лег на спину, подложив руки под голову.

— Что ты со мной сделаешь? — не выдержав, спросил Кудре.

— Сначала поддержку здесь, чтобы ты не мешал женщинам спать ночью.

— Саттар! — взвыл Кудре и стал биться затылком о землю. — Я же с самого начала не верил ему! Почему я не прикончил его? Почему?

Хамит встал и сверху посмотрел на извивавшегося, как червяк, бандита.

— У меня кружится голова от желания раздавить тебя. Но я должен сохранить тебя живым. Нам надо, чтобы ты рассказал о многом. О своих связях. О людях, которые оказывали тебе поддержку. О тайных складах оружия.

— Ты от меня не услышишь ни слова, красный ублюдок! Я ничего не скажу вам!

— Скажешь! Сегодня ночью сюда прибудет эскадрон регулярной Красной Армии и прихлопнет все три твоих лагеря. Ведь у тебя их три? Без тебя твои головорезы не окажут никакого сопротивления. Ты же, Кудре, привык иметь дело со стадом. Твой отряд — твое последнее стадо. Но стадо без пастуха — просто сборище овец. А когда будет покончено с твоими горе-вожаками, тебе не перед кем будет красоваться, и ты согласишься и расскажешь все.

— Развяжи мне ноги, я хочу сесть, — сказал Кудре.

Хамит ножом перерезал веревку. Кудре, застав, подтянул под себя затекшие ноги и с трудом сел. Хамит отошел в сто-

рону — от костра несло жаром — и прилег, положив на всякий случай под правую руку расчехленный маузер.

Полуприкрытыми глазами смотрел Кудре на огонь. Огонь играл, изредка постреливая. Выстрелило посильнее, и розовый уголек упал рядом с бандитом. Кудре глядел на уголек до тех пор, пока он из розового не стал серым. Тогда он скосил глаза в сторону Хамита. Хамит смотрел в небо.

Не торопясь, Кудре носком сапога осторожно зацепил конец сильно обгоревшей толстой хворостины и выкатил ее из костра, а потом, как бы меняя позу, резким толчком каблука загнал раскаленную головешку под себя. Хамит отреагировал на это движение, коротко взглянув на Кудре, но не заметил ничего подозрительного.

Головешка была уже за спиной Кудре. Точно примерившись, он лег на нее. Чадила головешка, потихоньку начала тлеть веревка, краснела и вздувалась пузырями кожа на руках Кудре. Он терпел. Наконец веревка поддалась. Кудре стал осторожно высвобождать руки.

Хамит расслабленно лежал, но расстояние позволяло ему выстрелить прежде, чем Кудре достанет его. Путь у Кудре был один: к коню, мирно щипавшему траву у выхода в свободную степь.

Кудре вскочил и стремительно рванулся к коню.

Выстрел. Еще один. Прижавшись к конской шее, Кудре уходил в степь. Хамит положил маузер на согнутую в локте левую руку и тщательно прицелился. Кудре плясал на мушке, но прицел сбивался и сбивался. Выстрел. Всадник скрылся за холмом.

Аул Акана. 15 сентября 1923 года

Только к позднему вечеру добрался Хамит до аула хромого Акана, вошел в юрту и обессиленно сел у порога.

— Дай мне коня, Акан, — с трудом проговорил он. — Мне надо спешить.

— Я дам тебе коня, Хамит, — сказал Акан. — Но прежде ты должен отдохнуть. Таким ты никуда не доскачешь.

Старик помог Хамиту встать, провел на почетное место и заботливо усадил.

— Отдохни немного. Все будет хорошо, — как маленькому пообещал старик. Хамит откинулся на подушки, через голову стащил ремень с тяжелой коробкой маузера и прикрыл глаза.

— Через полчаса я должен быть в пути, — сказал он вяло.

— Через полчаса ты будешь в пути, — опять пообещал Акан, стараясь не беспокоить дремавшего, тихо отошел к входу и выглянул наружу. Там все было спокойно. Старик обернулся. В правой его руке был наган.

— Хамит! — громко позвал он.

Хамит открыл глаза и увидел перед собой маленькую круглую дырку.

— Не шути так, старик, — негромко сказал он. — Спрячь свою игрушку. Иначе мне придется сломать твою дряхлую шею.

И незаметно потянулся к маузеру.

— Попробуй, — охотно согласился с его предложением Акан и выстрелил. Пуля вошла в подушку как раз между правой рукой Хамита и маузером. Хамит убрал руку. Акан сел напротив и поудобнее устроил руку с наганом, направленным в голову Хамита.

— Я давно хотел сказать тебе откровенно, что ты стоишь в этом мире, щенок. Теперь тебе не поймать Кудре. Он был здесь. И очень скоро придет опять. Со всеми своими людьми. Они исчезли из лагерей, и ваш эскадрон завтра будет сражаться с пустотой. А сегодня отряд Кудре заберет оружие, на котором, кстати, ты сейчас сидишь, и уйдет, уйдет туда, где его не найдет никто. С ними уйду и я. А ты останешься лежать здесь с простреленной башкой.

Хамит поднял голову и плечи, ожидая выстрела.

— Нет, я не буду стрелять, если ты меня к этому не принудишь, — продолжал Акан. — Не пристало марать руки хозяину степи.

— Хозяин, убегающий от своего хозяйства, — не хозяин, — насмешливо произнес Хамит.

— Хозяин. Хозяин, потому что вся земля вокруг — моя земля, потому что скот, который пасется на этой земле, — моя собственность, потому что люди, пасущие этот скот, — мои слуги. Я вернусь, Хамит, я очень скоро вернусь к своему хозяйству!

— Обернись, Акан, — миролюбиво предложил Хамит. Обернуться Акан не успел: кто-то из-за его спины умело и властно перехватил его правую руку, вывернул и вытянул из вдруг ослабевшей кисти наган, ласково говоря меж тем:

— Пушка тебе ни к чему, папаша.

То был Иван. Он смотрел на Акана и снисходительно улыбался. И всемогущий хозяин степи превратился в маленького, злобного, но уже бессильного и ничтожного старика.

— Ты, ты... ты... — несколько раз пытался сказать что-то Акан, но ненависть душила его, и он повторял: — Ты... ты... ты...

— Я, — согласился Хамит. — И Иван. И Саттар. И Хабиба. Мы раздавили тебя, Акан, чтобы ты не мешал нам жить на нашей земле.

— От меня просто отвернулась удача. А тебе как дураку повезло, — сказал наконец Акан.

— Мне действительно повезло. Мне повезло, что ты так любишь красиво говорить. Я узнал твой голос, когда Кудре говорил о том, что для него нет слова «нельзя». И еще. Чтобы написать, надо уметь писать. В отряде Кудре нет грамотных. Так что записки на мертвых моих товарищах запиши в счет, который народ предъявит тебе, Акан!

— Ты не победишь меня. Без эскадрона за спиной ты никто.

— К сожалению, эскадрона у нас нет, старик. Да и людей маловато. Зато имеются четыре хорошо смазанных, безотказно работающих пулемета. И мы постарались сделать так, чтобы ты и Кудре привели всех бандитов к этим пулеметам. Сейчас прискачет Кудре с отрядом, и ты услышишь, как работают эти машинки.

В юрту вошел Круминь и, не найдя взглядом хозяина, спросил Хамита:

— Где он? Покажи мне его.

Хамит кивнул на забившегося в угол Акана. Круминь посмотрел на него и кивнул Ивану:

— Покарауль его. А мы пойдем. Скоро рассвет, и они вот-вот явятся.

Круминь и Хамит вышли из юрты. Огненной полосой на востоке вставал новый день.

Скакал отряд Кудре, и под многими копытами роптала земля. Отряд был уже рядом, и ропот стал слышен в ауле.

— По местам, — Хамиту и себе приказал Круминь, и они растворились в серой мгле.

Отряд ворвался в полукольцо, образованное юртами. Кудре осадил своего коня. Осаживали коней бандиты, скакавшие за ним, и поэтому отряд сбился в одну кучу.

И тогда ударили все четыре пулемета. Свинцовый веер раскрылся над головами бандитов, неся с собой смерть и панику. Прыгая с коней, бандиты прижимались к земле. Но наконец пулеметы умолкли.

Перекрывая испуганное лошадиное ржание, раздался ясный и громкий голос Хамита.

— На четырех холмах — четыре пулемета. Через три минуты они расстреляют вас, как глупых кур. Выход у вас один — сдаваться. Выходить по одному с поднятыми руками. Остальным лежать.

Они и лежали. Только Кудре оставался в седле.

— Кудре! Пойдешь первым! — приказал Хамит.

— Нет! — крикнул Кудре и вскинул коня на дыбы. Развернув его на двух ногах, он вонзил в конские бока острые каблуки.

— Кудре! — последний раз предупредил Хамит. Кудре не оборачивался, Кудре уходил. Спокойно положив маузер на согнутую в локте левую руку, Хамит тщательно прицелился. Кудре был на мушке. Хамит плавно нажал спусковой крючок.

Конь немного провололок зацепившееся за стремя носком сапога безжизненное тело и остановился.

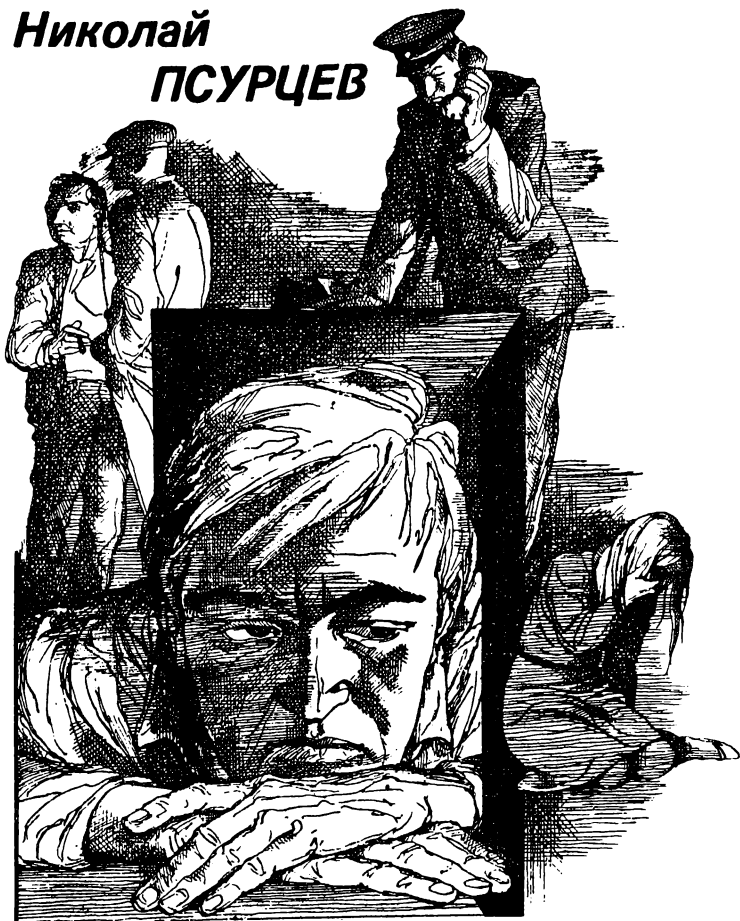
Круминь и Хамит склонились над ним.

— Ему внушили, что для него нет слова «нельзя» и поэтому он сильнее всех, — задумчиво сказал Хамит.

К юрте Акана по одному с поднятыми руками подходили бандиты. Красноармейцы обезоруживали их.

Круминь и Хамит взошли на холм. На востоке показался багровый край солнечного диска.

**Николай
ПСУРЦЕВ**

СВИДЕТЕЛЬ

ПОВЕСТЬ

Вход в отделение милиции выглядел скромно. Пять ступеней, давно некрашенные перильца, тонкая легкая дверь. Само отделение занимало в доме половину первого этажа, и коридор поэтому казался необычайно длинным, и много дверных проемов угадывалось по стенам. Слева за большой плексигласовой перегородкой Вадим увидел пульты с мигающими лампочками, те-

Художник Надежда БАЛЬЖАК

лефоны — белые, черные, красные; трех работников в форме; один возле пульта сидел, лысоватый, с капитанскими погонами; двое других — сержанты — у окна стояли, лениво переговаривались. Капитан смотрел куда-то вверх. Вадим сделал еще шаг и увидел, что вся комната за плексигласом разделена на две части с помощью такого же прозрачного листа. И там во второй половине какие-то грязные, мрачные типы сидят, ерзают беспрестанно, другие спят прямо тут же на скамье. И еще он понял, почему капитан голову приподнял, — он с одним из этих грязных и мрачных разговаривал. Тот опирался на деревянный барьер и в окошко норовил голову трясущуюся всунуть. А капитан морщился и беззлобно выталкивал его рукой...

Один из милиционеров увидел Вадима, подошел к перегородке и, открыв дверцу, которую Вадим только сейчас и заметил, спросил буднично:

— Вам кого?

— Уварова, — ответил Вадим.

— Сейчас, — сказал милиционер, подошел к пульта и, щелкнув тумблером, сказал в микрофон: — Олег Александрович, к вам пришли.

Хлопнула дверь в конце коридора. Показался стройный мужчина в сером пиджаке и темных брюках. Пока тот шел, Вадим успел разглядеть его. Ровесник мой, отметил Данин. Под тридцать.

Шагов за пять Уваров уже руку протянул, приветливо улыбаясь Вадиму. Сильные пальцы сжали Данину руку,

— Рад очному знакомству, — произнес Уваров.

— Взаимно, — вежливо ответил Вадим.

— Таким вас и представлял.

— Каким? — спросил Вадим.

— Вот именно таким, какой вы есть, — не стал уточнять Уваров. — Только повеселей.

— А я весел, — сказал Вадим. — Внутренне.

Сказал и сам подивился своей сухости, с чего это он так? Ведь понравился ему этот парень, и манерами своими, и походкой, и глазами живыми, цепкими, и даже прическа его понравилась: небрежная, удлиненная, так отличающаяся от стриженных милицеских затылков. И он попытался улыбнуться так же приветливо, как и Уваров, и тут же понял по внимательным глазам Уварова, что не получилась у него улыбка.

— И верно, — сказал Уваров, сделав вид, что ничего не заметил. — Истинное оно не напоказ, оно потаенное, но это только тогда, когда с собой ладишь. Ладите?

— Что? — тупо спросил Вадим. Глаза этого милиционера смущали его. Они будто все знали.

Уваров не стал повторять вопроса, а только усмехнулся.

А ведь маска это, подумал Вадим, маска, да и только. Просто он неглупый малый, вот и придумал себе такую маску. Потому что гораздо эффективней она, чем манера некоторых его коллег. Те, наоборот, раздражение вызывают, отталкивают настороженностью своей и подозрительностью безосновательной.

— Пойдемте, — сказал Уваров и сделал приглашающий жест рукой.

Маска, маска, повторял Вадим, шагая. И нечего мне его боять-

ся, и ничегошеньки он не знает. Он точно такой же, как и я, не хуже и не лучше. Нет, даже похуже, ростом меньше, сантиметров на пять. И Вадим улыбнулся.

— Дело вот какое, — говорил Уваров. — Мы тут решили следственный эксперимент провести. Восстановить все, что происходило в тот злополучный вечер.

У выхода оперативник столкнулся с костлявым, суетливым малым. Был тот в модной курточке, джинсах. Увидев Уварова, он неожиданно расплылся в подобострастной улыбке.

— А, Питон, — сказал Уваров. — Жду не дождусь тебя, крестничек. — Он обернулся к Вадиму. — Идите к машине. Я сейчас.

Неспешно открывая дверь и входя в тамбур, чтобы открыть вторую, ту, тощенькую, неказистую дверцу, Вадим услышал за спиной жесткий голос Уварова:

— Еще раз увижу, узнаю, услышу... северное сияние своими глазами увидишь...

И слабый, внявший голосок малого:

— Да я не хотел, я по пьянке...

Данин ждал его у машины. Когда оперативник подошел и взялся уже за ручку дверцы, Вадим неожиданно спросил:

— Вам нравится ваша работа?

Уваров нажал на ручку, но дверцу так и не открыл. Подумал недолго, разглядывая внимательно ручку, будто видел ее впервые. Потом вскинул голову и коротко рассмеялся:

— С чего это вы? А впрочем... Я умею ее делать, и неплохо, И это мне нравится. Садитесь.

До Каменного переулка доехали молча. Кроме Вадима, Уварова и водителя, в машине сидели еще два милиционера в форме. При них продолжать разговор Вадим не решился.

Их уже ждали. Трое. Они стояли в темноте, на углу того самого злосчастного дома-глыбы. Слабосильный фонарь был далековато, а тот, что висел возле дома, не горел вовсе, и поэтому Вадим догадался о присутствии людей только по трем крохотным сигаретным огонькам. Когда «газик» остановился, огоньки двинулись навстречу. Уваров открыл дверцу, и тусклый свет из кабины осветил лицо подошедшего. Вадим узнал его. Петухов. Тот самый, что опрашивал его в больнице. Неприятный тип. И как-то сразу обмяк; уверенность, которая жила в нем до этой минуты, притухла, и ему показалось, что даже голос его, когда он начнет говорить, станет тише, и будет он отвечать невпопад, не так, как мог бы, как должен был. Петухов. Все от него. Страх? Нет, нисколько, просто мы говорим на разных языках, подумал Вадим, он меня не поймет. Никогда. А я его.

Петухов улыбочиво кивнул вылезавшему Уварову, заглянул в кабину, многозначительно и тяжело посмотрел на Вадима и вместо приветствия проговорил с нехорошим смешком:

— Ну вот и встретились. Рано или поздно все возвращаются на место преступления...

Данин молча вылез из машины и, стараясь не смотреть на Петухова, подошел к Уварову. Оперативник был похож сейчас на кинорежиссера, оценивающего натуру будущей съемки.

— Хорошо-то как, — Уваров обернулся к Вадиму. — Тихо. Людей нет совсем. И воздух как после дождя. И ночь... И все это в центре города. Даже не верится.

Неожиданно стало светлей. Тени стоящих на мостовой людсь потянулись к концу переулка. Данин повернул голову. По глазам ударил мощный свет фар. «Волговский» движок работал почти бесшумно. Клацнула дверца. «Следователь», — сказал кто-то из милиционеров. Вадим зачем-то потрогал шею, затем волосы; ему сделалось совсем неудобно в этом черном холодном переулке.

Прежде чем поздороваться, следователь Минин долго кашлял и только после этого протянул руку оперативникам и без всякого интереса кивнул Данину, будто и знать его не знал никогда. А потом, вымучив улыбку на лице, сказал хрипло: «Работайте. Я тут, возле машины. Простыл. Температура. Слягу, видать...» Фары автомобиля погасли. Но Данину показалось, что следователь преотлично видит в темноте и сейчас внимательно его, Данина, разглядывает.

Уваров повернулся к стоящим в нескольких метрах двум мужчинам.

— Подойдите, пожалуйста, — позвал он.

Они были одинакового роста, пониже Уварова на полголовы, пожилые. Лица у них были растерянные, держались и двигались мужчины скованно.

— Это понятияте, — пояснил Уваров Вадиму. И жестом позвал Петухова. — Ребята на месте? — спросил он.

— Все здесь.

— Хорошо. Начинаем. — Он повернулся к понятиым и сказал: — Вы будете вон у того угла стоять и наблюдать, что происходит во дворе и на улице. Только это и требуется от вас. А от вас, Вадим Андреевич, — Уваров повернулся к Данину, — требуется нечто иное. А конкретнее — повторить все, что вы делали в тот вечер. Встанете сейчас на то же самое место, с которого услышали крики. Пострайтесь поточнее соблюдать расстояния. Это очень важно. И еще. Мы специально пригласили трех молодых людей. Они будут изображать преступников. Так что не удивляйтесь, когда увидите их во дворе.

— Хорошо, — сказал Вадим.

Он огляделся. Определил примерно то место, где стоял, когда доносились до него злые, резкие голоса, отошел туда, встал.

— Я готов, — сообщил он.

— И еще одна просьба, — попросил Уваров, — по ходу дела комментируйте свои действия.

...Все получилось почти как тогда. Вадим помялся немного, якобы услышав крики, ступил осторожно в сторону, потом побежал; крикнул: «Я из милиции», увидев трех парней, автоматически отметил про себя, что подставные «преступники» фигурами смахивают на тех, настоящих. Затем в общих чертах повторил свой диалог с преступниками и подсказал, в какой момент самому высокому из подставных надо убегать и в какую сторону, и помчался за ним. Все было почти как тогда. Почти. Неделей раньше в прокуратуре он и не обмолвился о том, что еще в тот самый вечер понял — потерпевшая знакома с теми тремя субъектами. По репликам понял, по словам, доносившимся со двора. Не сказал и о том, что одного из тех он разглядел, хотя темнота чернильная была, — тот белобрысый малый, когда убегал, в отсвет горевшего на первом этаже окна попал, и Вадим увидел

лицо его, холеное, красивое... Но иначе Данин и не мог поступить. Ведь не мог? Не мог, правда? Сколько раз он спрашивал себя потом. Его же просили, умоляли, чуть ли не на коленях перед ним стояли. Потерпевшая просила — Можейкина. И когда проводить он ее решил, просила, и когда в больницу ее привез, просила (возле такси она вдруг повисла у него на руках, на какое-то время потеряв сознание). Говорила, что убьют ее, если он хоть слово кому скажет — врачу или в милиции (больница, как полагается, поставила в известность милицию). И муж Можейкиной о том самом просил. «А муж-то почему?» — недоумевал тогда Вадим. Да и бог с ними, стал он потом рассуждать, ну пошалили ребята малость, ну ударили женщину сгоряча — свои, разберутся, мало ли, может, возлюбленный приревновал, а она дама интересная — немудрено приревновать. И промолчал в прокуратуре, рассказал самую суть — увидел, услышал, подбежал, погнался. А когда решил Можейкину в больнице навестить и узнал от врача, что ее избивали беременную — и именно по этому факту было возбуждено дело и что детей у нее теперь не будет, что острый психический сдвиг у нее произошел, посчитал, что поздно уже в прокуратуру идти, правду рассказывать — вдруг за соучастника примут, а за лжесвидетеля-то уж точно (тем более Можейкина на допросе заявила, что нападавших никогда ранее не видела), — расписывался ведь, что знает об ответственности за дачу ложных показаний...

Он услышал окрик Уварова:

— Стоп! Давайте еще раз.

И опять Вадим побежал, крикнул: «Я из милиции!»... И в этот момент Уваров остановил его. Вадим замер на месте, с трудом переводя дыхание. Уваров подошел к нему, за ним двинулся и Петухов. И в тот момент что-то очень не понравилось Вадиму в лице Петухова. Уж очень довольное оно было.

Уваров дружески взял Вадима под руку, помолчал немного, словно не решался заговорить, потом наконец сказал негромко:

— Значит, такое дело... Я не зря попросил вас повторить еще раз все сначала. Попросил для того, чтобы остановить вас именно на этом месте. Потому что... потому что мне показалось... А впрочем, вы сейчас все сами поймете, если уже не поняли. Не поняли?

Вадим недоуменно покрутил головой, но внутренне уже собрался, готовясь к самому худшему.

Уваров почему-то медлил, разглядывая Данина.

«Расслабься, расслабься, — убеждал Вадим себя. — А то пальцы-то аж в кулачки собрались. Хорошо, что ночь».

— Посмотрите на этих троих, — наконец заговорил Уваров, махнув рукой в сторону фигур.

С самым безучастным видом Вадим чуть повернул голову. И все понял. Не сдержал неприятный хохоток Петухов. Вадим невольно повернулся, посмотрел на него рассеянным взглядом и проговорил медленно, не отводя глаз:

— Ну и что?

Уваров даже отступил в удивлении на шаг от Вадима.

— Вы же видите их, — осторожно произнес оперативник. — Точно так же, как и видели тех. Глаза быстро привыкают к темноте. А прошла уже почти минута. Достаточно...

«Как вести себя сейчас? Оправдываться? Разыграть недоумение? Возмутиться? Да, возмутиться...»

— Та-а-ак, — со значением протянул Вадим. — Вы что же, хотите меня во лжи уличить? Хотите все это мне приписать? — Он повысил голос: — Я человека спас, а вы...

— Минуту. — Уваров протестующе выставил ладони. — Вы неверно поняли меня. Я надеялся, что вы вспомните их лица. Я надеялся, что воспроизведение той ситуации подтолкнет память и вы восстановите приметы. И вас ни в чем не подозревают...

Оперативник говорил серьезно и горячо, с возмущением даже, но глаза его при этом пытливо изучали лицо Вадима. Неприятное это было ощущение, будто обыскивали тебя, только не одежду обыаривали, а голову в поисках мысли потаенной. Вадим не выдержал, отвел взгляд, похлопал себя по карману, достал сигареты, закурил от поднесенной Уваровым зажигалки, пожал плечами, сделав вид, что успокоился. Потом окинул еще раз взглядом двор, затем, едва заметно усмехнувшись, сказал:

— Окно.

— Что окно? — не понял Уваров.

— Тогда горело только одно окно, и в том конце дома, а сейчас три. Понимаете, три окна.

— Вот как, — сказал Уваров, и в голосе его послышалось разочарование. — Это меняет дело.

Краем глаза Вадим уловил, как дернулся было в сторону подъезда Петухов, через мгновение застыл в нерешительности.

— Что ты, Сергей? — спросил Уваров.

— Я сейчас попрошу, чтобы погасили окна, — глухо ответил Петухов. Он был явно расстроен.

— Не надо, — поморщился Уваров. — Все. Закончили.

Вадим повеселел. Обошлось. Недаром он чувствовал сегодня силу свою, уверенность.

— Вопрос можно? — обратился он к Уварову. — Это вы только из-за меня сей эксперимент затеяли? Чтобы уличить меня?

— Нет, — устало ответил оперативник. Он, по-видимому, на какое-то время забыл о своей маске. — Мы ни на сантиметр не продвинулись в розыске и решили еще раз поработать с жильцами. И я хотел выяснить, слышал ли все-таки кто-то голоса. Один из милиционеров сейчас находится в подъезде у окна. Кстати, Сергей, — Уваров кивнул Петухову, — позови Сабитова... И еще по тому, как преступники убегали, я хотел уяснить, знают ли они эти места...

— Уяснили?

— Да. Один из них, тот, что слева, наверняка из местных. Он знал, что за забором проходной двор. Будем искать.

Устало ухнула дверь. Скорым шагом подошел один из сержантов.

— Слышно, — доложил он. — Плохо, но слышно. Особенно когда он кричал про милицию.

Все потянулись к машине. На улице стало гораздо светлей — прибавилось несколько горящих окон в домах.

Минин устроился в машине составлять протокол. Понятые стояли рядом и с интересом заглядывали в скупо освещенную

кабину. Вадим оперся о капот, сложил руки на груди и бездумно уставился на подъезд противоположного дома.

Какая-то тень показалась в конце переуллка.

— Ну вот и люди наконец, — послышался голос Уварова совсем рядом. Он неспешно приблизился к Данину. — А то уж я думал, как же они в дома попадают. По воздуху, что ли?

Некоторое время они молча наблюдали за приближающимся темным силуэтом. Человек шел странновато. Подпрыгивал, покачивался, то и дело его бросало на несколько шагов в сторону.

— Пьяненький, — почему-то обрадовался Уваров. — Интересно, дойдет?

— Дойдет, — сказал Вадим. — Автопилот работает.

Вот человек вынырнул из темноты, остановился, помотал головой и поковылял дальше. Что-то знакомое увидел в нем Вадим. Невысокого роста человек был, большеголовый, носатый, неряшливо одетый. Вадим прикрыл глаза, сиюсь вспомнить, где же он видел его.

— Эй, приятель, — позвал Уваров. — Поди-ка.

— Че? — Коротышка с трудом повернул подрагивающую голову.

— Иди, иди, поговорить надо.

Коротышка пригляделся, протер глаза, мазнул пустым взглядом по сине-желтой машине, по сержантам, стоящим неподалеку, протянул:

— А-а-а-а, — и, едва не рухнув после крутого виража, стал приближаться. И тут Вадим вспомнил — Долгоносик. Это Долгоносик. Тот самый, который в закуской рассказывал ему про Митрошку. Вадим чуть не выругался. Черт его дернул, алкаша, именно в этот час идти по переулку. Данин машинально поднес руку ко лбу, страясь ладонью скрыть хотя бы пол-лица. Впрочем, вряд ли этот спившийся мужичонка сможет узнать его.

...Через день-два после разговора с Можейкиной (когда ее выписали из больницы, они встретились на улице, возле ее дома) Вадим вдруг понял, что худо ему — неспокойно, муторно. Отчего? Ведь все в порядке. Нормально он живет — работает в НИИ, воюет с начальством, спит, ест. Лишь мелкие бытовые заботы одолевают, и только. И вот на тебе... А мысли всё вертелись беспорядочно в голове, и выхватывало сознание из памяти подробности их встречи... Сначала вообще непонятное происходило. Он увидел, как к стоявшей на другой стороне улицы Можейкиной (плотным потоком шли машины, одним махом мостовую не перескочишь) внезапно приблизился малый в кепке из кожзаменителя — Вадим узнал его почти сразу — по кепке узнал, по опущенному правому плечу, по очертаниям фигуры. Один из трех, что были во дворе. Кепка что-то резко и жестко сказал Можейкиной, а потом поднес пятерню к ее лицу и оттолкнул от себя. Вадим логнался тогда за парнем. Погоня была как в кино — в толпе на тротуаре, среди машин на мостовой — стремительная, злая и безуспешная. За углом Кепку ждало такси. Когда Вадим добежал до угла, автомобиль, рокотнув, сорвался с места, как со старта на автогонках... Непонятно. И Можейкина ничего не объяснила. Не захотела или не смогла. Она стояла с посеревшим лицом, с остановившимся взглядом. Говорила бес-

связно и так по-детски жалко, что тоскливо щемило у Вадима сердце... «Что делать? Что делать? — терзался Вадим. — Как освободиться от груза этого сковывающего, от беспокойства необъяснимого?» Он вспомнил, что тогда, после происшествия, Можейкина вроде сказала, что сумку оставила у Митрошки. Кто такой или такая Митрошка? Надо найти ее или его, надо хоть что-то выяснить. В закускойной возле Каменного переулка мужики показали ему на заморенного алкаша, старожилу. Звали его Долгоносик. «Митрошка? Знаю, — тотчас отозвался тот, — в шестом доме живет, вредная старуха, квартирантов обирает». На следующий день Данин решил навестить ее. Удачно все получилось, подозрительная старуха приняла его за друга своего квартиранта Лео и отдала ему сумку Можейкиной. Она почему-то называла Вадима шоферюгой захарчеванным и таксёром нахальным, а когда попросила три рубля и Данин ей не дал, обозвала жмотом и добавила, что не все таксёры такие и что Витёк ей всегда рублик давал. Когда выходил из дома, чуть не столкнулся нос к носу с щеголеватым Курьером от Лео. Тот тоже за сумкой шел.. Потом Вадим вспомнил Витька-таксиста и то, что на машине, в которую сел Кепка — номер ее он запомнил на всякий случай и чуть позже через своего приятеля из областной газеты, Беженцева, выяснил это — работает сменно некто Виктор Раткин. А вот с Раткиным получилось совсем неудачно. А, впрочем, Вадим сам виноват, не надо было так в лоб его расспрашивать. Тот по разговору довольно быстро усек, что надо от него Вадиму, и рука его потянулась за монтировкой. После короткой стычки Вадим позорно бежал. На следующий день Данина в первый раз предупредили по телефону — мол, не суйся, а то сядешь за попытку ограбить таксиста. От ровного, бесстрастного, словно механического голоса в трубке у Данина мерзенько (точь-в-точь как тогда, в Каменном переулке, когда крик Можейкиной слышался) заняло в желудке. Сдерживая застывшее вдруг дыхание, он мужественно, как ему казалось, огрызнулся в трубку и сам пугался своих слов, потому что чувствовал, что не простой это звонок, не для острастки обычной его предупреждают. Это люди серьезные...

Непонятно только, почему они в него-то, в Данина, так уперлись? Ну, допустим, и узнает он этого самого Лео. Что с того? Можейкина-то не подтвердит. Вишь, как запугали ее. До смерти. А ведь она основное в этой расчудесной истории лицо. Значит, бояться они чего-то другого. Чего? Может быть, опасаются, что просто фигура Лео всплывет? Что в поле зрения попадет он? Так, это уже ближе. Видать, за ним еще что-то есть. И крупное. Точно. Поэтому такая паника и поднялась, поэтому так они в Данина и вцепились, когда он лишь чуть-чуть активность проявлять стал. Так кто же все-таки эти «они»? А впрочем, плевать, и без него есть кому разобраться. Он, в конце концов, не в милиции работает. Это у них — долг, это они обязаны, а ему-то и дела нет. Теперь только от сумочки Можейкиной, что Митрошка ему сунула, освободиться, и довольно с него. С тем и заснул Вадим в тот самый вечер после злосчастного звонка. А утром, одевшись, первым делом бросился к антресолям, где сумку прятал, схватил ее, спрыгнул с табуретки на пол, да так и застыл недвижимый, потому что понял вдруг, что не выкинет

он ее. Ну не сможет выкинуть, и все тут. Он закинул тогда ее в сердцах обратно на антресоли, держать у себя сумку страшно, а в прокуратуру теперь, после звонка, путь и вовсе заказан. Ладно, успокаивал он себя, сумка пусть полежит, потом спрячу ее где-нибудь вне дома, но в эту свару больше не влезу.

...— Кто такой? Где живешь? — спросил Уваров нарочито строго.

— Эта... здесь. — Долгоносик слабо махнул рукой в сторону дальних домов. — Васильков я... вот.

Он поднял голову и уставился на Уварова, потом медленно перевел взгляд на Вадима.

— Во, — сказал он, тыча в сторону Данина пальцем. — Я тогда мужикам сказал, что ты мент, ха-ха, я все вижу, ха-ха, во...

— Вы знакомы? — удивился Уваров.

Вадим выдавил из себя улыбку:

— Что-то не припоминаю.

— Говорил, что жил здесь... во... а сам не жил. Я и то помню, — я никогда не пьянею, я все помню. — Долгоносик горделиво выпрямился.

Вадим машинально погладил волосы, полез за сигаретами в пиджак, но не нашел их, чертыхнулся, потом отыскал пачку в кармане рубашки, чиркнул спичкой, закурил, не заметив поднесенной Уваровым зажигалки. Он чувствовал, что оперативник внимательно наблюдает за ним, и старался не смотреть в его сторону.

— Так вы все-таки знакомы, — утвердительно проговорил Уваров.

Вадим пожал плечами.

— Не узнаешь, — прищурился Долгоносик. — Кого на работу берут. Во... И про Митрошку... эта... не помнишь, во...

Данин полез за сигаретой, хотя во рту у него уже дымилась одна. Он повертел другую сигарету между пальцами и зачем-то бросил ее в сторону.

— Какой такой Митрошка, Вадим Андреевич, а? — К Уварову вернулась его прежняя насмешливость.

— Понятия не имею, — излишне поспешно ответил Вадим.

— Да во... — Долгоносик махнул рукой на дом-глыбу. — Здесь живет...

Он закачался от того, что долго глядел вверх на высоких Уварова и Вадима, и у него, наверное, закружилась голова. Он икнул, шагнул вбок и снова чуть не упал. Подошли сержанты.

— Возьмем с собой? — спросил один из них.

Уваров пристально посмотрел на Вадима, коротко усмехнулся и сказал, не отводя от него глаз:

— Узнайте, где живет, а с собой не надо. Пусть дома ночует. Потом побеседуем. Перепутал он, наверное, вас с кем-то, Вадим Андреевич, да?

— Наверняка, — безмятежно ухмыльнулся Вадим. Сигарета чуть не вывалилась из его губ.

— Ну все, поехали, — скомандовал Уваров.

«Зачем мне все это? Зачем? Зачем? — с каким-то незнакомым

доселе, тупым ожесточением думал Данин по дороге домой. — Ведь я же совсем несмелый человек, совсем. А погляди-ка, влез в эту свару — и ни шагу назад. Зачем? Сколько раз я этот вопрос себе задавал! И не отвечал. А вот теперь отвечаю. Я, кажется, что-то понял... Правду хочу знать! Добрую, жуткую, но правду. Будь проклято это зудящее, выдающее душу желание знать правду! Правильно я поступил, что молчу, или нет? Спасая я Можейкину или нет? Если правильно — хорошо! Если спасаю — замечательно! А если неправильно, а если не спасаю... Если, если, если...»

Ночь провел скверно. Старый диван, такой привычный и уютный, сделался вдруг жестким и неудобным. Вадим провертелся полночи, так и не заснув, потом поднялся, потому что уж совсем немоготу было. Ступив на пол, ойкнул, сморщившись, — заломило поясницу и тяжело запульсировало в затылке, — открыл окно, постоял, глубоко вдыхая ночной воздух, потом закрыл глаза, помассировал шею и затылок. И когда чуть полегчало, возникли в голове бессвязные картины: ухмыляющийся Уваров, заморенный Долгоносик, безмолвный, мгlistый переулочек, таксист Витя, крохотная сумка Можейкиной, бабка Митрошка, почему-то сидящая в дежурной части милиции... И Вадим почувствовал озноб, хотя ночь была теплой. Он обхватил себя руками и снова поковылял к дивану, все еще видя Митрошку в дежурной части. Перекинул подушку на другую сторону; потирая поясницу, осторожно опустился на диван, закутался в одеяло и, постепенно согреваясь, стал проваливаться в зыбкое забытие.

Проснулся с головной болью, но, несмотря на боль, мысли четко выстраивались в логическую цепочку. Вадим решил уже, что сегодня ему делать. Он не знал еще, правильно ли поступит, но главное решил, а там будь что будет.

Через час он позвонил Беженцеву. Без объяснений, скоро и по-деловому попросил его узнать в таксопарке имя и фамилию напарника Раткина — того самого таксиста, у которого он про Лео так неудачно выяснял, и когда он заступает на ближайшую смену. Прошел час, второй. И Вадим опять у телефона. Беженцев все выяснил. Смена у Цыбина начиналась сегодня в восемь, и работал он до четырех утра. Времени было навалом, и следовало все обдумать. Вадим рассуждал просто. И выглядело это так. Он сядет в машину к Цыбину и постарается поговорить с ним, но не так неосторожно, как с Раткиным, а задушевней, беззаботней, веселей. Если ж Цыбин ничего не знает ни о Лео, ни еще о чем-нибудь, внимания заслуживающем, тогда Вадим возьмет машину у того же Беженцева и поедит денек-другой за Витиной «Волгой» — авось и зацепит кого-нибудь.

Вадиму повезло. Цыбин оказался добродушным и словоохотливым малым. Когда закурили, сразу начал рассказывать, сколько выпил вчера и почему. Оказывается, приятеля его, таксиста, судили за подделку трудовой книжки, а корысти в подделке никакой не было, только чтобы в таксопарк устроиться. А когда Вадим спросил, неужели так расчудесно в таксистах, Цыбин зацокал языком и стал подсчитывать деньги, какие зна-

комые таксисты получают. Тогда Вадим осторожненько намекнул, что, наверное, можно и больше. Вот он, мол, слышал, что у одного «хозяина» таксист на приколе, он полтора плана вышибает. Цыбин живо отреагировал на эти слова. Мол, бывает и такое, но сам он не пробовал, когда предлагали, побавлялся, а вдруг жулик какой этот «хозяин», ведь такие «бабки» только жулики имеют, и будет он на моей машине всякие дела темные крутить. Нет. Ну а сейчас уже давно не предлагают, меньше, видать, их стало, «хозяев». Хотя, правда, у напарника его, например, Витька, имеется такой клиент. Молодой совсем, а при таких деньжищах, — ой-ой-ой! Когда Вадим спросил, откуда Цыбин знает, что клиент молодой, тот ответил, мол, подвозил его как-то домой Витек, просил, он заболел как раз. «И в солидном доме живет?» — поинтересовался Данин, почувствовав, как бешено заколотилось сердце. «В хорошем, — ответил Цыбин, — в старом кирпичном, в Шишковском переулке, напротив «Диеты», серый дом такой, массивный, там всякие «деловые люди» живут», — и Цыбин со значением покачал головой...

Шишковский переулок был не чета Каменному — посветлей и повеселей. Да и дома вроде одного возраста были и той же архитектуры — солидные и основательные. Но открытыми они какими-то виделись, добродушными.

На сей раз Вадим оделся иначе, чем обычно, чтобы узнать было трудно, если кто из недавних знакомцев встретится — Лео, Вита или тот, в кепке из кожзаменителя. Ну, прямо Шерлок Холмс какой-то, усмехнувшись, подумал он, когда собрался. Был он в брюках вельветовых, старых, заносенных, пузирящихся на коленях, в просторной рубашке линияло-голубоватой, с короткими рукавами, в потертой джинсовой кепочке с длиннущим козырьком, на глазах темные очки, фирменные, модные. На шее висел фотоаппарат, под мышкой зажата тренога под него. Ну что ж, ни дать ни взять развязный «киношник» — из мелких, ассистент какой-нибудь, помощник режиссера. Натуру для съемок подыскивает. Для начала он неторопливо прошелся по одной стороне, затем по другой, заинтересованно на дома глаза, то и дело экспонометр вынимая — в роль входил. Потом в «Диету» зашел — чистенький прохладный магазинчик, вкусно пахнущий сыром и творогом, отметил, что тут имеется кафетерий, и окно его прямо на ворота нужного двора выходит — в случае чего можно воспользоваться. Выйдя из магазина, постоял, осмотрелся и решительно направился к этому самому нужному ему дому. Миновал тяжелые чугунные ворота и очутился в аккуратном дворике четырехэтажного старинного особняка.

Лавочек возле подъездов не было, и это Вадима огорчило. Ему почему-то казалось, что именно в таких дворах много стариков и старушек, вышедших в полдень погреться и подышать свежим воздухом, а здесь не было никого.

Но за пышными кустами, скрытый ветвями густой липы, Вадим заметил мужчину в очках. Местный? Или так, с улицы зашел, отдохнуть, жару переждать? Поближе подойти надо, рассмотреть повнимательней. Но не сразу. Вадим сначала приблизился к дому, прошел вдоль него, потом отступил на несколько шагов и так голову наклонил, и эдак, делая вид, что приме-

рывается к чему-то, высчитывает, соображает. Потом бочком к кустам подошел, наткнувшись на них, чертыхнулся, обогнул и оказался совсем неподалеку от мужчины. Улыбнулся, тронул кепку за козырек, сказал любезно:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — живо отозвался тот и чуть подвинулся, место подле себя высвобождая. И тут только Вадим увидел, что у мужчины нет ноги и рядом на скамейке поблескивают металлические костыли. Инвалид. Значит, местный скорей всего. Мужчина был молод, худ, бледен, вытянутое лицо обрамляла аккуратная шкиперская бородка. Он глядел на Вадима с интересом, словно ждал от него чего-то необычного и интригующего.

— Вот натуру для съемок ищу, — как бы оправдываясь, что потревожил мужчину, сказал Вадим.

— Вы из кино? — широко улыбнувшись, спросил тот.

— Из кино, что на радость нам дано, — с легким самодовольством, как и полагается киношнику, подтвердил Вадим.

— Интересно там работать? — Мужчина встрепенулся. — Вы садитесь, давайте поговорим. Интересно работать, да?

— Очень, — улыбнулся Вадим, осторожно кладя треногу и усаживаясь.

— А вы кто, режиссер? Оператор?

— Ассистент режиссера. Я еще учусь на заочном.

— Вы счастливый. Кино — это чудо. Я давно бы умер без кино. Без кино и без книг. И без мамы, — сказал мужчина... — Забыли представиться, вот как бывает. Я — Михеев Юрий, Юра.

Вадим замешкался на мгновение:

— Седов Александр, очень приятно.

— Я все подряд смотрю. Все картины и по телевизору и в кино. В кино мы с мамой ходим. И, вы знаете, мне кажется, что я сам могу кино делать. А еще я рисую кино.

— Рисуете?

— Ну как вам объяснить. Это не мультфильм, это другое. Ну, что воображаю, что фантазирую, что выдумываю, то и рисую, понимаете. Иногда фильм вмещается в один рисунок, а иногда много рисунков надо. Хотите — покажу, принесу сейчас, хотите? — Он коснулся уже костылей.

Вадим смутился, но виду не подал, положил Михееву руку на плечо и как можно мягче сказал:

— Времени маловато, в другой раз. Я как-нибудь зайду. Хорошо?

И растаяла радость за тонкими стеклами очков, притушился блеск, и, подрагивая, сдвинулись вперед плечи:

— Не надо, — глухо сказал Михеев. — Вы, наверное, думаете, ах, еще один в кино хочет, авось повезет. Нет, не так все. Не в этом дело. Это трудно понять, для этого нужно быть... — Он посмотрел на костыли и запнулся. — И рисую я плохо, очень плохо. Я сам знаю об этом, и мама знает, только скрывает. Но я-то знаю. А что я еще могу? Что у меня еще есть? Кино, книги, мама...

— Не так уж мало, — глядя перед собой, сказал Вадим.

— А жизнь? — усмехнулся Михеев.

Вадим не ответил, не очень удачно сделав вид, что не рас-

слышал последние слова. Помолчал, потом будто припоминая что-то, проговорил:

— Знакомый дом, чем больше смотрю, тем больше узнаю. Кто-то из знакомых в нем жил, а кто — не помню. Давно обитаете здесь?

— Нет, четыре месяца. Нас после капремонта второй половины дома заселили.

— Значит, ни с кем не знакомы?

— Ни с кем.

— Вспомнил. Одноклассник мой здесь жил, высокий, белобрысый такой, симпатичный...

— Знаю. Он во втором подъезде живет.

— Ха-ха, видите, какая память. А в какой квартире?

— Не знаю. Просто видел его несколько раз. В подъезд заходил, такой модный, надменный...

— Модный, надменный, — повторил Вадим. — Он всегда таким был. Во всяком случае, казался таким. Но тот ли? — засомневался он вдруг. — Имя не знаете его, не слышали?

— Не слышал ни разу. Хотя разов этих было два, три...

— Ну хорошо, пошел я. Не приглянулся мне этот дом. Франтоват, выхолощен. Да... Ежели одноклассника моего увидите, — как бы между прочим заметил Вадим, — не говорите, что со мной знакомы. Я его сам найду. Сюрприз преподнесу, дружили как-никак. Хорошо?

— Конечно. Я его вообще не знаю. И еще неизвестно, тут ли именно он живет. Да и вас-то толком тоже не знаю. Так что не беспокойтесь.

— И чудесно, — сказал Вадим. — А я зайду. Будет время забегу, рисунки поглядеть.

— Не надо. Ни к чему. Пообещаете, а я ждать буду, надеяться, а вы не придете, закрутитесь, забудете. Да и кто я вам и зачем нужен? Идите. Прощайте.

— Ну это вы хватили. — Вадим постарался, чтобы возмущение его выглядело искренним. Даже руками резко взмахнул для правдоподобия. — Сильнее надо быть, Юра, поджечь себя надо и научиться побеждать уныние и безысходность...

И осекся, оборвал себя на полужае, потому что понял, что не он должен это говорить, кто-нибудь другой, но только не он. Ненавидел всегда тех, кто поучает, правильные слова говорит, и вот теперь уподобился им. Скверно.

Он поднялся, подхватил треногу, протянул руку Михееву, пожал ее крепко и пошел к воротам.

Что теперь? Ну, узнал, что бывает он здесь, а живет ли? Как выяснить? Не идти же в ЖЭК домовые книги просматривать. Значит, одно остается — наблюдать. Как долго? День, два, неделю, а может, он и месяц не появится. Но все равно попытаться надо.

Магазин вновь встретил прохладой и сырным ароматом, а когда Данин вошел в кафетерий, сказочная кофейная горечь в нос ударила. Он встал в очередь. Дом будто вымер — никто не появлялся во дворе... Данин ухватил поудобней треногу, и в ту же секунду кто-то слабо ойкнул сзади. Вадим обернулся, но тренога зацепилась за что-то, выскользнула и рухнула с гро-

хотом. Пожилая худенькая женщина, стоящая за спиной, испуганно завизжала:

— Ой, нога, нога!

— Простите, бога ради, — сказал Вадим, поспешно наклоняясь за треногой. Какая-то старушка, кругленькая, чистенькая, стоящая еще дальше, укоризненно проговорила:

— Чего это вы, мужчина, людей своим зонтом тычете?

— Это не зонтик, — запальчиво выкрикнул белобрысый мальчишка лет пяти, сидевший со строгой мамой за столиком. — Это гарпун на кашалотов. Видите, заостренные наконечники.

— Совсем очумели, — румяная, щекастая продавщица всплеснула руками. — С гарпунами в магазин наладилась. У нас нет рыбного отдела, товарищ!

— Хулиган, — пьяно ощерился из дальнего угла зальчика грязно одетый мужчина с посиневшим лицом. Возле ножки его стола стояла початая бутылка. — В тюрьму его надо.

— Это не зонтик и не гарпун, — сказал Вадим, обращаясь к нему. — Это отбойный молоток. Отбивает желание распивать спиртные напитки в общественных местах. — И Вадим сделал шаг в его сторону. Мужчина вскочил из-за стола, набычился, зло сверкнул на Вадима мутными, бесцветными глазками, шевельнул ногой, мятой, обтрепанной штаниной укрывая бутылку, и прошипел с ненавистью:

— Распустились, молокососы, сопляки, закона на вас нету!

Вот это уж совсем не понравилось Вадиму. Побледнел он и, сдерживая мгновенную ярость, неторопливо, чтобы все видели, что он спокоен, двинулся к нему, на ходу недобро процедив:

— Сейчас я разберусь с тобой, юрист!

У того мелькнул испуг в глазах, но исчез быстро, будто чувял он, что без поддержки не останется, что все, кто присутствуют здесь, на его стороне. И вправду, не успел Данин дойти до него, как услышал за спиной раздраженный, визгливый голос продавщицы:

— Не троньте его, гражданин, не хулиганьте, он больной...

И через мгновение, обращаясь к алкашу:

— А ты лучше уходи, Ленька, от греха подальше, оштрафуют, а то гляди и в каталажку увезут.

Видно было, что отступать Леньке совсем не хочется, тем более что при всех этот пижон в кепке не посмел бы его тронуть. Но, наверное, пользовалась авторитетом у местной братии продавщица, и поэтому, неприязненно кривясь и опираясь руками о стол, поднялся Ленька, посмотрел под ноги и, качнувшись, потянулся к бутылке. И в это мгновение Вадим, который был уже совсем близко, коротким и точным движением ноги сбил бутылку. Покатилась она, глухо позвякивая по кафельному полу, нехотя посочилась из горлышка красная жидкость. За спиной охнули все разом, будто выдохнули, а Ленька и попросту завыл, как раненый пес, жалобно и свирепо в то же время.

— Я же говорила тебе, черт лохматый, что он больной, — с негодованием выкрикнула продавщица. — Припадочный он!

«Зачем? — вяло подумал Вадим. — Зачем мне это надо? Ведь

не хотел скандалить. Припугнуть хотел, и все. И для чего бутылку сбил?»

И вдруг разом успокоился Ленька, утих, обмяк, устало провел по глазам рукой и, пошатываясь, как слепой побрел к выходу.

Очередь презрительно сверлила Вадима взглядами, когда подходил он к прилавку, и читалось в глазах — справился здоровый балбес с убогоньким, пожилым и больным, нашел перед кем ухарство свое показывать. И кто воспитывает таких? Но все молчали, и продавщица молчала, и когда кофе ему наливали и сосиски в тарелку клала, но вот только в самый последний момент не сдержалась, бумажную упаковку с сахаром швырнула так, что она слетела с прилавка и шмякнулась об пол у ног Вадима.

Данин поднимать сахар не стал, усмехнулся только и пошел к столику. Кто-то сказал ему в спину: «Нахал».

Часа полтора он еще просидел на лавочке в крохотном тенистом скверике чуть наискосок от предполагаемого дома Лео, пристально наблюдая за воротами. Но тщетно, знакомых лиц он так и не углядел.

А вечером был разговор с женой, бывшей женой. Такой же разговор, как и прежние за этот неполный год со дня их развода, вяловатый, бесстрастный, ни о чем — обыкновенная телефонная беседа хорошо знакомых, но не близких людей. Позвонила она. Впрочем, как правило, она всегда звонила сама. Он набирал ее номер редко, только для того, чтобы узнать, как дочь и когда можно Дашку увидеть. В конце разговора сообщила, что послезавтра уходит в отпуск и неделю будет в городе, и если у него найдется время, он может сколько угодно гулять с Дашкой — послезавтра в сад она уже не пойдет.

Положив трубку, Вадим вдруг почувствовал острую жалость к себе. И не только разговор этот поводом послужил, нет. Вся жизнь показалась ему какой-то темной, унылой, пугающей и в общем-то никчемной. Но совсем немного времени прошло, и сумел-таки он притушить и тоску безотчетную, и жалость эту дурацкую. Поужинал, принял душ и завалился спать.

К семи часам вечера выбрался на улицу и спохватился тут же, — ведь сегодня он хотел опять понаблюдать за тем домом, где бывал Лео. Вадим взял такси, и то с трудом, охотников в час «пик» было предостаточно. Откинувшись на расхлябанную, непрочно зафиксированную спинку сиденья, сказал шоферу: «Быстрее. Спешу!» А когда замелькали стремительно справа и слева люди, дома, машины, подумал вдруг: «Куда спешу? Почему быстрее? Надо ли? Стоит ли? Ведь в общем-то все не так плохо. К чему тревожить улей? Ведь забыл сегодня об этом, и так спокойно и легко стало». И хотел было уже шоферу адрес свой домашний назвать, переиграть маршрут, и даже повеселел от этого решения. Сейчас вот за тем поворотом и скажет, пока все равно по пути едем. Господи, ведь все так просто было раньше. Поволнуешься, попереживаешь за что-нибудь, испугаешься даже сиюминутно — мол, все кончено, нет выхода, увяз, хоть ложись и умирай, и действительно ложишь-

ся — только не умирать — на мягкий, уютный свой диван и думаешь, думаешь. И успокаиваешься и находишь решение, и все образовывается, все на свои места становится. А здесь вот лежи, не лежи, думай, не думай — то так, то сяк тебя вертит, туда-сюда качаешься, как ванька-встанька. И винить некого. Только себя. Это и хорошо и плохо. Хорошо потому, что раз сам виноват, то сам и исправить можешь, казалось бы, плохо, что зло сорвать не на ком, выговориться, вычиститься, напряжение снять. А впрочем, почему виноват, почему слово такое отыскал — вина? Ты же не мог иначе, иначе-то не мог...

Вышел из машины в начале переулка, не доезжая до нужного дома примерно квартал. Уже шагая по тротуару, посмеялся невесело над собой — не отдавая отчета, машинально поступил, как герои милицевских книг, -- покинул «оперативный» автомобиль за квартал до «объекта». Надо было бы еще парутройку такси сменить, каждый раз называя другие адреса, прежде чем сюда добраться. Конспиратор.

Без маскировки сегодня был, без кепки длинной, без очков, без треноги. Вспомнив вчерашние свои переодевания, опять посмеялся, таким нелепым и наивным показался ему этот маскарад. И впрямь Шерлок Холмс доморощенный.

Аккуратненький, неприметный, тесно вжатый меж приземистых трехэтажных купеческих домов скверик был пуст. Ну просто самое что ни на есть подходящее место для неспешных размышлений. А вот думать как раз и не думалось, никак. Пусто. Устал. Или нет, скорее для другого дела уже изготовился, подобрался в ожидании. Потому что понял вдруг, в какой-то неуловимый миг, что произойдет сегодня что-то — хорошее или плохое-неведомо, но произойдет.

И тут он увидел Можейкину, вялую, посеревшую, уныло, как старушка, одетую, поддерживаемую под руку мужем — доцентом Борисом Александровичем, теперь уже не вкрадчивым, не опасливым, не сутуловатым, как тогда в больнице, в их первую встречу, а крепким, уверенным, надменно-брезгливо на жену глядящим. Переулок обезлюдел, и некому было обратиться на них внимание, кроме Вадима. И только сейчас он сообразил, что вышли они именно с того самого двора. У кого же они там были, неужто у Лео? У знакомых его? Или просто случай, совпадение — обычное дело, повеселились немного в гостях и пошли домой?

Но вот подошли они к синим новеньким «Жигулям», что в нескольких десятках метров от дома к бордюру тротуара притерлись, уселись в машину — Можейкин поспешно, чуточку суетясь, Можейкина, казалось, нехотя и недоуменно, упираясь, как капризничающий ребенок. И решила для Вадима задача его нелегкая, как быть — проурчала машина, как зверь голодный, рванулась лихо и помчалась по мостовой, нарушая тишину переулочка. Так у кого же они были все же? У Лео? Или в гостях у посторонних людей? И что это даст в конце концов, если он узнает, к кому они приходили? Только станет ясно, что и муж — доцент Борис Александрович — в курсе дела. Значит, договорились, полюбовно все решили. И из-за чего же тогда весь сыр-бор он, Вадим, затевает? Теперь просто дознаться

надо, у кого Можейкин здесь был. И вообще разобраться во всем, а то совсем запутался.

А вот это уже совсем интересно! На другой стороне улицы по тротуару вышагивали двое. Он узнал их сразу, как только показали они из-за угла дома, что от Вадима скрывал полпереулка. Долговязый в кепке из кожзаменителя, чуть склонившись вбок, что-то рассказывал второму, черненькому, модненькому, в яркой курточке, белых кроссовках, — Курьеру. Куда они шли, Вадим уже знал наверняка. Уж слишком все закономерно для случайного совпадения. Раз и эти персонажи на сцене появились, то направлялись они непременно в этот самый занятный дом. Теперь только не упустить их, успеть посмотреть, в какой подъезд войдут, в какую квартиру. Дрожь внутри, появившаяся после того, как Данин увидел их, унялась, страха не было и вовсе, он не успел родиться или просто его перекрыли непонятно откуда взявшаяся злость и легкое возбуждение человека, долго настраивавшегося и уже изготовившегося к действию. Парочка свернула во двор. Вадим, пригнувшись, чтобы ветви не били по лицу, бесшумно выскользнул из скверика, пересек мостовую, мягко ступая, дошел до ворот, огляделся по сторонам, — поблизости никого, только далеко, в начале переулка, маячил женский силуэт, — и, осторожно высунувшись из-за кирпичной тумбы, осмотрел двор. Кепка и Курьер уже входили в подъезд. Дверь пискнула и закрылась. Вадим стремительно пронесся до подъезда, остановился. Значит, внутрь войти надо, посмотреть, в какую квартиру они стучатся, или по слуху хотя бы определить, на каком этаже они, с какой стороны лестничной площадки — слева, справа?

Первым делом дверь тихонько и медленно приоткрыть, чтоб не визгнула, не скрипнула, не дай бог, теперь вторую, эта попроще, полегче, из новеньких. Вадим замер, повел головой, ловя посторонние шумы. Донесся до него звук шаркающих неспешных шагов. Так, еще поднимаются — значит, на третий, последний этаж идут. А квартира? Какая квартира?! На цыпочках преодолел он один пролет, второй, третий, опять застыл, притаив дыхание. Шаги наверху оборвались. Стало тихо до звона в ушах, только едва различимо где-то мурлыкало радио, и мягко бились мухи об оконное стекло на площадке. Или это ему казалось? Почему эти двое не звонят в дверь? чего ждут? Хоть подали бы голос. Вадим оттолкнулся от стены, прижавшись к которой стоял эти мгновенья, сделал шаг к перилам, подался вперед, взглянул вверх в лестничный пролет и увидел настороженные глазки Кепки.

— Это он, сука! — приглушенно процедил Кепка. — Я же говорил, кто-то топает за нами. Давай вниз!

Вадим сбежал с лестницы, неестественно высоко подпрыгивая, промчался по ступеням, не удержавшись, по инерции врезался с грохотом в подъездную дверь, настежь распахнув ее. Еще одна дверь — и он на улице. Двор остался позади, теперь направо по переулку, к центру, к людям. Вадим оглянулся. Парни, набычившись, неслись метрах в тридцати.

Держатся неплохо, часто им, видать, бегать-то приходилось, догонять, вот как сейчас, или убегать? Вадим был спокоен. Надолго их не хватит в таком темпе держаться, наверняка здо-

ровышко подорвано водкой и куревом. Так, переулочек кончается, теперь чтобы путь к многолюдным улицам сократить, через пустырь надо, направо. Ширкнули кусты, цепляясь за брюки, прошелестела листва на обвислых тяжелых осиновых ветвях — и вот он, пустырь. Не совсем пустырь, правда, посреди почти до основания разрушенный дом стоит, чуть поодаль деревянные сарай, уже покосившиеся, к земле припадающие. Дома в отдалении, огоньки, темные очертания деревьев и кустарника. Вадим прибавил ходу, опять обернулся. Ты смотри, не отстают «бегуны», держатся! Ну-ка еще подбавим, недолго осталось, скоро к шумным центральным улицам он попадет, а там милиция... Поравнявшись с сараями, Вадим снова глянул через плечо. Мордovorоты эти совсем близко. Два десятка метров до них, кричат, тяжело дышат, будто у самого уха уже, грузно, по-слоновьи вбивают ноги в песок. Особенно Кепка с трудом двигается, он даже приостал немного от Курьера. Вадим повернулся сноровисто, сделал несколько стремительных пружинистых шагов и застыл мертво, будто в стену уперся, внезапно вдруг подумав, а почему он, собственно, убегает. Почему он бежит, поджавши хвост, как заяц? Не оценил ситуацию, не разобрался, что к чему, а кинулся сломя голову прочь. Трус, конечно же, трус. А как же потом, когда убежишь? Сладишь с собой? Сколько раз уж малодушничал — и опять! Вадим круто развернулся, встал в привычную стойку и встретил Курьера хлестким ударом ноги в голову. К великому удивлению, тот ловко и умело увернулся, отработанно выкинул правую ногу вперед. Вадим согнулся от боли в паху. Профессионал. Второй удар пришелся Данину в подбородок, он резко выпрямился и мягко повалился в песок. Уже лежа, уловил, что Курьер вновь заносит ногу, и тогда, опередив его, Данин ударил парня ребром ступни под коленку опорной ноги, потом еще и еще. Курьер ойкнул и недоуменно отступил назад. Вадим подался вбок, быстро перевернулся и вскочил на ноги. Справа почти в метре заметил едва дышащего Кепку и тут же с силой выбросил от себя правую руку и угодил Кепке в нос. Кепка завыл истошно и присел на корточки. Курьер выругался, встряхнул руками, сбрасывая напряжение, и медленно стал приближаться.

Вадим отбил первый удар, с трудом отбил, почувствовав острую, сильную боль в локте. Еще удар, он нырнул вбок и, в свою очередь, попытался дотянуться кулаком до Курьера. Курьер отскочил. Крепкий, обученный малый! Не справлюсь ведь, подумал Вадим и спохватился. Вот считай уже и проиграл, раз так подумал, ч-черт! Удар по затылку был точный. Падая, Вадим невольно обернулся и увидел окровавленное, но ухмыляющееся лицо Кепки.

Очнулся быстро через две-три секунды.

— Оклемаюсь, — сказал кто-то. Голос был приятный. — А если бы убил, балбес? Камень не кулак.

— Так ему и надо, — отозвались обиженно. — Весь нос расхреначил.

Вадим напрягся, оттолкнулся локтями, встал на четвереньки, поднялся, но не так резко, как хотелось бы, голова раскалывалась. Перед глазами плыли цветные пятна. Его снова сбили

наземь и молча принялись молотить ногами. Сначала было больно, потом стало горячо во всем теле. словно сквозь вату слышал:

— Брось в сыщиков играть, сявка. По-доброму тебя просили. Брось! Забудь обо всем! На перо навешься — не рад будешь... Пошли, камнеметатель.

— А можь того... бабки у него в карманах?

— Пошли, сказал.

Глуховато и отрывисто скрипнул песок под ногами, растаяли скорые шаги, и стало тихо. А он лежал, не шевелясь, и даже не подумал, что надо подняться, даже глаз не открыл.

Закряхтели, старчески заныли подгнившие дощатые стены сараев, грохотнула разболтавшаяся жесьть на доме, громким шепотом заговорили деревья вдалеке. Прохладный поток воздуха обжег руки, лицо. Ломано, словно по частям — сначала голова, плечи, затем упершись локтями в землю, пошатываясь, — на ноги он поднялся, постоял с закрытыми глазами, массируя осторожно затылок, и пошел, неуклюже ступая негнушимися, затекшими ногами. Через сотню метров стало легче, затылок отпустило, пришла тупая ноющая боль, и шаги сделались тверже, уверенней. Огни широкой улицы ослепили. Как в тумане, вышел он на край тротуара и поднял руку.

День прошел суетно и бестолково. Отвлекали звонки, частые заходы ухмыляющихся коллег, уже наслышанных о его помятой и побитой физиономии.

Вадим взглянул на часы — шесть. Пора и ему домой. Хриповато забормотал телефон. Он снял трубку, и обрушилось на него:

— Вадик, милый, приезжай, скорей приезжай, несчастье у нас, такое случилось, такое... — Ольгин голос бился в трубке надсадно, то срывался на крик, то на стон. — Дашку, доченьку мою забрали, Дашку украли... Они в машину ее и увезли... Мне девочки рассказали, я ее-то одну на десять минут только оставила, на десять минут...

— Успокойся, Оля. Это кто-то пошутил. Из знакомых, слышишь, кто-то пошутил. — Вадим говорил с усилием, сейчас очень важно быть спокойным. — Я скоро буду, жди. И не делай глупостей. Это кто-то из наших так жестоко решил нас с тобой разыграть. Поняла? Какая машина? Цвет?

— Не... знаю... девочки не запомнили..., светлая.

— Марка?! Ну быстро, быстро!

— Ну не знаю, Вадик, не знаю, откуда...

— А девочки, что девочки говорили, неужто не заметили, какая машина? Где они? Ушли? С тобой?

— Одна здесь, Леночка здесь... Ах, господи, Вадик, какое это имеет значение, марка не марка... Дашенька...

— Имеет, Оля, имеет, — сказал Вадим.

И слышал вдалеке сквозь помехи тонкий детский вскрик:

— «Жигули». «Жигули»...

— Все, — сказал он. — Еду.

Рука метнулась к аппарату, придавила рычажки, и вслед за этим резко завертелся диск под срывающимися пальцами.

— Милиция? Моя фамилия Данин, двадцать минут назад со двора дома похитили мою дочь. Машина «Жигули» светлая. Больше никаких примет нет. Адрес...

Некрасивым и старым Ольгино лицо показалось. Слез в глазах не было. Но все равно можно было подумать, что плачет она, беззвучно, бесслезно плачет. Она выдохнула со стоном, когда его увидела, взяла крепко за руку, повела в комнату, тихо опустилась на диван, рядом с длиннотлицей, испуганной, худенькой девчушкой лет шести и сжалась, сведя плечи вперед.

— Это Леночка, — улыбнулась она болезненно и вмиг захлебнулась будто, и смялось ее лицо, собралось морщинками, и она заплакала, всхлипывая и вздрагивая всем телом. Вадим поморщился, сказал с нажимом, не глядя на женщину:

— Прекрати, Ольга. Я позвонил в милицию, все будет в порядке.

— Милицию? Зачем милицию? — Женщина вскинула мокрое, покрасневшее лицо. — Значит, ты думаешь, что ее и вправду...

И теперь она зарыдала по-настоящему, раскачиваясь из стороны в сторону.

Вадим опустился перед женщиной на колени, погладил ее по голове, поцеловал волосы, висок, прижался к пальцам ее похолодевшим, что лицо стискивали:

— Хватит, моя милая, хватит, слезами делу не поможешь, — приговаривал он.

Девчушка отодвинулась от них подальше, на другой конец дивана, и с неподдельным уже страхом взирала на обоих.

Положив к себе на плечо голову женщины и поглаживая ее по волосам, Вадим удивлялся себе, почему он так спокоен сейчас. Потом внезапно понял почему. Это они. Это еще одна угроза. А раз они, то с девочкой ничего не сделают, будут ставить условия. И он примет их все. Все до единого. Черт с ними со всеми, Можейкиными, Лео, кепками, курьерами и остальными, лишь бы с девочкой ничего не случилось.

Звонок в дверь заставил его вздрогнуть, но он не сразу понял, что это к ним. Когда требовательно зазвонили во второй раз, он отстранил Ольгу и пошел открывать дверь.

На пороге стояла полная молодая женщина с одутловатым, невыразительным лицом, вбитая в тесное, не по размеру, джинсовое платье. Она решительно переступила порог и, не обращая внимания на Вадима, заметалась глазами по квартире. Увидела через дверной проем девочку, бросилась в комнату, облегченно приговаривая на ходу:

— Деточка моя, Ленусик, с тобой все в порядке? Да? Все в порядке? Почему ты не пошла домой, почему здесь сидишь?

Девочка вскочила с дивана, сморщила худенькое личико, будто собираясь заплакать, но не заплакала, а только шмыгнула носом, подбежала к матери, уткнулась в нее, обхватив тоненькими ручками-прутиками массивные мамины бедра.

— Ну и слава богу, ну и слава богу, — приговаривала женщина и крепко прижимала дочь к себе. — Ведь это ж надо же, — повернулась она к Ольге. — Какие сволочи! Вот так живешь, живешь... И куда милиция смотрит? Неизвестно, чем занимаются, а здесь детей под носом крадут... Я слышала, это не первый случай, ты знаешь, и в Стрельновском районе то же

самое было, так и не нашли. Ты представляешь! Хоть на улицу детишек не выпускай.

Ольга опять спрятала лицо в ладонях и мелко затряслась. Женщина отступила на шаг и потянула дочку за собой:

— Пойдем, доченька, пойдем с мамой.

— Я не пойду, мамочка, я здесь буду... Дашеньку надо искать.

Так серьезно, так по-взрослому даже для матери она сказала это, что та опешила. Потом выдохнула тяжело, внимательно оглядела дочь и выговорила неуверенно, словно за какую-то последнюю свою надежду цепляясь:

— А может быть, пойдем? А то мы мешаем тут, Да ты и не кушала.

Девочка упрямо помотала головой.

— Ну хорошо, оставайся. — Она повернулась к Вадиму. — Ничего, если Леночка побудет здесь? Я скоро зайду.

И она пошла к двери, так и не взглянув больше на дочь, и только у самого уже порога остановилась, покачала головой и взялась за ручку. И в этот миг опять раздался звонок и опять заставил Вадима вздрогнуть.

В дверном проеме он разглядел двоих. Один был в милицмейской форме. Второй в хорошо сидящем синем костюме, с галстуком. Покрепче и поуверенней он выглядел, чем тот, в милицмейской форме. Он мимоходом поздоровался с Леночкиной мамой, сразу угадав, что это не хозяйка, что не с ней ему беседовать придется, прошел в комнату, окинул ее быстрым взглядом, изобразил печальную улыбку на смуглом скуластом лице, шагнул к Вадиму, пожал ему руку:

— Старший оперуполномоченный шестого отделения милиции Марушев.

Вадим тоже представился. Подошел и тот, что в форме, сдержанно поклонился Вадиму, назвал себя:

— Участковый инспектор Спирин.

Немного растерянным выглядело его бледное лицо. Из новеньких, наверное, из только-только испеченных офицеров. А Марушев уже к Ольге на диван подсел и о чем-то с ней беседовал. Этот-то поопытней, он сразу понравился Вадиму, не то, что Петухов. Марушев попросил извинения у Ольги, подозвал девочку и начал ее расспрашивать. Что-то записал, погладил девочку по голове, повернулся к Спирину, приказал тому найти — Леночкина мама квартиры подскажет — Дашиных по-друг и расспросить их подробно и все записать и опять повернулся к Лене.

Вадим с удовлетворением заметил, что и Ольга успокоилась. Лицо ее ожило, в глазах надежда появилась, и вера, что помогут, не бросят, не оставят в беде, делают все, что положено, и отыщут дочку. Не могут не отыскать.

— А вы что думаете? — неожиданно обратился Марушев к Вадиму.

Вадим ответил не сразу. Хотя был готов к этому вопросу. Сначала отошел от окна, возле которого стоял, чтобы не бил свет в глаза и не высвечивалось так ярко его лицо. Очутившись в прохладной глубине комнаты, сказал:

— Я не думаю, что это так серьезно, думаю, что пошутит кто-то.

— И можете назвать кого-нибудь, кто способен так шутить?

— С ходу — нет.

— Откуда же уверенность, что забавы ради?..

— Не уверенность, предположение.

— Допустим, но предположение тоже на чем-то основывается?

Вадим пожал плечами:

— Не Чикаго же у нас в конце концов.

— Жиденькое основание. Ну хорошо. — Марушев поднялся. — Пойдем, Леночка, покажешь, откуда машина подъехала, где ты стояла в это время, пойдем. — Кстати, — обернулся он уже у двери. — Всем постам ГАИ дано было указание по возможности проверять светлые «Жигули», если в них сидят дети. Но, сами понимаете, это чрезвычайно сложно. Пока никаких результатов.

И стоило только Марушеву оставить их, как посерело у Ольги лицо и сгорбилась она утомленно, словно после многочасовой изнурительной работы. Она сдавила пальцами виски, встала неловко, оправила привычно платье и, пошаркивая тапочками, побрела на кухню.

— Иди, чаю хоть попьем, — донеслось оттуда.

Данин устроился за столом, придвинул к себе чашку, потянулся за вареньем. Когда переключивал его из банки в блюдце, задел ложкой о край банки, и две крупные ягоды мягко шлепнулись об пол.

— Ты что, слепой! — вскинулась Ольга. — Уже совсем ни черта не видишь, ты, что ли, здесь убираешь, вылизываешь все?! Как придешь, так только бы нагадить. Руки-крюки! Ну что уселся... Иди за тряпкой. О, господи!

Вадим оторопело смотрел на Ольгу и никак не мог сообразить, кому она это говорит. Уже совсем стерлись из памяти скандалы, взаимные унижения, начинавшиеся всегда именно с такого вот пустяка. Забыл уже, как больно и беспощадно били его Ольгины слова, забыл, как огрызнулся неумело, как убежать из дома хотелось. И вот теперь вспомнил все сразу. И снова на миг ощутил себя маленьким, слабым, теряющим уважение к себе из-за того, что сопротивляться не мог этому напору, и еще из-за того, что не мог решиться уйти раз и навсегда. А когда собрался с силами, когда вырвался (и ведь тоже не без веской причины, помог ему этот молодец на «Жигулях», Ольгу поджидающий), выпрямился, будто из согбенного в статного превратился, задышал, зажил, уверенность в себе ощутил. А то так бы и жало его к земле всю жизнь. Вадим нахмурился своим мыслям, к чему-то очень важному подвели они его. Значит... значит, его теперь опять прижимать кто-то будет, заставлять в вечном полупоклоне ходить, чувствовать себя раздавленным и беспомощным, только теперь не Ольга, а страшнее в тысячу раз люди...

Раздался звонок. Вадим подошел к двери, распахнул ее, и радостный возглас сорвался с его губ. Он нагнулся стремительно, подхватил поникшую, усталую Дашку, прижал теплое ее тельце к себе, ткнулся носом в шею, застыл так на мгновение. Потом Вадим осторожно передал Ольге девочку, обернулся:

Марушев, Спирин, Леночкина мама, сама Леночка стояли неподвижно возле двери.

— Как? Откуда? — только и спросил Вадим.

Оказывается, как объяснил Марушев, они увидели Дашку в тот момент, когда вышли с Леночкой из переулка на улицу. Даша, растерянная, заплаканная, стояла на перекрестке у светофора метрах в трехстах от них. Первой ее заметила Лена. Короче говоря, два часа назад к Даше подошел какой-то дядя, сказал, что он друг папы и они сейчас поедут к нему, а маме позвонят. Когда подошли к машине, Даша все-таки испугалась, но было поздно, ее с силой втащили в автомобиль, потом пересадили в другую машину, покатали и отпустили, на том самом перекрестке, указав при этом, в какую сторону ей идти, чтоб дом свой отыскать.

Вадиму тревожно стало. Выходит, что условия они потом ставить будут, позже, может, уже сегодня или завтра утром, а это они силу свою просто показали, мол, видишь, как все легко нам удастся, не подчинишься, берегись тогда. Вадим посмотрел на Марушева. У того тоже уже радости особой на лице не было видно, что-то ему не нравилось в этой истории.

— Странно, — произнес он, сунув руки в карманы брюк. — Зачем? — и посмотрел на еще больше ссутулившегося Спирина, потом на Данина. — А? Зачем? Я, признаюсь, в растерянности. Может, и вправду знакомые ваши? Если так, хотел бы я их увидеть. Или все же преступники? Чем же это Даша им не угодила? Непонятно. Ладно, подумаем. Будьте здоровы. Пошли, Спирин!

И снова звонок. На сей раз вздрогнули все, как по команде, так внезапно и нежелателен он был. Вадим поднял глаза к стенным часам — без двадцати десять. Он распахнул дверь и подобрался вмиг — на него глядел Уваров. Машинально Данин отметил, что очень похожи они с Марушевым, оба ладные, легкие в движениях, симпатичные. Уваров прошел в комнату, сел на стул, огляделся, словно выясняя обстановку, чуть виновато улыбнулся Данину, заговорил:

— Незванным гостем я. Понимаю, что не вовремя. Вы уж простите. Но, когда услышал сообщение дежурного по городу о похищении девочки, как-то не по себе стало, беспокойно. Решил, что обязательно заеду. Но вот только сейчас вырвался. Я сегодня дежурный по отделению. Так что скоро назад. Машина внизу на парах. К счастью, вижу, все в порядке. Девочка дома, заблудилась, видать, да?

— Вадим, кто это? — донеслось из кухни встревоженно.

— Это ко мне. — Вадим закрыл за собой дверь. Подошел к столу, выдвинул стул, но садиться не хотелось, лучше было бы стоять или ходить по комнате. Заставил все же себя сесть. И только после этого рассказал все с самого начала.

— Занятно, — заметил Уваров. Он облокотился на стол и раздумчиво посмотрел на Данина. — Что же за напасти вас такие преследуют? И все после случая этого злосчастного с Можейкиной. То поволтузили вас где-то лихо — вон синячина какой и губа вспухла. От кулака ведь, сознайтесь? И сегодня

с дочкой, гляди, какая неприятность. А до этого небось еще что-то было. Ведь было, верно?

— Что было? О чем вы? Не понимаю, — как можно спокойно ответил Вадим и хотел было полезть за сигаретами, чтобы руки чем-то занять, но раздумал — под контролем себя держал.

— Мало ли, — сказал Уваров. — А впрочем, это я так, к слову.

— Не знаю, не знаю. — Данин попробовал усмехнуться. — Фантазируете все. Воображение у вас богатое. Для литератора это, конечно, хорошо, но для сыщика... А синяк-то и губа от кулака. Верно. Здесь вы спец. Так то — шальная компания. Шел вечером, попросили закурить. То да се. И началось. Едва удрал, а то бы, глядишь, и ребра поломали. Обычное дело.

— Ну да, конечно, это дело случая. — В глазах Уварова Данин разглядел насмешливые огоньки, и это озлило его. А Уваров продолжал тем временем: — И девочку ради забавы в машине покатали. Добрые попались дяди. Или кто из приятелей пошутил? И к Митрошке вы тоже случайно забрели, шли вот так просто по улице и забрели...

Опалило жаром щеки, и сердце будто упало. Но долю секунды это было, переборол себя Вадим, усилием воли ослабил толчок страха и не отвел глаз от пристально глядящего на него Уварова. И несколько секунд так смотрели они друг на друга. Один расслабленно, даже весело, только чуть сузив глаза, другой — тяжело, хмуро, с трудом подавляя напряженность.

— К какой такой Митрошке? — наконец выцедил Данин, старательно делая вид, что закипает. — Что вы мне здесь опять фарс устраиваете?!

Уваров разочарованно покачал головой, еще раз окинул взглядом комнату, словно на сей раз уже запоминая, где что стоит, поднялся, сказал, поправляя пиджак:

— Как бы фарс этот драмой не обернулся, Вадим Андреевич. Мы ведь того мужичишку опросили, он и рассказал, что вы бабу Митрошку искали. Мы и Митрошку опросили...

Вадим невольно подался назад.

— И что?! — вырвалось у него. И тут же отругал себя, чертыхнулся беззвучно.

— Ну вот видите, — Уваров усмехнулся уже откровенно и развел руками.

— Что «видите»? — Вадим резко поднялся. — Что «видите»?!

— Сами вы все прекрасно понимаете. Только я вот вас не понимаю. — Уваров неторопливо направился к дверям. — Ну да бог вам судья. Если что, телефон мой знаете.

Уже у открытой двери, пожимая Данину руку, Уваров сказал как бы между прочим:

— Все же подумайте. — И вышел поспешно.

Вадим захлопнул за ним дверь. Ну что там Митрошка могла о нем сказать? Да и почему именно о нем? Она о высоком парне могла каком-то сообщить, в куртке, в джинсах. А сейчас многие в куртках, в джинсах и высокие. Если вообще она что-либо говорила. Так что поводов особых для волнений пока нет. А Уваров его просто, как говорится, «на пушку» решил

взять. Если б хоть малейшая у него зацепка была, он бы так с ним разговаривать не стал.

Всвятилась красновато прихожая. Это приоткрылась дверь с кухни. Лена и мама ее уже собирались. Лена обняла Дашку, поцеловала в лобик. Мама ее, в свою очередь, с Ольгой прощалась, как с лучшей и самой близкой своей подружкой. Когда и за ними захлопнулась дверь, Вадим решил, что ему тоже уже пора. Одному надо остаться, поговорить с собой, посмотреть на себя...

Вадима разбудил звонок. Он вскочил с дивана, огляделся и, поняв, что это телефон, снял трубку:

— Как самочувствие, приятель?

Вадим выдохнул разом и непроизвольно плюхнулся на диван. Все верно он рассчитал. Дождлся-таки. Это они. Все тот же вкрадчивый баритон и словечки все те же.

— Что молчишь? Это я. Узнаешь? Ну молчи, молчи, это хорошо, что молчишь, значит, страх есть. Правильно? Хоть чуточку, но есть. А где страх, там понимание. В первый раз ты от растерянности молчал, а сейчас от осознания, так сказать. Хвалю, хвалю. Как Дашенька? Все в порядке? Очень милая девчушка. Хорошая, красивая дочь у тебя растет, береги ее. Дети — это счастье, это продолжение жизни нашей. Вот так. Соображаешь? Вчера она просто так прогулялась с нами, воздухом подышала, а ежели чего... Ну что, будем в мире жить?!

— Я подумаю, — процедил Вадим.

— Недолго только. — Голос вмиг стал жестким, отчужденным.

И когда запели пунктирно гудки, Вадим только пожал плечами и опустил трубку на рычажки. Растерянность после первого звонка была. Это верно. Но вот страха после нынешнего он не испытывал. Он прислушался к себе придирчиво. Может быть, ошибся, просто притаился страх где-то и не желает выдать себя до поры до времени, до того момента, когда он больше всего ударить может. Ладно, потом разберемся, потом. И вдруг подумал: а почему они мне только угрожают, а не пытаются купить. Так проще, так в детективах пишут. Или врут в детективах?

Вадим посмотрел на часы. Так, сейчас половина восьмого. Значит, толком он сегодня и не спал. Закурив, присел на ковер возле телефона, снял трубку:

— Прости, Оля, что так рано. Послушай меня внимательно. И постарайся понять. Когда вы с Дашкой собираетесь к сестре, к Нине?.. Так, это, значит, через три дня. Ты вот что, уезжай сегодня. Билеты я возьму. Да, сегодня. Именно сегодня. Никаких дел и встреч, Оля! Я умоляю тебя. Я на коленях тебя прошу, я сейчас на коленях стою. Нет, нет, ничего серьезного. Но надо, понимаешь, надо. Ради Дашки. Да вот так, совершенно верно, связано со вчерашним. Не волнуйся, это временно. Да, да, шутки, только злые очень шутки. Я разберусь. Все. Днем завезу билеты на вечер.

Тяжело. Он ведь не объяснил ей ничего, а только напугал. Можно понять ее состояние. Но так лучше. Вернее, это единственный выход, пока все утрясется. Сестра ее живет достаточ-

но далеко, в маленьком, уютном, тихом городке, в трехстах километрах отсюда. Пока кто визнает, где они, если это вообще кому-либо еще понадобится, пройдет время. А ему очень нужна сейчас передышка, очень.

В конце дня он уехал в управление культуры завизировать письмо, а когда вышел оттуда, сообразил, что недалеко от Шишковского переулка обретається. Постоял недолго, раздумывая, а потом взял да и направился в его сторону пешочком.

Тротуары были немногочисленны, и всего лишь две машины проурчали по мостовой, пока он шел, а двор за чугунными воротами и вовсе выглядел пустынным и сонным. Колебался перед калиткой Вадим недолго, огляделся только по сторонам и шагнул во двор. Первым делом посмотрел направо, там, где скамейка должна стоять, почти совсем скрытая от глаз тяжелыми, провисшими липовыми ветвями, и заулыбался, заметив металлический блеск костыля на скамейке. И его тоже заметили и радостным восклицанием дали понять, что узнали.

— А я о вас вспоминал и с сожалением думал, что не увидимся никогда больше. — Михеев так и светился весь от удовольствия. Вадим смутился даже, давненько уже никто не встречал его с таким радушием. — А вы сегодня какой-то не такой. Поскромней, что ли, построжее, без наигранности...

— Углядели тогда наигранность-то? — спросил Вадим, усаживаясь рядом.

— Ага. Что-то несвойственное вам было. Облик один, а глаза другие. Не вязалось как-то. Или я не прав?

— Правы, очень даже правы. К сожалению, далеко не все друг к другу так приглядываться умеют, и различать, и чувствовать.

— О, если бы умели, то смогли бы избавиться от негодяев...

— И куда бы они делись? — засмеялся Вадим.

— Они были бы просто-напросто отторгнуты обществом, — серьезно сказал Михеев. — Стали бы изгнанниками, никто бы с ними не общался, не принимал в расчет.

— Э-э-э, дорогой мой Юрий, — Вадим закурил. — Здесь что-то не так. Они же ведь тоже люди. И, наверное, жестоко и безнравственно вот так избавляться от них. Это означало бы, что и те, кто изгоняет их, уже и сами не чисты, не человеколюбивы, не сострадательны.

— Да нет, как раз наоборот, эта была бы гуманная мера — изгнать для того, чтобы поняли они, разобрались в себе, исправились.

— А если не поймут? А если не исправятся? А только сделают вид, и будут внедряться, и будут уже сознательно вредить.

— Да вот и я к такому же выводу все время прихожу, — сразу согласился Михеев. Он вздохнул. — А что же делать? Вадим рассмеялся, но не обидно, а мягко, по-дружески.

— Жить, Юра, жить и радоваться жизни. И верить, верить в добро, в людей, в дружбу и заражать людей этой верой. Вера — как инфекция, как болезнь...

Михеев пожал плечами.

— Жить, — повторил Вадим. — Вернее, чувствовать, что живешь. И думать. Много думать и о многом. Сознать скоротечность жизни...

— И сидеть сложа руки.

— Что? — не понял Вадим.

— Я говорю, значит, просто думать, и все, и ничего не делать, сидеть, значит, сложа руки.

— Нет, Юра, — хотел было снова Вадим хмыкнуть, но сдержался: интересный разговор получился, интересный и нужный, наверное, этому так ничего еще толком и не увидевшему в жизни парню с костылем. — Нет, Юра. Вот тут я совсем не согласен с вами. Тот, кто много думает, по-настоящему думает — мыслит, сидеть сложа руки не может, не умеет. Мысли его сами по себе к действию призывают, и тогда он начинает работать много и одержимо. Ведь вы же рисуете, верно? Сначала для себя, а теперь хочется, чтобы люди увидели, так? И не тщеславия ради, а чтобы поняли. Смотрите, — я думаю, и это так прекрасно, попробуйте и вы, постарайтесь, научитесь... Ведь так?

— Так, — тихо сказал Михеев и внимательно посмотрел на Данина, а потом как-то сразу засмутился, отвел глаза и, отвернувшись, улыбнулся, как показалось Вадиму, счастливо, легко вздохнул, совсем по-мальчишески почесал затылок, взбив хохолок на макушке, и повторил: — Так. Конечно, так.

Вадим хотел было уже попросить Михеева, чтобы тот показал ему свои рисунки, и подумали бы они вместе, как с ними быть, но увидел тут сквозь подрагивающую, обеспокоенную теплым ветерком листву бесшумно въезжающий во двор автомобиль. Чистенькая, поблескивающая холеными боками черная «Волга» подкатила к подъезду и замерла возле него, чуть качнувшись на упругих рессорах. Клацнули дверцы. Сначала вышел водитель — приземистый, в широкой рубашке, затем с заднего сиденья — пассажир. Высокий пассажир был ладный, молодой уже, наверно, судя по седоватым волосам, — лица Вадим не увидел, тот все спиной к нему оказывался, — в сером, чуть тесноватом по моде, костюме. Пассажир повел худыми плечами, словно разминаясь, сказал что-то водителю и неторопливо зашагал к подъезду.

— Знаете, кто это? — весело спросил Михеев.

— Нет, — настороженно протянул Вадим и невольно сжался, как на тренировке, нутром чуя, что сейчас последует удар.

— Это отец вашего школьного товарища. Ну того, которого вы спрашивали, Леонида, кажется. Что-то, кстати, давно его не видно, Леонида. Мне мама про отца его рассказывала — он какой-то начальник в городском строительстве. Видите, машина какая заласканная. Симпатичный такой дядька, улыбчивый. Знаете, он как деловой американец, которых в кино показывают, уверенный, лощеный, с резиновой улыбкой.

— Как? — Вадим повернулся к Михееву.

— Ну резиновой. — И Михеев, не меняя серьезного выражения лица, растянул губы.

— А-а, — произнес Данин и опять перевел взгляд на машину. Шофер стоял, небрежно облокотившись на крышу автомобиля, и блаженно курил.

— Вы с ним не знакомы? — опять заговорил Михеев.

— С кем? — не сразу спросил Данин.

— Да что с вами? — удивился Михеев. — Будто воздух из вас выпустили. Я спрашиваю, с отцом не знакомы?

— А-а, да нет, не пришлось как-то... Вы знаете, Юра, — Вадим с усилием подобрался и даже улыбку сумел изобразить беспечную. — Я сейчас оставлю вас, наверное. Устал чудовищно... Но обязательно, просто непременно забегу на днях. Надо наконец рисунки поглядеть, кому-нибудь из художников наших, студийных, показать. Согласны?

— Конечно, — Михеев изучающе смотрел на него. — Так вы все-таки в кино работаете?

— Да. — Вадим откашлялся. — А что?

— Да нет, так просто... А заходили, чтобы дом еще раз посмотреть?

— В общем-то... и да и нет. Одним словом, мимо шел, рядом был по делам, ну и забрел. До свидания, Юра.

И снова, как в прошлый раз, сцепились в брючины жесткие и упрямые, как стальная проволока, прутья кустов Вадим и на сей раз не стал их обходить, а двинул напрямик, чтобы выйти поскорее со двора, скрыться за кирпичным забором, раствориться в переулке, — будто кто его гнал, будто подталкивал в спину. И одна только мысль вертелась в голове: не встретить бы его, не наткнуться... А почему — Вадим и сам понять не мог. Отец-то здесь при чем? Какое он-то отношение к преступлению сына имеет? Хороший, наверное, человек, работающий, уважаемый. Только сын вот подкачал. Ухнула, содрогнувшись, подъездная дверь. Вадим невольно оглянулся. Отец Лео, остановившись между машиной и подъездом, поднял руку, подзывая шофера, и, видимо, что-то хотел сказать ему, но в это мгновение взгляд его уперся в Вадима, и он промолчал, только махнул рукой. Гладкое белое лицо его стало неподвижным, мертвым, тонкие губы деревянно сжались. И никаких тебе резиновых улыбочек — и намека нет. И только взгляд выдал его. В одночасье промелькнули в нем и удивление, и ненависть. У Вадима перехватило дыхание, и на миг холодом обожгло пальцы на руках, и он непроизвольно сжал их в кулаки, согревая. И еще отчетливо он услышал слова, будто не сам себя он спрашивал, а кто-то другой, стоявший рядом, ему говорил: «Почему он так смотрит на тебя? Почему?» Шофер посмотрел на «хозяина», потом на Данина, отбросил сигарету и, засучивая на ходу рукава, угрожающе двинулся к Вадиму.

— Гриша, милый! — Лицо у отца Лео враз помягчело, подобрело и губы широко растянулись в той самой резиновой. И глаза притухли, и, кроме радушия, ничего они уже не выражали. — Поди сюда. Я принес. Здесь ровно, сколько ты просил...

Шофер нехотя повернулся и, переваливаясь, как утка, с ноги на ногу, поковылял к хозяину. Вадим на долю секунды прикрыл глаза, потом тихо выдохнул набранный воздух, не спеша, с достоинством развернулся и медленно пошел к воротам.

Уже в конце переулка решил, что взгляд этот ему привиделся и что он прочел в нем то, что и ожидал. А все потому, что устал, потому что черт его знает какой день уже в напряжении пребывает, вот и кажется всякая ерунда.

В киоске купил газеты, целый ворох. Придя домой, не раздеваясь, уселся на диване, настрогал буковок из заголовков и

долго наклеивал их на лист бумаги. Получилось вот что: «К избиванию Можейкиной прямое отношение имеет один парень. Звать Лео. Живет в Шишковском переулке, дом... квартира...» Впервые за несколько недель Вадим почувствовал себя легко. ...Уваров просил прийти сегодня в конце дня («Если можете, конечно, если вас не затруднит»). Да нет, не затруднит, отчего же, раз надо, какие могут быть разговоры.

Он встретил его приветливо, как старого доброго друга, натягивая на ходу пиджак и поправляя сбившийся галстук, заспешил из-за стола, со словами: «Хорошо, что зашли, не пренебрегли приглашением».

— Тут к нам анонимка пришла, — начал Уваров. — И как голову ни ломали, никак не можем установить ее автора. — Он тщательно скрывал иронию в голосе, но Вадим все равно уловил ее и на мгновение почувствовал себя беспомощным и беззащитным. Уваров тем временем продолжал: — Но не в этом дело. Она пришла вовремя и подтвердила наши подозрения. Работу мои ребята провели колоссальную и в общем-то уже вышли на предполагаемого преступника, одного из них, вернесь. Хотите узнать как?

Данин пожал плечами, показывая свое полное безразличие.

— Митрошка поведала...

Вадим нагнулся помассировать якобы затекшую ногу. Растягивая мышцу, заставил себя собраться.

— Какая Митрошка? — недоуменно спросил он и через мгновение сделал вид, что вспомнил: — А та, что вы мне приписываете, мол, заходил, беседовал.

— Ага, — подтвердил Уваров. — Та самая. Несговорчивая старушка, скажу я вам. Все отнекивалась, убогонькую, юридическую из себя строила, чтоб пожалели мы ее, оставили в покое. Но, видно, оказался опыт многолетний, не впервой ей малины содержать, и уловила, поняла, что не в бирюльки мы с ней играть пришли. Ну и подсказала кое-что. Приметы тех, кто квартиру у нее снимал, хорошо основного описала, кто с ней дела вел. — Уваров в упор посмотрел на Вадима.

— И этим основным оказался я, — чтобы скрыть неожиданную растерянность, излишне громко захохотал Вадим.

— Вовсе и не вы. Вы-то их и знать не знаете, вы человек случайный... Тот-то по виду вроде и похож на вас, тоже высокий, стройный, симпатичный, только волосы у него светлые, и зовут иначе — Лео. Леонидом, значит, и фамилия другая — Спорыхин.

— Ну слава богу, — с деланным облегчением произнес Вадим. — Это действительно не я, а то уже думаю, что это вы все выпрашиваете, все намекаете, усмехаетесь загадочно...

— Ну хорошо. Теперь главное, зачем все-таки я вас позвал. Вы уверены, что не помните никого из тех троих?

— Уверен.

— А может, взглянете все же на фотоснимки. Чем черт не шутит, вдруг узнаете?

— Раз положено, давайте, — без всякого энтузиазма согласился Вадим и вмиг напрягся, стараясь не выдать себя ничем во время этой процедуры. Незаметно вздохнул глубоко, постарался расслабиться, сонный вид себе придать. И неожиданно,

глядя, как Уваров достает фотографии из сейфа, почувствовал омерзение к себе за то, что изготавливается так тщательно, чтобы правду скрыть, что лжет так спокойно и безбоязненно. Что все время лжет. И нестерпимо захотелось, не говоря ни слова, встать, и выйти из этого кабинета, и бежать куда глаза глядят, только подальше от Уварова, от Лео, от Можейкиной, от города подальше, от всех, от всего...

— Ну вот смотрите. — Уваров уже разложил снимки на столе. — Внимательно смотрите, не торопитесь.

Данин провел потными ладошками по коленям и медленно склонился над фотографиями. Лео он увидел сразу. Лицо его заметно отличалось от тех полудебильных, что были на других снимках. Тонкое, интеллигентное, запоминающееся, чуть надменное, с тяжелым взглядом широко расставленных, немного прищуренных глаз. Вадим спохватился, что слишком долго рассматривает Лео, и перевел взгляд на другую фотографию и так же долго и внимательно стал разглядывать ее, потом пододвинул к себе еще один снимок. Вертя его, понял, что успокоился, что исчезло уже желание бежать отсюда без оглядки, и глаза теперь не выдадут его, и что можно уже поднять голову и, пожав плечами, сказать: «Нет, никого не знаю».

Он так и сделал. И глаза не выдали его. Во всяком случае, Уваров смотрел на него с плохо скрытым разочарованием.

— Жаль, — подтвердил он свой взгляд словами. — Жаль. Я, признаться, надеялся. Вы единственный, кто мог опознать и уличить подозреваемого. Единственный. — Лицо его неожиданно сделалось жестким. — И почему-то не понимаете этого. А следовало бы. Пора. — Он мотнул головой. — Трудно с вами, скользкий вы и... — Он в сердцах махнул рукой.

— Не знаю, чего вы добиваетесь от меня? — устало сказал Вадим. — Я же сразу сообщил вам, что не помню никого из них, не разглядел, темно было.

— А почему тогда?.. — Уваров чуть замешкался. — Где ваша дочь?

— С женой, — недоуменно ответил Вадим. — У сестры, за городом, вернее — в другом городе.

— Спрятали, значит, — усмехнулся Уваров.

— Почему спрятали? От кого? — хотел было возмутиться Данин.

Но Уваров жестом остановил его:

— Перестаньте.

— Опять намеки, опять ловушки, — с вызовом произнес Вадим.

— Бросьте, какие намеки?! — Уваров с силой потер виски. — Просто пытаюсь выяснить истину с вашей помощью. И все как об стену. — Он протянул руку и взял фотографию Лео, повертел ее. — Спорыхин исчез. Уехал. Взял отпуск и уехал. Куда — неизвестно. С Можейкиной тоже как-то странно получается. Никого она не помнит, говорит, что встретили ее на улице, а по всему выходит, что у Митрошки она в квартире тоже бывала, видели ее несколько раз в том дворе. Хотел, чтобы она посмотрела снимки, а муж, — он махнул в сторону двери, — говорит, что она больна, не двигается, с трудом узнает близких, какое уж тут опознание...

Он посмотрел на Вадима.

Данин стойко выдержал взгляд. Не отвернулся. И Уваров самому пришлось отвести глаза. Я стал настоящим артистом, с тоской подумал Вадим, а вслух сказал:

— Да, тяжело.

— Знаете выражение «врет как очевидец»? — после некоторой паузы неожиданно мягким вдруг тоном заговорил Уваров. — И верно, очевидец частенько врет, но не в силу того, что хочет запутать следствие, а просто во время стрессовых ситуаций восприятие частенько деформируется. Вот и случается, что при первом опросе человек говорит одно, а при повторном — совершенно другое. Но, впрочем, к вам, я думаю, это не отнесится.

— Но ведь... — Данин оглянулся, словно проверил, не подслушивают ли их. Или для того он голову повернул, чтобы Уваров не увидел выражение досады на его лице? — они расписывались за дачу ложных показаний.

— Ну дела! — Уваров нехотя усмехнулся. — А вы, ко всему прочему, и юридически неграмотны. Расписываются за дачу заведомо ложных показаний. Ну а ежели свидетель что-то вспомнил новое или недоговоренное решил поведать, это законом не возбраняется.

«А ведь с этого все и началось, — вяло и отрешенно подумал Вадим. — Но теперь поздно, поздно...»

— Ну что ж. — Уваров встал. — Я вас больше не задерживаю.

Вадим тоже поднялся. Увидев протянутую руку, с трудом решился подать свою. От крепкого, искреннего рукопожатия Уварова стало еще тоскливее. Он подошел уже к двери и все медлил выйти, все никак не мог собраться с силами открыть ее. На какое-то мгновение ему показалось, что обитая коричневым дерматином дверь закачалась, завертелась перед глазами, он прикрыл веки и схватился одной рукой за лоб.

— Вам плохо? — услышал за спиной встревоженный голос.

— Нет, нет, — и Вадим рванул дверь на себя.

Он ехал уже четвертый час. И все это время простоял в коридоре. В купе идти не хотелось. Душно. Сумрачно. Да и попутчики попались суетливые и горластые.

Все. К маме. В Москву. Уже полтора года, как отца перевели в союзное министерство. А Данин так и не выбрался к ним. Там все будет по-другому. Там он все забудет, как сон, как неотвязный и нескончаемый сон. А здесь плохо было. Плохо. Профукал полжизни... Женился, разводился, гулял с кем попало... Но ведь доволен был, и весел, и беззаботен... На работе неизвестно чем занимался, и не лежала душа у него к этой работе. Ничего, перетерпим. Главное — не капает, главное — забот нет. Ничего решать не надо: ни за себя, ни за других, Порхаем, отдыхаем. А ведь думал, что по-настоящему трудится, и ведь искренне так считал. Бездельник и позер. На окружающих свысока смотрел, насмешничал, развлекался. «...Тебе никто не нужен, вообще никто», — сказала ему как-то жена. Он тогда поразился этому определению, оно польстило ему. Истинно-

му, стоящему мужчине никто не нужен, он сам по себе. Глупец! Он просто боялся людей, боялся ответственности за них. Зачем усложнять себе такую расчудесную, спокойную жизнь... Но нет, неправда. Есть человек, который ему нужен и которому необходим он. Дашка. Его дочь. «О, господи, — Вадим сжал виски, — я же так и не дождался их звонка. Послал телеграмму, а сам не дождался. Забыл! О самом важном забыл! Потому что опять о себе, о себе все помыслы. Негодай!»

— Негодай, вот негодай, — совсем близко, почти возле уха, раздался рассерженный женский голос. Вадим вздрогнул и обернулся.

— Позвольте пройти, — густобровая проводница крутила головой и морщилась, как от боли. За ней стоял мощный мужчина в железнодорожном мундире и форменной фуражке. Тяжелое, квадратное лицо его было озабоченно.

— Что случилось? — спросил Вадим.

— Обокрали гражданку, все украли: и вещи, и деньги... — Мужчина в фуражке не дал договорить проводнице, положил ей руку на плечо и легонько подтолкнул вперед. Это, видимо, начальник поезда.

Он прав, чего болтать-то зря. Ну раз уж начала...

— В каком купе? — мягко спросил Вадим, обращаясь уже к начальнику. Тот махнул рукой назад и нехотя ответил:

— В предпоследнем.

И они прошли дальше. Вот напасть-то, не знаешь, что тебя ждет в любую секунду. Стоп! Но ведь поезд не останавливался. Значит, вор еще здесь!

— Послушайте, — крикнул он вдогонку проводнице и начальнику. — Поезд же еще не останавливался.

— Останавливался, — устало ответил начальник. — На полминуты в Рытове.

Ну, значит, теперь иши ветра в поле. Проводница и начальник скрылись в тамбуре.

Громыхнула купейная дверь в конце коридора, и мгновенно вклинился в вагонное безмолвие безнадежный надрывный плач. Из купе высунулась испуганная молодая женщина.

— Вы не доктор? — крикнула она.

— Что? — удивился Вадим.

— Нужен доктор, человеку плохо. Спросите у себя в купе, там нет врачей?

Вадим отрицательно покрутил головой.

— У нас точно нет. Что с ней? — И он решительно направился к открытому купе.

Коротко стриженная курносая девушка инстинктивно запахнула халат.

— Истерика, — объяснила она. — Как бы припадка не было. Или приступа сердечного. Я однажды такое видела... Страшно...

В полумраке купе Вадим различил сидящих, тесно прижавшись друг к другу, мужчину и женщину. На противоположной полке, вздрагивая всем телом, полулежала женщина. Вадим едва только вошел в купе, как женщина опять заголосила. Кричала она, захлебываясь и всхрипывая.

— Это ее обокрали? — Вадим непроизвольно дотронулся до уха,

Девушка кивнула.

— Как ее зовут?

— По-моему, Екатерина Алексеевна...

— Найдите проводника, — сказал Вадим. — А я попытаюсь с ней поговорить. Лекарства есть какие? Ведь в дальний путь собрались как-никак.

— Ах, да, — девушка всплеснула руками. — Я и забыла. Тазепам.

— Замечательно, и никакого врача не надо. Давайте.

Вадим присел на корточки перед женщиной, осторожно погладил ее по жестким седым волосам, потом по шее, по плечам. Наклонился к самому ее лицу и проговорил почти шепотом:

— Тихо, тихо... Все в порядке, жулика найдем, деньги отберем у него и вернем обратно, обязательно найдем...

Надо успокоить ее, каким угодно способом, какими угодно словами, правдой-неправдой, но притушить эту вспышку. Девушка дала ему таблетки, стакан воды.

— Я зажгу свет, — сказала она.

— Не надо, — возразил Данин, — свет раздражает.

— Екатерина Алексеевна, — он повернул лицо женщины к себе. Простое, ничем не примечательное лицо пожилой сельской жительницы. Глаза полуоткрыты, губы сложены в дудочку. Но она уже не кричит, только стонет надрывно. Вадим сунул в рот женщины две таблетки, приподнял ее голову и поднес к губам стакан. Женщина глотнула механически. Вадим отпустил руку, поднялся, отдал стакан девушке.

— Я покурю, — сказал он, вышел в коридор, вынул пачку, извлек сигарету, закурил. Девушка встала рядом.

— Вот гад! — в сердцах сказала она. — Все они гады, преступники! Человек работает, копит, копит, сил не жалеет, от всего отказывается. А они приходят — и раз, одним махом, без труда... Гады, я бы их, — она сжала кулачки...

Вадим затаился еще несколько раз и бросил сигарету в окно. Он был возбужден и чувствовал, что делает дело нужное и важное. И что все на него смотрят с надеждой и симпатией. И девушка, и обнявшаяся напуганная парочка. И сам на себя он точно так же смотрит. Женщина уже поднялась и, опершись на руку, теперь сидела и невидяще глядела в пол.

— Полторы тысячи, — вдруг всхлипнув, сказала она. — Пятсот моих, а тысяча — соседей. Это же такие деньги, такие деньги. — Она, как ребенок, размазала слезы по лицу. — И я теперь без копейки. А кума в Москву только через неделю приедет. У меня кума в Москве живет. Она мне ключ оставила, сама через неделю приедет. А в деревню звонить и писать не буду, боюсь... И продать нечего. О, господи, помилуй...

Женщина была маленькой и худенькой, и ноги ее едва доставали до пола. Она, как девочка, то и дело одергивала платье, а потом складывала сухонькие ручки на колени. Вадим заметил, что мужчина прижимает к груди женскую черную сумку. Видать, когда узнал о краже, первым делом бросился проверять, не обокрали ли и его. Видно, обнаружил сумку женину, и, стерев пот, вздохнул свободно, и прижал сумку к себе, и теперь до самой Москвы с ней не расстанется...

Вадим стремительно повернулся и зашагал к своему купе. Рывком открыл дверь. Там было темно. Он снял пиджак с вешалки, вышел в коридор. На ходу натягивая пиджак, двинулся обратно. Подойдя к купе, оперся на косяк, вынул из кармана скомканные деньги, протянул женщине.

— Возьмите. На первое время хватит.

— Да что вы, — отмахнулась женщина.

Тогда он протянул визитную карточку (надо же, пижон, карточки себе понаделал).

— Появятся деньги, отдадите.

— Господи, — женщина пересчитала бумажки. — Пятьдесят шесть рублей. Это ж деньги.

— Все нормально, — сказал Вадим и повернулся к девушке. — Когда ближайшая остановка?

Минут через десять закрипел, зашипел состав, притормаживая, содрогнулся потом всем своим многотонным металлическим телом и замер, отдуваясь, как бы отдыхая, вбирая в себя свежий и влажный ночной воздух. В тамбуре возле полуоткрытой двери стояла проводница. И она тоже воздухом радовалась.

Вадим улыбнулся, берясь за поручень и опуская ногу на ступеньку. Проводница открыла глаза и с испуганным удивлением уставилась на него.

— Вы далеко? — осторожно спросила она. — Мы стоим всего минуту. — Она поднесла часы близко к глазам. — Уже полминуты.

Вадим весело кивнул:

— Далеко. Обратно. Домой.

— Ну, вы даёте, — проводница покрутила головой, — Среди ночи-то.

— Утюг оставил невыключенным, — серьезно пояснил Вадим. — Боюсь, как бы пожара не было. Прощайте, — он спрыгнул на колдобистый асфальт короткого перрона.

— Да, кстати, — обернулся он. Изумление в глазах проводницы до сих пор не исчезало. — Линейную милицию оповестили?

— Да, — проводница растерянно кивнула. — Конечно...

— Ну и славненько. — Вадим поднял руку со сжатым кулаком. — Счастливого пути вам.

Город совсем не изменился. Да и как он мог измениться — меньше суток ведь прошло, хотя Вадиму казалось, что отсутствовал он месяц, а то и два. Стремительны и деловиты были люди, настойчивы и нахальны автомобили. Так же шумно было и беспокойно.

Думал взять такси, но увидел длинную очередь, ужаснулся и побрел к автобусу. Втиснуться в салон автобуса не сумел — машину осаждала плотная монолитная толпа — и побрел пешком до другой остановки. Двигался машинально, бездумно глядя перед собой, и не заметил паркующийся у тротуара автомобиль, открывающуюся дверцу и выходящего из автомобиля мужчину. Поэтому ткнулся и неожиданно в его спину. Чертыхнулся, хотел сказать что-нибудь грубое и раздражительное, но

когда тот повернулся, разом забыл придуманные слова. Спорыхин-старший смотрел на него пристально и изучающе. И губы его медленно растягивались в той самой, будто приклеенной резиновой улыбке. Лишь несколько секунд, как и тогда во дворе, всматривались они друг в друга, а потом отвели одновременно глаза и разошлись, каждый в свою сторону.

Пока Вадим добирался до дома, непрестанно лицо Спорыхина-старшего перед ним маячило, холеное, словно умело выстиранное и отглаженное. Острые, с морозцем серые глаза его рассматривали Вадима в упор, не мигая, и мешали сосредоточиться.

У дома, у подъезда уже с усилием отогнал он от себя это дурацкое болезненное видение, сказав себе, что сейчас уже все равно, докопается он до сути или нет. Скоро он все узнает, ему расскажут, если не все расскажут, то хоть немного, а остальное он сам домыслит.

В квартире было душно, пахло пылью, лежалой бумагой и застоявшимся табачным дымом. Он прошагал на кухню, достал сумку Можейкиной, бросил ее на стол, мрачно усмехнувшись, несколько секунд разглядывал — даже ведь и не открыл ее ни разу, — и пошел в комнату, к телефону. Не успел руку протянуть, как он звякнул деловито. И хоть тихий был у него голосок, Данин вздрогнул — так неожиданно в этой темной, тихой квартире подал он свой сигнал, Вадим положил руку на аппарат и, подобравшись, через секунду снял трубку.

— Вадим! Сколько сейчас времени? Ты где? — Ольга задавала глупые вопросы и, задавая их, почти кричала, это чувствовалось по напряженному ее голосу, но звучал он все равно тихо, слышимость была отвратительная.

— Сейчас половина четвертого, — сказал Вадим. — И я дома.

— Что? Я не слышу. Что случилось? Почему ты дал телеграмму? Я волнуюсь, слышишь, я ужасно волнуюсь...

— Все в порядке, — бодро сказал он. — Я уезжаю в командировку. Приезжайте недельки через две.

— Что-то еще произошло, Вадим? Да?

— С чего ты взяла?

— У тебя такой голос...

— У меня превосходный голос. Все, мне некогда. Прощай.

Прощай! Он сказал ей «прощай». Он никогда не произносил этого слова всерьез, только в шутку, только с усмешкой; он боялся его. А теперь вот сказал невольно, не раздумывая. Оно вырвалось, вылетело из его уст, само по себе. Значит, все, отступать некуда! Он быстро протянул руку к аппарату, но тот снова, во второй раз останозил его, зазвенев неожиданно, и Вадим даже почувствовал ладонью колебания воздуха вокруг него. Он сорвал трубку, поднес к уху, ответил. Тишина. «Я вас слушаю», — зло проговорил он. И по-прежнему тишина. А потом, через секунду, пульсирующие гудки. Вадим выругался про себя, нажал на рычажки и принялся набирать номер.

— Уваров. — Голос у оперативника был ровный, чуть приглушенный.

— Это Данин, — с внезапной хрипотцой назвалсЯ Вадим. — Мне надо приехать. Необходимо поговорить.

— Хорошо, — с готовностью произнес Уваров. — Я вас жду.

С хмурым лицом он вышел на свет, на улицу, потому что хмуро и неприкаянно было на душе. Голубенькое такси бесшумно подкатило к тротуару и плавно притормозило возле него. Вадим подергал переднюю дверцу, она не открылась. Тогда он увидел руку шофера, которая приподняла кнопку замка на задней двери. Вадим щелкнул ручкой, заглянул в кабину и хотел сказать, куда ему надо, но не смог, так и остался с открытым ртом. На сиденье водителя, привалившись боком к спинке, сидел Витя-таксист и неуверенно, чуть морщась, смотрел на него. Данин отшатнулся невольно, но тут же уткнулся спиной во что-то. А потом все произошло невероятно быстро. Его ударили сзади чем-то твердым по копчику. «Коленом», — безучастно отметил Вадим, ойкнув от боли. Затем с силой толкнули в спину, и он повалился руками вперед, на засаленное, взвизгнувшее в ответ сиденье. Тотчас отворилась противоположная дверца, и мелькнули ноги в синих джинсах. Вадима ухватили за руку и заломили ее за спину. Вадим снова вскрикнул от боли, теперь уже громче, но никто, конечно, кроме сидящих в машине, его крика не услышал. Бесшумно выпала сумка из-за пазухи. Джинсовый присвистнул и быстро поднял ее с сиденья. Сумка мягко шлепнулась за головой у Вадима, у заднего обзорного стекла. Потом его опять пихнули справа, и кто-то, грузный и сопящий, повозясь, устроился рядом. Дверцы хлопнули выстрелами одна за другой, и машина лихо сорвалась с места. Инерцией всех прижало к спинке сиденья, и хватка соседа слева ослабла. Вадим повернул голову. Курьер. Чернявый. Курьер собственной персоной.

...Данин молча отвернулся. В зеркальце над лобовым стеклом он поймал взгляд Вити. По глазам его было видно, что таксист что-то сосредоточенно соображал, взвешивал, прикидывал. Ненависти или хотя бы недоброжелательности в его взгляде Вадим не уловил. Но ему было уже все равно.

— Эй, орлы, — впервые подал голос Витя, и звенел он тревогой. — А за нами хвост!

— Что? — встрепенулся Курьер, но оборачиваться не стал — ученый. — Что ты мелешь? От испуга «глюки» начались?

Витя сплюнул в окно и проговорил ровно:

— Я раллист. Мастер спорта международного класса. Пятнадцать лет за рулем. Я дорогу знаю, как свою ладонь, и знаю, как тачки себя ведут, я каждого рулилу чую. Понял? Двенадцать восемьдесят четыре, «Жигули», красные, через машину за нами. Это хвост. Он пасет нас уже минут десять... Менты!

— Ты уверен? — И Курьер все-таки осторожно обернулся, глаза засуетились, забегали. — Надо уходить. Как? Мы же почти за городом.

И вправду, мелькали уже пыльные, приземистые домики с небольшими, заросшими зеленью участками.

— Вляпались — мрачно, сквозь зубы процедил Толстяк, что сидел справа, и, подумав немного, смачно выругался,

— Не каркай! — едва сдерживая ярость, проговорил Курьер. — Если они нас не повинтили сразу — значит, им надо только пропасти нас. Значит, надо отрываться, так?

— Или остановиться, — подал голос Вадим. Судорожная пляска в груди унялась.

— Или порешить тебя, — без всякого выражения внес свое предложение Толстяк.

— Давай, — спокойно согласился Вадим и не спеша повернулся к Толстяку.

Толстяк пожал плечами и, кряхтя, полез в карман.

— Заткнись ты наконец, ублюдок! — не выдержал Курьер.

Толстяк опять пожал плечами и вынул из кармана руку.

Данин уловил в зеркальце мелькнувшую на лице таксиста тоскливую усмешку.

— А ты умерь свою отвагу, герой, — устало посоветовал Курьер Данину. — Твои дружки далеко, а мы близко. Вот они мы, — он подергал пальцами свою куртку. — Потрогай...

Вадим не шелохнулся. Он вдруг подумал, что есть замечательный способ привлечь к себе внимание — что-нибудь такое сотворить возле первого встретившегося на пути поста ГАИ.

— Не гони, — попросил Курьер. Он сидел, вцепившись побелевшими пальцами в спинку водительского сиденья. — Не гони, — повторил он и, словно читая Вадимовы мысли, предупредил: — Скоро пост ГАИ. Объедем от греха подальше.

— Это как это мы объедем? — с ехидцей спросил Витя.

Курьер положил сму руку на плечо и, надавив на него, проговорил вкрадчиво:

— Через полкилометра съезд будет. Ты его прекрасно знаешь. Бывало, вместе ездили. Забывчивый стал.

— Верно, — без особого энтузиазма согласился Витя. — Запоминал.

Машина резво ушла с мостовой, вздрогнула, въехав на неровный грунт, и помчалась по проселку.

— Теперь гони! — крикнул Курьер. — Что есть силы гони!

Загрохотали, забряцали всполошенно какие-то железки в автомобиле, завыл от натуги мотор. Данин оглянулся. Красные «Жигули» отстали теперь метров на триста. Автомобильчик подпрыгивал на ухабах, как детский резиновый мячик. Чья-то голова высунулась из кабины и мгновенно исчезла. И Данину показалось, что он узнал того, кто высовывался. Слишком приметным и запоминающимся был оперативник Петухов. Но откуда взялась милиция?

— Через пару километров параллельное шоссе, — крикнул, перекрывая шум, Курьер. — Уходи вправо.

— Сам знаю, — отозвался таксист.

Посветлело впереди, деревья поредели, а потом и вовсе расступились... У пересечения проселка с шоссе желтела «Волга» с надписью «ГАИ» на дверце.

— Че-рт! — заревел Курьер и хлопнул в сердцах по спинке сиденья.

— Надо останавливаться, — Виктор сбросил скорость. — Мы ничего не нарушили. Проверят документы и отпустят.

— Ты рехнулся! Рехнулся! Не тормози! — Курьер вцепился таксисту в плечи и стал остервенело трясти его. — Этот тип

не должен быть в городе, он вообще не должен быть! Шеф убьет меня!

«Тип» — это, наверно, я, догадался Вадим и с отстраненным недоумением подумал: «Отчего же такие страсти?»

Таксист перевернул с силой плечами, вырвался из цепких пальцев Курьера, подался вперед, надавил на акселератор. Машина скакнула и стремительно помчалась по проселку. Не доезжая до милицейской «Волги», Витя резко свернул влево и погнал по густой траве. Вслед пронзительно запели свистки. Такси вылетело на шоссе. Курьер, громко выдохнув, обессиленно откинулся на спинку. Вот теперь можно. Локтями по глазам Курьеру и Толстяку Вадим бил одновременно. Те ойкнули в один голос, а он в это время уже ухватил обеими руками голову таксиста. Машина завихляла и беспомощно покатила под острым углом к обочине. И вот теперь Толстяк ударил ножом. Но теснота мешала ему размахнуться, и удар вышел несильным. Но все равно жестоким и болезненным. Вадим вскрикнул и отпустил руки. Толстяк снова замахнулся, и на сей раз закричал Витя:

— Не смей, сволочи! Не смей!

И резко дернул автомобиль вправо. Толстяк привалился к дверце, и нож выпал из его рук. Машина стала останавливаться. Курьер с истеричным, надсадным воплем накинулся на Витю и сжал пальцами его шею. Предоставленная опять самой себе машина на скорости выкатила на встречную полосу. Мелькнул в окне огромный КраЗ. Безнадёжно и слезливо заныли тормоза... Вот и все, а ведь только-только себя разглядел, успел подумать Вадим.

А потом страшный удар, металлический лягз, сухой треск лопающегося стекла, чьи-то отчаянные вопли в темноте...

...Он подумал: сейчас проснусь — и проснулся. Солнце в упор светило на него через чистые стекла большого, почти во всю стену окна. Он удивился: у него в квартире нет таких окон. Разве он не дома? Ему стало не по себе, он хотел было повернуть голову, но острая и неожиданная боль пронзила правую часть головы, и плечо, и ногу, и он вскрикнул, тяжело и хрипло. А рядом, по правую руку, кто-то тоненько ойкнул в ответ и завозился возле него, и терпко и приятно пахнуло духами. Боль прошла так же внезапно, как и началась, и он заинтересованно подумал, кто бы это мог пахнуть такими замечательными духами. И увидел выплывающее справа лицо, сосредоточенное, свежее девичье лицо; из-под накрахмаленной белой шапочки солнечными завитушками выбегали волосы. Вадим закрыл глаза, морщась и вспоминая, потому что понял уже, что не дома он. Только вот где?

— Вам больно? — негромко спросили его. — Вы меня слышите? Вам больно?

Девушка бросила коротко: «Я сейчас!» — и исчезла из его поля зрения. Он пошарил глазами вокруг. И справа увидел длинную жердь штатива, прикрепленную к нему стеклянную банку и тонкую резиновую трубку. Капельница, догадался Данин и в первый раз нахмурился. С ним, видимо, что-то серьезное,

раз у кровати капельница. А он-то сначала подумал, что больно ему оттого, что отлежал шею и плечо. Значит, в больнице. Почему? И он попытался вспомнить.

— Мы арестовали не только Лео и его дружков, — говорил Уваров, сидя возле кровати. — Мы задержали еще и Спорыхина-старшего, и Можейкина, и еще несколько человек, вам неизвестных, — при этих словах Данин оторопело уставился на Уварова. — Можейкин и Спорыхин-отец — старые приятели, еще со студенческих лет. Можейкин был способным математиком, а потом стал довольно незаурядным экономистом. Спорыхин очень ценил его. И поэтому до последних дней держал его главным своим консультантом. Всю жизнь у Можейкина была одна страсть — нажива. О том, как она появилась у него, мы сейчас говорить не будем. Это уже дело следствия и суда. Я рассказываю лишь суть. Одним словом, защитив диссертацию, Можейкин не пошел работать ни в НИИ, ни на преподавательскую работу, а направил свои стопы на производство. Работал на кожевенных, ювелирных предприятиях. Чуете замашки? Один раз попал под следствие, но дело против него прекратили за недоказанностью. А вот восемь лет назад он вдруг круто изменил свою жизнь и устроился на спокойную преподавательскую работу в университет. А произошло вот что. Спорыхин, тогда уже начальник городского строительного треста, профессиональным чутьем уловил какие-то махинации с отчетностью у себя в тресте. Посоветовался с Можейкиным. Тот предложил свои услуги, чтобы негласно, без ревизоров и БХСС, провести проверку. Спорыхин согласился. Короче, Можейкин накопал там многое. Хищение, подлоги и так далее. Рассказал об этом Спорыхину и намекнул, что, если все вскроется, тот непременно сядет. Спорыхин страшно испугался. И тогда они с Можейкиным прижали тех четверых сотрудников, с которых вся эта преступная деятельность и началась, и, как говорится, вошли в долю. А доля была, я вам скажу, ой-ей-ей. По чистой случайности в это дело ввязался и Лео, его сын. Он знал о махинациях немного, но для того чтобы надолго посадить папашу, вполне достаточно. Когда Можейкин женился на Людмиле, то через некоторое время его жена стала любовницей Лео. Лео к тому времени уже прилично пил, то ли от страха, то ли еще от чего. И вот в тот день, с которого все и началось, Можейкина пришла на квартиру к Митрошке — Лео снимал там комнату для подобных встреч. Он был там с собутыльниками, уголовниками Ботовым и Сикорским. С некоторых пор, даже несмотря на беременность, Можейкина подумывала уйти от Лео — тот был деспотичен, жесток, неуправляем — и в тот вечер опрометчиво решила объясниться. Лео расвибрился. Тогда Можейкина заявила, что если он будет чинить препятствия, она найдет на него управу. Это было последней каплей. Втроем они стали избивать женщину и все по живому норовили. Потом успокоились, поели, выпили. А она тем временем на полу корчилась...

После всего Лео решил ее проводить. Они вышли на улицу. И опять начался скандал, который вы и слышали. Можейкина хотела скрыть свое знакомство с Лео сначала потому, что боялась, как бы не узнал об этом муж, который засыпал ее дорогими подарками, ну а во-вторых, потому, что Можейкин не раз

ей говорил, что они со Спорыхиним одной веревочкой повязаны. И случись что, оба в небытие канут разом. Ну а потом, когда Спорыхин-старший и Можейкин прознали про все, ее попросту довели до сумасшествия, почва для этого была благодатная, запугали, как хотели запугать и вас. В свою очередь, Лео, узнав о том, что этим случаем занимается милиция, испугался, как когда-то его отец, и вышел к своему замечательному папаше с таким предложением: или ты любым способом меня выручаешь, или я закладываю тебя соответствующим органам. И Спорыхин-старший занялся этим делом. Но занялся неумело, как дилетант, у него же не было уголовного опыта. Нанял каких-то подонков, чтобы запугивать вас и Можейкину, платил им прилично. Лео подключил к этому делу и своих дружков: Витю-таксиста, Ботова, длинного в кепке и Сикорского...

— Значит, чернявый, который был со мной в машине, и толстяк — это люди Спорыхина-старшего?

— Да. Кличка толстяка Еж, зовут Сигаев, Дмитрий Иванович, трижды судимый. А второй, Федоров, обыкновенный фарцовщик, прельстившийся большими деньгами...

— Теперь все понятно. — Вадим вдруг ощутил, как горят у него щеки и лоб от возбуждения.

— Ребята из БХСС, — продолжал Уваров, — давно копали под Спорыхина. Когда мы вышли на Лео, то стали работать с ними в контакте.

— А как вы вышли на Лео?

— Много трудились, — улыбнулся Уваров.

Вадим устал. Слишком много он узнал за сегодняшний день. Теперь надо было думать, долго думать. Ему захотелось остаться одному. Но что-то он еще не досказал Уварову, что-то такое, что бы заставило того отнестись к Вадиму хоть с крохотным сочувствием. Нестерпимо вдруг захотелось, чтобы Уваров его понял, чтобы хоть один человек его понял.

— Я хотел все рассказать, — неуверенно начал он. — Но не мог. Хотел, но не мог. Так вышло...

Уваров смотрел на него, и молчал, и не шевелился, застыл словно.

— Не смотрите на меня так, — сказал Данин. — Не смотрите!

— Выздоровливайте, — кивнул Уваров. И ушел, ступая так же мягко и едва слышно, как и тогда, когда вошел в палату.

Данин лежал некоторое время, отдыхая и стараясь не думать ни о чем. Потом открыл глаза и пробормотал еле слышно: «Как там сказал доктор, через два месяца встану... нет, сейчас встану!» — Крепко, до темноты в глазах стиснул зубы, глубоко вздохнул и начал осторожно приподниматься на ослабевших руках.

ПОВЕСТЬ

1

Когда позывные экстренного выпуска новостей пропикали во второй раз, многие из тех, кто в эту минуту находился рядом с телевизором, невольно повернули головы в сторону мерцающего экрана и, прежде чем диктор произнес первую фразу, узнали в нем самого Мучачо Вьехо — Старого Мальчика, как его называли даже газетчики. Его ровный, чуть хрипловатый голос, который мог показаться даже бесстрастным, если бы не доверительные интонации, сквозившие в нем, был знаком каждому. Он почти никогда не бывал взволнованным, даже если рассказывал о финальном матче по футболу, перестрелке двух враждующих банд или очередном государственном перевороте, и подчеркнутой будничностью давно приучил своих слушателей к мысли, что пока он, Мучачо Вьехо, в доме, им бояться нечего.

— Сегодня на рассвете трое неизвестных ворвались в штаб-квартиру объединенных профсоюзов строителей, расстреляв в упор охранников. Нападавшие, хорошо ориентировавшиеся в расположении апартаментов, проникли в комнаты отдыха, где смертельно ранили дежурного референта, а председателя объединенных профсоюзов строителей Даниеля Кемпеса буквально изрешетили пулями еще в постели. Преступники тут же, не обращая внимания на вой сирены, стали вскрывать бронированный сейф с секретными документами и деньгами на текущие расходы. В этот момент их и настиг наряд полиции. После короткой перестрелки один из нападавших был убит, двое взяты живыми. Со стороны полиции потерь нет. Мы пока воздержимся от комментариев, поскольку не располагаем известиями с места происшествия. Первые подробности станут известны к вечеру, — закончил Мучачо Вьехо.

Новость означала, что непрочное общественное согласие

Художник Сергей РАДИМОВ

разлетелось в щепки, что теперь, словно пожар в прериях, вспыхнет кампания взаимных обвинений и клеветы и средства информации так запутают общественное мнение, что в той смуте нельзя будет найти правых и виноватых; что Национальный демократический центр — временный союз прогрессивных и либеральных партий и профсоюзов, который с таким трудом образовался как раз накануне парламентских выборов, или расколется на враждующие группировки, или — в обоих случаях это будет зависеть от того, чьими руками был устранил Кемпес, наиболее вероятный претендент на пост министра труда и занятости — еще более сплотится и станет монолитным, но тогда неминуемо столкнется с другим монолитом — союзом капитала и военщины; и от этого столкновения может сдетонировать еще более мощный взрыв и в конечном итоге привести к дестабилизации политического положения, за которой со стопроцентной вероятностью рисовалась еще более невеселая перспектива — перевороты «по-крупному», заговоры, анархия, диктатура, комендантский час, бесследные исчезновения, голод и прочее, и прочее...

Новость не попала на полосы утренних газет, но до сиесты появились экстренные выпуски не только наиболее влиятельных ежедневных изданий, но и самых мелких газетенки, форматом и внешним видом напоминавших скорее большие листовки. К удивлению многих, почти все газеты сохраняли сдержанный и осторожный тон. Правда, один бульварный листок заикнулся было о «руке Москвы», но в данной ситуации это было такой очевидной глупостью, которую неудобно и замечать. Если бы не относительное единодушие в оценке событий политическими противниками, которые не воспользовались случаем, чтобы сыграть на обострении ситуации, поймать рыбку в мутной волне, можно было подумать, что правительство намеренно пошло на отвлекающий маневр, желая на какое-то время успокоить общественное мнение — наиболее опасную силу в момент вспышки. А газеты пестрели заголовками: «Новый Аль Капоне?», «Сумасшедшие террористы: действительные или мнимые?», «Председатель профсоюза строителей — случайная жертва», «Последнее слово — за экспертами-психиатрами», «Безумцами-преступниками должны заниматься душевнобольные полицейские» — и еще что-то в подобном духе. И разумеется, фотография на фотографии. Как оказалось, главарь преступной троицы на первом же допросе с гордостью объявил, будто он — Аль Капоне, и продолжал стоять на своем, его сообщник тоже признал в нем Аль Капоне. Сам подручный назвался Вельветом, а третий сообщник — Шнурок, как известно, погиб в перестрелке. В ответ на все остальные вопросы бандиты начинали нести такую же галиматью, после которой следователям трудно было сохранить хладнокровие.

Сокращенная стенограмма пресс-конференции

Государственный референт по делам безопасности: Господа! Прежде всего мне бы хотелось отметить очень высокое гражданское сознание нашего народа. В такое непростое время, накануне всеобщих национальных выборов, в сложнейшей ситуации, когда от рук неизвестных террористов гибнет один из

претендентов на министерский пост, люди проявляют настоящее терпение и понимание. С чувством высокой ответственности за каждый свой шаг повели себя политические партии и оппозиционные группировки. Отдельные незначительные эксцессы, спровоцированные несознательными элементами, были оперативно локализованы силами полиции и — хочу подчеркнуть! — случайными гражданами, находившимися рядом. И правительство, на мой взгляд, повело себя безупречно — вы понимаете, что я отмечаю только объективные факты, а не занимаюсь предвыборной агитацией. Неожиданные выводы следствия только подтвердили правильность занятой правительством позиции. Однако не буду забегать вперед. Более подробно обо всем расскажут специалисты. Разрешите представить вам участников нашей пресс-конференции: генеральный прокурор республики Аурентино Бота, шеф столичной полиции сеньор Бастос, главный врач-психиатр страны доктор Орансио. И наши гости — профессор Ирвин Бакст (Соединенные Штаты Америки), психиатр-криминалист Игнасио Омбре (Куба), ведущий невропатолог Бразилии академик Каузио Мешта. (Аплодисменты.) И ваш покорный слуга... Вначале, видимо, сеньор Бастос обрисует нам общую картину преступления. Прошу, сеньор Бастос.

Шеф полиции: Следствие, как всегда, начинается с того, что устанавливаются личность преступника и мотив преступления. Здесь нас подстерегала первая неожиданность. Главарь объявил себя известным гангстером Аль Капоне, действовавшим более полувека тому назад, хотя ему самому на вид едва за сорок. Его сообщник по кличке Вельвет тоже называл его Аль Капоне. Нам пришлось применить наиболее эффективные методы дознания, которые все же не дали результатов.

Вопрос: Извините, а не получилось ли, что своими «методами» вы довели их до сумасшествия?

Шеф полиции: В этой ситуации мы были вынуждены пригласить наших психиатров, которые достаточно быстро установили, что оба преступника — душевнобольные люди. Положение исключительное — с одной стороны, мы имеем дело с террористическим актом, обладающим внешними признаками политического убийства, с другой — совершившие его преступники не в своем уме. Учитывая, что такой оборот дела мог вызвать кривотолки и подозрения, будто правительство, желая удержать от качки государственный корабль, таким способом подбрасывает общественному мнению «жареную утку», мы вынуждены были пойти на значительные для нашего ведомства затраты и пригласить из других стран известных специалистов — лиц, не связанных с нами и не зависящих от нас, даже, может быть, исповедующих другие социально-политические убеждения и принадлежащих к разным психологическим школам. Проведя тщательное исследование психики преступников, они полностью согласились в главном: преступники Аль Капоне и Вельвет — душевнобольные люди, и их террористический акт не может рассматриваться как сознательная политическая диверсия.

Вопрос: Почему? История знает случаи, когда сумасшедшие покушались на государственных деятелей. Или по собственным убеждениям, или из-за гипертрофированного желания прославиться...

Шеф полиции: Согласен. Мы изучили имеющиеся аналоги. Но давайте к этому вопросу вернемся немного погодя. А сейчас уясним себе мотивы преступления, хотя сочетание слов «сумасшедшие» и «мотивы» звучит несколько странно, однако... Я, господа журналисты, с вашего позволения и от вашего имени хочу задать вопрос нашим глубокоуважаемым гостям-экспертам. Скажите, пожалуйста (поворачивается к экспертам), может ли душевнобольной находиться под влиянием некоего идефикса длительное время?

Бакст: Сколько угодно.

Шеф полиции: А может ли подобная идея проявляться у нескольких больных одновременно, более того, может ли она объединить их на некоторое время в союз?

Омбре: Случается и такое. Как часто — зависит от обстоятельств. Даже если не принимать во внимание массовый психоз — там несколько иная механика, — на ваш вопрос можно дать положительный ответ: да, в принципе душевнобольные могут объединяться ненадолго какой-то идеей.

Шеф полиции: И тот мир, который существует в пределах этой идеи, конечно, для них реален, а их рассказы о нем можно считать правдивыми?

Эксперты: Да. Можно (соглашаются все).

Шеф полиции: Так вот. Для Аль Капоне и его сообщников такой идеей, судя по избранным ролям, стала идея ограбления какого-нибудь учреждения. Им случайно оказалась штаб-квартира профсоюза строителей. Видите ли, бандитам понравилось здание, и они решили, что там, внутри, много денег. О Кемпесе они не имели ни малейшего представления. А вот о сейфе знали, хотя в нем хранились деньги только на текущие расходы. Служащие штаб-квартиры по фотографии опознали Шнурка — двумя днями раньше тот ходил по коридорам, заглядывая в каждую дверь с таким, знаете, таинственным видом, и все время прикладывал к губам палец: мол, знаю, но молчу. Так он и узнал расположение кабинетов.

Вопрос: А разве душевнобольные могут вот так... принимать все во внимание?

Мешта: Очень часто душевнобольные, находясь во власти своих представлений и того или иного идефикса, действуют более последовательно, чем действовали бы мы с вами, спланировав эту или подобную ей акцию.

Вопрос: Где они, кстати, взяли оружие?

(Смех в зале, реплики: «А где у нас нельзя взять оружие?»)

Шеф полиции: Прошу без намеков. Я не хуже вас знаю наши социальные проблемы. Автоматические пистолеты, изъятые у грабителей, — устаревшей конструкции, никаких данных о них мы узнать не смогли. Конечно, мы пытались выведать, откуда бандиты прибыли и где взяли оружие. Мы задавали и прямые, и наводящие вопросы; да и наши психиатры потрудились на славу, даже прибегали к гипнозу — безрезультатно. Аль Капоне при этом довольно улыбался и заявлял: «Верные люди». Ни одного имени, даже намека. Главари будут играть избранную им роль Аль Капоне до конца своих дней. Точнее, схему роли. Для примера: может быть, во время допроса перед глазами у него и возникал образ того, из чьих рук он получил

оружие или, что более вероятно, купил в каком-нибудь притоне. Но «знает» он другое — и притом намного уверенней: он — Аль Капоне, и «честь» гангстера не позволяет ему называть ни имен, ни примет.

Прокурор: Если бы даже он назвал какие-то имена или приметы, ни один суд не примет их во внимание, потому что сведения получены от людей, не контролирующих своих действий. Они не отвечают перед законом.

Вопрос: Здесь возникает одно противоречие. Ранее говорилось, что в пределах определенного идефикса душевнобольные могут действовать более последовательно, чем люди здоровые. А новый Аль Капоне и этот Вельвет вдруг полностью позабыли все то, что предшествовало нападению. Одними ссылками на гангстерский кодекс чести тут не обойтись.

Бакст: Аль Капоне знает, что он Аль Капоне — и все. И что ему надлежит грабить. Я более чем уверен, что он и в богдельне будет крушить тумбочки или столы, принимая их за сейфы. А спустя час забудет об этом. И станет забывать то, что он уже что-то забыл, извините за трюизм.

Вопрос: А если допустить, что кто-то дал им такой препарат, чтобы они, скажем, свою идею реализовали четко, а дальше все забыли?

Орансио: Молодой человек, существуй в природе инъекции, о которых говорите вы, другими словами, если бы появилась возможность коррекции нервных процессов, сколько бы мы сумели вернуть к сознательной жизни ласковых семьянинов, добрых католиков и верных патриотов. К сожалению... Кроме того, в крови преступников не обнаружено никаких посторонних веществ, известно только, что Шнурок и Вельвет пили пиво, а Аль Капоне — снотворное, но незначительную дозу.

Шеф полиции: Последнее, что помнит Аль Капоне, — гостиница «Эксельсиор», расположенная поблизости от штаб-квартиры профсоюза строителей. Его показания подтвердили слуги и портье. В гостинице преступники появились вчера поздно вечером, сняли трехместный номер, записавшись под вымышленными именами, поужинали в номере, а утром ушли. Где они были раньше, они не помнят.

Вопрос: По определенным соображениям я, сеньор Бакст, обращаюсь именно к вам. Как вы считаете, имеет ли право на жизнь такая гипотеза: определенные «кто-то», как здесь их окрестили, натаскали, как делают с собаками, троих душевнобольных на ограбление штаб-квартиры, зная, что там часто остается ночевать Кемпес, особенно накануне выборов. Цель — спровоцировать беспорядки. Ну а получилось то, что случилось. Какой спрос с душевнобольных?

Бакст: Так недолго договориться до того, будто сумасшедших к Кемпесу подослало мое родное ЦРУ, мафия, оппозиция — да кто угодно. Можно, можно сделать все, но уж в этом разбейтесь сами. В мире есть тысячи людей, здоровых физически, но страдающих тяжелым психозом — манией величия. Два наиболее распространенных типа — Наполеон и Иисус Христос. Мало того, что больные мнят себя ими, они еще хотят и действовать согласно избранной роли. Это несколько неудобно для окружающих, верно? Зато когда сыграть роль не представляется

возможным, заболевание еще больше обостряется, что нередко приводит к трагическим последствиям. Поэтому в специальных учреждениях устраиваются своеобразные «театры», где такой Наполеон и Христос могут «разрядиться». Им подыгрывают статисты, создается нужный антураж... Хотя дорого и хлопотно, но временами помогает: под тяжестью славы и грандиозных свершений «великие мира сего» устают и, оставив роль вершителей судеб, вспоминают свое настоящее имя и тихо доживают век в семьях или даже работают. Но как говорил еще великий Ньютон — я имею в виду настоящего, а не одного из легиона самозванцев, — действие равно противодействию. Подыгрывая сумасшедшим в «театре», болезнь можно затормозить, а можно и обострить. И тогда Наполеон не удовлетворится тем, что играет в Ватерлоо, ему подавай настоящее!..

Орансио: К сожалению, психиатров в республике можно пересчитать по пальцам. Ни в государственных, ни в частных клиниках названные методы не практикуются: они слишком дороги, а мы слишком бедны.

Голос из зала: Вот почему сумасшедшие бродят у нас по улицам!

Вопрос: А что, если эту троицу забросили из-за рубежа или они перешли границу тайно?

Прокурор: Я не мистер Бакст и поэтому отвечу по-своему: а что, если их нам подбросили марсиане? Если это их роботы? Вариантов может быть сколько угодно! А факты говорят совсем о другом: у нас — и это видно невооруженным глазом — нет никаких оснований думать иначе, чем есть на самом деле. Что бы ни случилось с Кемпесом — угоди он в автокатастрофу, поскользнулся и неудачно упал, перенес инфаркт, — детали происшествия значения не имеют, но наша психология такова, что мы все равно подозревали бы убийство. Еще бы: человек активно участвует в политической борьбе! Считайте, что произошло что-то вроде автокатастрофы. И потом, почему именно Кемпес? Есть более крупные фигуры.

Голос из зала: А какая разница? Порох есть, была бы искра...

2

Напротив него за двумя неровно состыкованными пластмассовыми столиками с алюминиевыми ножками полукругом сидели четверо, и ему показалось — да, наверное, так оно и было, — что они сидят тут давно; это ощущение возникло у него сразу же, когда он пришел сюда в полдень, в назначенное время. Город замер, спрятавшись за жалюзи от невероятной духоты. Его привели в патио — внутренний дворик, окруженный с трех сторон глухими высокими кирпичными стенами, сплошь поросшими плющом, так что они напоминали собой ковер. Эти четверо «хефес» были шефами самых крупных политических партий. Шеф-1, Шеф-2, Шеф-3, Шеф-4 — будем называть их так. В углу патио укрывал от солнца старый платан, а под платаном, слегка отодвинувшись от четырех «хефес», сидел шеф его партии, в своем, несмотря на жару, неизменном темноватом костюме, поместив локоть на колено, а под-

бородачок — на ладонь руки, и смотрел на него. В такой позе шеф казался еще более солидным, а задумчивость или усталость сильно старила его, поэтому глаза на загоревшем мясистом лице были темными и круглыми, они словно плыли на гребне пепельных густых усов.

— Кофе, лимонад, сигареты?.. — начал разговор Шеф-1, когда он сел напротив них и, как и они, немного отодвинулся от столика, чтобы чувствовать себя посвободней.

Он знал их давно, да и они, видимо, знали его не только по общим совещаниям или заседаниям координационного бюро. Теперь, судя по всему, дело было намного серьезней.

— ...Сеньор Луно, — сказал Шеф-2, он сидел в центре, — ваша теперешняя профессия приучила вас к неожиданностям, и вы наверняка не удивились, когда мы пригласили вас сюда...

— Вам, Луно, излишне объяснять, почему наши партии, имея разные политические платформы, сейчас выступают единым фронтом, — сказал Шеф-4.

— Вот именно, — Шеф-1 даже поднял указательный палец, — крупный капитал и военщина понимают, чем угрожает объединение демократических сил. И тоже усиленно готовятся к выборам.

— И могут начать раньше, — вздохнул Шеф-3. — Латинская Америка имеет большой и печальный опыт молниеносных переворотов.

— Хотелось бы, сеньор Луно, верить в лучшее, — сказал Шеф-2, — но ситуация требует предупреждать и худшее. И прежде всего остерегаться неожиданностей. — Шеф-2 поджал губы. — ...Неожиданных неожиданностей. Вроде вчерашней сенсации.

От внимания Луно не ускользнуло, что присутствовавшие с облегчением зашевелились.

— Хотелось бы, чтобы все было действительно так, — продолжал Шеф-2, — но слишком убедительно подготавливалось мнение, будто террористическая акция — случайность. До того убедительно, что у нас появились сомнения в этом... Нам необходимо как можно быстрее получить подтверждение, что эти сомнения — плод нашего воображения, или выяснить, что убийство Кемпеса — не случайность, и найти корень зла.

— Мы остановились на вас, сеньор Луно, — сказал Шеф-1. — Из всех руководителей отделов безопасности наших партий вы, сеньор Луно, обладаете самым большим опытом «невидимой» работы. У вас не было крупных промахов ни в подполье, ни на легальном положении. И, кроме того — об этом я говорю с нескрываемой завистью, — ваши люди, сеньор Луно, показали себя настоящими патриотами, на которых можно положиться в самую тяжелую минуту и которые не подведут и не предадут. И будут крепко держать язык за зубами.

Луно кивнул, он не то, чтобы благодарил или соглашался с услышанным, а скорее давал понять, что ему все ясно. Его тоже поняли правильно.

— У нас мало времени, — сказал Шеф-2. — Впрочем, как и конкретной информации. Твердо знаем только, что готовят тех, — он сделал неопределенное движение пальцами в воздухе, — не у нас. Где — это предстоит выяснить... Если по-

добные «курсы подготовки» существуют... Деньгами — нужной суммой — вас снабдят... — он посмотрел на Шефа-4, — а необходимую информацию вам представит... — кивок в сторону Шефа-1, — выходы на нужных людей буду обеспечивать я, а заодно и координировать всю работу. Уважаемый... — взгляд на Шефа-3, — в случае необходимости позаботится о документах, билетах, визах, транспорте. Ваш шеф будет информировать нас о вашей работе. Через него вы и будете получать все необходимое. Или обращайтесь прямо к кому-либо из нас. Детали согласовывать, мне кажется, нет необходимости, у каждого свой участок.

— Кое-какая информация по проблеме в ваш отдел уже передана, — сообщил Шеф-1.

— Ваши предварительные соображения, сеньор Луно? — заторопил Шеф-2.

— К сожалению, их у меня пока нет.

В том, что мир тесен, он убедился через два часа после той конфиденциальной встречи, когда ему передали аккуратно заклеенный, без единой надписи, белый конвертик. Посмотрев конверт на свет, он отрезал ножницами один край; на личном бланке начальника столичной полиции было напечатано:

«Уважаемый! Вечером на правом углу (если идти от центра) улиц Флорес и Фуэнте вас будет ждать молодой человек с галстуком-бабочкой. Приглашаю вас в одно веселенькое место на чашку кофе. Само собой, наши жены не должны ни о чем догадываться». Внизу вместо подписи — закорючка. Луно она была знакома.

«Конспираторы, — беззлобно ругнул он Бастоса, — в стране восстановлены демократические свободы, а все ударились в конспирацию».

От конспирации Луно успел отвыкнуть. Ничего, синюю синтетическую куртку в сумку-портмоне — и вперед.

Из офиса, в котором размещались руководящие органы партии, он вышел через черный ход, немного попетлял дворами и скоро смешался с уличной толпой.

Сделав парочку только ему известных и им же отработанных трюков, так что увяжись за ним «хвост», он все равно отстал бы, Луно в глухом переулке накинул на плечи синюю синтетическую куртку, а сумку спрятал в карман и, изменив прическу, оказался на пересечении улиц Флорес и Фуэнте.

На условленном месте прогуливался «молодой человек». Канареечного цвета костюм, лакированные ботинки, белая рубашка, галстук-бабочка, приколотый похожим на бриллиант фальшивым камнем. Щеки выбриты до синевы, а усики словно приклеены — издали видно, что за птица. Заметив Луно, он лениво отвернулся и пошел в сторону. Луно последовал за ним — чтобы вскоре свернуть в подъезд, пересечь двор, окататься, словно в туннеле, между глухими стенами двух домов, потом протиснуться в пролом, спуститься по разбитым, густо заросшим с обеих сторон кустами роз ступенькам, остановиться опять перед старой деревянной лестницей, ведущей в ка-

кую-то покосившуюся пристройку, — большой голубятник, да и только.

— Наверх и по коридору, — не оглядываясь, тихо сказал проводник, но так, чтобы Луно услышал, и исчез, словно растворился в воздухе. В закоулке уже сгустились сумерки.

Коридорчик оказался низеньким и узким. В глубине светило маленькое бра. «Где же здесь дверь?» — подумал Луно. Но дверь открылась сама, в проеме стоял Бастос, как будто поджидал Луно — видно, услышал скрип половиц или получил другой какой-то сигнал.

— Здравствуйте, коллега, — любезно, даже весело сказал шеф столичной полиции, плотно закрывая обтянутую изнутри дерматином дверь. А комнатка — два на два — еще и без окон, свет, правда, горел поярче, чем в коридоре. Вдоль одной стены стояли диван, журнальный столик и старый стул. — Знаете, где вы сейчас оказались? Но сперва садитесь на этого скакуна — поверьте, он выдерживал людей потяжелее вас, — а я устроюсь на диванчике. И прошу извинить, я немного надымил. Ведь вы не курите до сих пор, насколько мне известно.

— Какие от «коллеги» секреты, — хмыкнул Луно.

— Именно! Видите, как повернула жизнь? Было время, выслеживал вас, а теперь мы оба — на страже порядка и демократии. А вы, Луно, изменились.

— Зато вы, сеньор Бастос, как всегда, выглядите неплохо.

— Ха-ха. В мои годы не стареют и не молодеют. Последняя метаморфоза, когда кладут в гроб. Так знаете, куда я вас пригласил? Здесь находится полулегальный профилакторий некоей мадам Агухеро, где поддерживают тонус уставшие от семейной жизни мужья. Кабинеты, разумеется, находятся в другом месте, в которое вход с улицы, а в этой каморке клиенты переприказывают, если опасаются нежелательных встреч.

— Вполне приличное место, — согласился Луно.

— Только беда — отсутствует вентиляция. Чувствуете?

— Ничего страшного: я непривередлив.

— А меня в последнее время постоянно преследует запах горелого. Видно, пора и честь знать. До выборов еще как-то лямку дотяну, а дальше — баста. Всех воров и бандитов не переловишь.

— А что, очень пахнет жареным?

— Очень, — серьезно ответил Бастос. — И пусть вас на склоне лет святой Франциск уберезет от того, до чего докатился я. Пусть вам не придется воевать с сумасшедшими, как пришлось мне. Нет, на пенсию! Аль Капоне, Вельвет... Сумасшедшие и раньше попадались: одни и в самом деле спятили, а другие только прикидывались. А эти... На предварительном допросе террористы корчили из себя черт знает что, и нам стало ясно, что без экспертизы не обойтись. Записывающая аппаратура выключается, все расходится, чтобы быстро организовать экспертизу, с теми недоумками остается один охранник. Ну, и я, дело ясное, сижу и от нечего делать пытаюсь вызвать их на откровенность. Аль Капоне молчит, вступать в болтовню с полицейской ищейкой ему не позволяет гордость — такому, как он, аристократу от рождения, сразу подавай генерального прокурора и дюжину адвокатов. А у Вель-

вета начинается словесное недержание, похоже, вскоре «поплывет». Ребята, говорю, а вы ничего лишнего не покурили? Э-э, говорит Вельвет, я не дурак, идя на дело, баловаться травкой. Вот они — Аль Капоне со Шнурком — не отказались от подсунутых пилюли, а я только вид сделал, что глотнул, а сам пилюли положил за воротник, чтобы заняться ими после «дела», но потерял, когда нас брали; вот почему они уснули, а я только прикидывался спящим, а сам все видел и слышал. Кто же вам давал пилюли, спрашиваю, и где это было? Ха-ха, там открытое небо, на плантации растет кофе и работают психи, вокруг колючая проволока, — я не такой дурак, чтобы ничего не помнить! Конечно, вы большой умница, это ясно, может, помните, что было дальше? Еще бы! Нас положили в закрытый фургон на матрацы и повезли. Потом мы долго летели на вертолете. Солнце светило мне прямо в левый глаз, но я даже не жмурился — делал вид, будто сплю. Когда сели, я увидел: самолетики стоят, такие маленькие, под брезентом, и вертолеты, похожие на наш; я временами украдкой поглядывал, ведь интересно же. Нас на носилках перенесли в белый самолет — на крыльях у него по две голубые полосы, — мы опять полетели. Я прислонил голову к круглому окошку и одним глазом смотрел вниз, чтобы незаметно было, а внизу — сельва, одна только сельва. Приземлились в сумерках, нас перенесли в какую-то легковушку и всех троих затолкали на заднее сиденье. Когда привезли на какой-то аэродром, большой самолет шел на посадку, и я обрадовался, потому что мне на таком летать не приходилось, однако на этом все закончилось: нам дали что-то понюхать, и мы проснулись. То есть они проснулись. Мы направились в аэровокзал, сели в рейсовый автобус и прикатили в гостиницу. Дальше Вельвет понес совершенную галиматью. И почему я, старый дурак, не включил запись?!

— Не надо казнить себя, уважаемый Бастос. Чего стоят показания душевнобольного, если они лишены какой-либо юридической силы?

— Э, не скажите, уважаемый Луно! Из его показаний психиатры могут составить правильную картину болезни. Может, им и удастся чем-нибудь помочь несчастному, а? Если со временем вам придется ступить на эту стезю, учтите мои промахи — пригодится.

— Искренне благодарю за совет!

— Не стоит, — отмахнулся Бастос. — Вот, собственно, поэтому я и хотел видеть вас. Ну и еще... — Бастос словно заппнулся. — Нам с вами приходилось встречаться при разных обстоятельствах. Но я, Луно, всегда считал вас порядочным человеком. Так вот, если победит Национальный центр, многое изменится. Мне бы не хотелось, чтобы меня после этого куда-нибудь таскали, не давая спокойно дожить свой век.

— Ну кто посмеет так обращаться с заслуженным криминалистом, уважаемый Бастос? На всякий случай возьмите мою визитку, — Луно протянул карточку.

По лестнице Луно спускался в непроглядной темноте, держась правой рукой за перила. Они долго петляли по узким коридорам «профилактория» мадам Агухеро, пока наконец

Бастос не шепнул: «Внизу толкнете дверь и попадете в подъезд, направо — улица». Луно вышел на улицу. Все оказалось простым, как майсовый коржик. Старая лиса Бастос, даже если бы хотел, не смог бы сказать больше того, что сказал. Белый самолет с двумя голубыми поперечными полосами в этой стране принадлежал дону Льяносе — одному из немногих местных миллионеров. Самолет взлетал, видимо, на авиабазе «Сельва-2», на которой служит зять Льяносы полковник ВВС Октавио Гермес. Так что союз капитала с вояками просматривается невооруженным глазом. Судя по всему, машина запущена... В операции скорее всего замешаны либералы и «демократические католики», у которых хватает денег. «Аль Капоне и К°» на вертолетах доставили из соседней Парайи — больше неоткуда, — и подчиненные Гермеса аккуратно провели их через границу. И, значит, без заброски в Парайю своего человека не обойтись. На прессу рассчитывать трудно, пока в руках нет неопровержимых доказательств.

На улице Луно почувствовал озноб и даже передернул плечами, пытаясь стряхнуть с себя впивавшиеся в кожу иголки. Он смешался с толпой, словно прячась от пронизывающего ветра. Люди обтекали его справа и слева, из настееж раскрытых кофеен волнами катились сладко-душистые ароматы, пахло свежими булочками и кофе, везде играла музыка; а Луно никак не мог попасть в ритм улицы и не всегда успевал уклониться от идущих ему навстречу людей. И тогда Луно резко свернул влево, в парк Свободы, но напрямик, мимо высоких, пульсирующих фонтанов не пошел. Ускорив шаг, он свернул на дорожку, огибавшую центр парка.

И только в библиотеке, в совершенно пустом зале периодической печати, где к тому времени включили большинство светильников, он почувствовал себя лучше. С этого момента начиналась серьезная работа. Ему нужно было кое-что уточнить. Полученная от «шефов» информация почти ничего не проясняла, хотя и выводила на главное — на людей, специалистов-медиков. И среди них нужно найти того, кто согласился бы помочь, а быть может, и... Сначала в голову ничего не приходило, но потом Луно вдруг почувствовал смутный толчок. Память зацепилась за какую-то фамилию, и мысли начали вращаться вокруг нее. Уго Пико, молодой доцент медицинского факультета университета. Его хорошо знает Фелиппе, Фелиппе Альварес, родной мой брат... Он слушал у Пико на втором курсе лекции по психопатологии. Уго Пико... В свое время он работал в молодежных демократических кружках. Затем, как рассказывал Фелиппе, полностью отошел от политики. Занимался только наукой, стажировался в Соединенных Штатах. В картотеке должны быть сведения о том, где, когда и какие статьи (кроме сугубо специальных, научных) опубликовал Пико и какие отклики они вызвали. Порывшись около часа в газетах, Луно мог считать, что составил какое-то мнение об этом человеке.

Несколько лет назад Пико опубликовал большую статью, попытавшись перевести на язык психологии некоторые социальные проблемы. Когда человек чувствует себя несчастным? Тогда, когда не видит в своей жизни того, без чего он ее не

представляет. Ему хочется иметь возможность не заботиться о еде и одежде, хочется растить и воспитывать своих детей. Не отказываться от самых простых человеческих удовольствий. Чувствовать себя свободным и независимым. И позволять себе кое-что и сверх этого. Но ведь он не один и вынужден считаться с существованием других людей. Так же, как те обязаны считаться с ним. Поэтому стремление к власти и богатству должно пресекаться в зародыше обществом. Вывод: обществом, способным удовлетворить потребности, заложенные в человеке самой природой и воспитанные цивилизацией, может стать лишь общество коммунистическое.

Статья была немного наивной, однако не до такой степени, чтобы на нее должен был обрушиться шквальный огонь критики. Луно вспомнил то, давнее уже, если смотреть с высоты сегодняшнего дня, время: то был период, когда общественная мысль переживала состояние зстоя, — так бывает всегда, когда одни идеи успели исчерпать себя, а другие еще не созрели; и наступает период не то чтобы сомнений и шатаний, но какой-то инерции — жизнь идет, маховик ее вращается, но ничего нового не происходит. И тогда достаточно малейшего повода, чтобы накопившееся неудовольствие выплеснулось наружу. Наверное, подобное произошло в случае и с Уго Пико. Недостатком поводом стала его статья. И на Пико набросились. Правая пресса и анархисты саркастически посмеивались, словно соревнуясь в остроумии, а «леваки», будучи «непревзойденными теоретиками», увидели в выводах Пико «вульгарный идеологизм» и «биологический коммунизм». Правда, влиятельные органы печати в бесплодную говорильню не включались. В результате Уго Пико отхлестали, как мальчишку, но защитить или по крайней мере вступить с ним в теоретическую дискуссию никто не решился или не захотел. Мог ли Пико просто обидеться, махнуть на все рукой? Заняться, как ему могло бы показаться, более практическими делами? Конечно, мог. И махнуть рукой на политическую борьбу: есть, в конце концов, и более серьезные теоретические проблемы. Луно хотелось верить, что Пико хоть чем-нибудь поможет ему. Другого выхода у Луно не было.

Он отдавал себе отчет в том, что разговор с Пико будет трудным. Каким стал Пико сейчас? И в какой степени — без этого не обойтись — можно открывать ему карты, чтобы он понял всю неординарность и сложность ситуации и то, что в начавшейся игре на кон ставится множество жизней, спасти которые сейчас может только он, Пико.

Когда он пришел домой, было уже темно. Это был, собственно, не его дом, однако Луно считал его своим, поскольку его единственный брат Фелиппе Альварес стал приемным сыном супругов Альварес. Луно хорошо знал хозяев дома, хотя и представился им давним товарищем их сына.

Луно стоял возле живой, коротко стриженной изгороди, поглядывая на темный двор, темные окна; стоял и думал...

Хотя и давно это случилось, но он помнил все так, как будто дело происходило вчера. Луно было четырнадцать лет. В полночь в их квартиру ворвались национальные гвардейцы из «ночного эскадрона» и увели отца с матерью. Они очень торо-

пились или просто не обратили на это внимания, но их, детей, прихватить с собой забыли. Луно понял: гвардейцы скоро вернутся и за ними, а те, кого забирают в полночь, бесследно исчезают. И он стал надевать на себя и на семилетнего Фелиппе первое, что попало под руку, из ящика стола выгреб какую-то мелочь, поднял с пола не замеченные гвардейцами отцовские часы и по темной лестнице поволок за собой на смерть перепуганного Фелиппе.

И они побежали подальше от ставшего западней родного дома — по задворкам, по кустарникам, держась темных переулков и избегая освещенных мест, прижимаясь к земле, когда мимо проносились патрульные «джипы». Вдогонку могли пустить собак, громадных немецких овчарок, которых было в городе, кажется, не меньше, чем национальных гвардейцев. Достав из заднего кармана джинсов мятую пачку дешевых сигарет, которые покурил тайком от родителей, Луно крошил по одной и сыпал табак на свои следы. А когда наткнулись на сточную канаву, посадил Фелиппе себе на плечи и пошел против зловонного течения. Стояла непроглядная ночь, он осторожно и медленно передвигал по дну ноги, боясь споткнуться. Сколько прошло времени, он не знал. Тело совсем затекло, ноги, похоже, двигались сами по себе, рука повисла, уже не чувствуя уколов острых колючек. Второй рукой Луно приходилось поддерживать малыша. Он не помнил, когда и как они выбрались на берег; почувствовав сухую траву, они упали на нее и словно провалились в другой мир. Когда он открыл глаза, был уже вечер. Сидевший возле него Фелиппе давно молча и настойчиво будил его.

— Что случилось? — охрипшим голосом спросил Луно.

Фелиппе молча показал глазами в сторону. На маленькой лужайке полукругом сидели ребята. Они курили и молча разглядывали братьев. В земле торчал большой нож с желтой косяной рукояткой.

— Добрый день или, простите, вечер, сеньоры, — сказал один из них, судя по всему, главарь.

— Добрый вечер, — заученно ответил воспитанный мальчик.

— Как вам спалось на нашей независимой территории? — грязным указательным пальцем главарь дотронулся до ножа и начал раскачивать рукоятку. — Хорошо, да?

— Хорошо, спасибо... — прошептал малыш, но Луно толкнул его локтем, чтобы замолчал.

— Что вам от нас нужно? — спросил он напрямик, без страха; за себя Луно не боялся, вот если бы не брат...

— Вы видели? — глянул главарь на своих, и те согласно закивали. — Сеньор не понял. Плату, всего лишь плату. За пользование территорией.

— Держи, — Луно швырнул пачку с остатками сигарет: законы околицы он знал. Вот если бы не брат...

Сорванцы громко расхохотались, и Луно почему-то совсем успокоился.

— Больше у меня ничего нет, — сказал он с вызовом.

— А на руке?! — кивнул главарь, имея в виду часы.

— Вместе с моей головой, — резко ответил Луно, — и не иначе. — Малыша, видимо, они не тронут.

— Это папкины, — пролепетал малый, — а папку и маму ночью гвардейцы забрали.

— Куда?

— Туда. — Резко встав на ноги, Луно подал брату руку. — Пошли.

Сорванцы тоже вскочили, главарь вытянул из земли нож.

— Не петушись, — остановил он их, — все дороги для тебя теперь закрыты: и к родне, и... ты будешь с нами, — и, оглянувшись, приказал своим: — Никто ничего не слышал, ясно? Вот так, — клацнув, нож закрылся и исчез в лохмотьях.

Так они с Фелиппе оказались в мире, существовавшем на окраине города, в трущобах столицы, среди беспризорников и полубродяг. Спали они с Фелиппе в картонном ящике из-под холодильника, накрыв его от дождей листом железа, питались чем бог пошлет, а чаще всего тем, что удавалось украсть в городе. От такой жизни ничего хорошего ожидать не приходилось. Он, Луно, хорошо разбирался, что к чему, а вот Фелиппе... Если не воровать — умрут от голода, а будут воровать — тоже рано или поздно погибнут. И, найдя работу, за которую им с братом перепадали жалкие крохи, они отделились от компании. Возвращать их не стали, потому что понимали: тем, кто работает, ничуть не легче. А дальше все получилось само по себе: знакомство с подпольщиками, распространение листовок; поручения с каждым разом становились трудней, и вскоре наступил момент, когда пришлось перейти на нелегальное положение; вот тогда-то комитет нашел обеспеченную бездетную семью, которая и усыновила Фелиппе. Годы шли, юный Фелиппе тоже стал рваться в бой, но комитет ему запретил категорически: живи и не привлекай к себе внимания; все еще может произойти, на твой век хватит, а законсервированная явка нужна всегда. Луно сам учил Малого — такую подпольную кличку получил его брат.

Вздыхнув, Луно наклонился к первому от ворот бетонному столбику — Фелиппе складывал там мелкие камушки. Пальцы нащупали целую горку — давно не наведывался... Выбрав один, он бросил его в окно...

Камушек легонько ударился о стекло. В комнате вспыхнул желтый свет — это загорелся ночник, стоявший за темной шторой. Затем свет погас, а в окно просунулась рука с белым платком, опустилась вниз. Луно тихо просвистел только им известную мелодию.

— Почему тебя так долго не было? — пожаловался Малый, обнимая брата.

— Дела, Малый, дела.

Брат вырос выше него. Луно чувствовал, как под пальцами играют его твердые мышцы. Он вспомнил, как когда-то тащил его на своей спине, шлепая по сточной канаве.

— Родители спят? — хрипло спросил он, освобождаясь из объятий.

— Спят, конечно, — засмеялся Малый. — Ужинать хочешь? Или сварить кофе?

— Ни то ни другое. Родители здоровы?

— Здоровы, конечно. В семье ведь растет будущий врач! Да ты хоть садись. О, а свет на радостях забыл включить!..

— Свет не нужен, поговорим так.
— Что-нибудь случилось? — насторожился Фелиппе.
— Нет, Малый, все нормально. Просто я тебя вижу и в темноте... Как дела у будущего врача?
— Прекрасно! Сдал последний экзамен, впереди — каникулы! Вот бы еще у меня брат не был таким суровым, тогда вообще... Но, может, он наконец сжалится и чем-то заполнит мои каникулы?..
— Есть дело, Малый, есть... — успокоил Луно.
И все рассказал.

3

В столице Парайи, на углу улицы Лас Розас Бланкас — улицы Белых Роз из такси вышел молодой человек и, не дожидаясь, пока автомобиль уедет, неспешно пошел по тротуару. Стояло ясное и тихое утро. Дворники со шлангами уже закончили свою работу, мокрый тротуар блестел, словно его натерли воском, темно-зеленый плющ тяжело переливался в лучах солнца, прозрачные капли застыли на лепестках роз; а во двориках, как будто не выдержав обильной росы, полегла трава, гордо распустил свои мокрые листья жасмин. Деревца туи чем-то напоминали перевернутые вниз зелеными хвостиками морковки, пальмовый лист изогнулся так, что был похож на саблю, и по нему крупными каплями скатывалась вода. Молодой человек наслаждался утренней свежестью и запахами цветов, наверное, как и каждый, кто здесь жил.

Остановившись у виллы «Эстрелья», он уверенно нажал на кнопку, замаскированную под камушек. В глубине двора показался слуга-мулат, одетый во все белое. Он неторопливо шел по тропинке, которая вела среди невысоких пальм к воротам. Не успел мулат одолеть и половину пути, как его обогнал, видимо, сам хозяин.

— Тысяча чертей! — по-испански воскликнул он. — Неужели кто-то решил провести меня в этой проклятой глуши?

— К сожалению, мистер Шери, — извинился на чистом английском молодой человек, снял шляпу и сделал легкий поклон, — мне только доверили воспользоваться вашим адресом. Фелиппе Альварес, к вашим услугам.

— Пусть будет и так! — Хозяин не стал долго удивляться. — Друзья Пико — мои друзья. Прошу! Вы успели к завтраку. Клаудио, второй прибор на стол!

Во дворе они обменялись рукопожатиями, мистер Шери, растрогавшись, даже похлопал Фелиппе по плечам.

— Для друзей Уго Пико я — Вильям, только Вильям.

Кофе пили на открытой веранде. Клаудио перед этим раздвинул противомоскитные занавески.

— Сюда вы въехали без затруднений? — спросил Шери.

— Да. Я прилетел из Санто-Доминго. Парайя у меня — последняя точка каникулярного маршрута. Около получаса прождал на таможне, но потом сказали — пожалуйста.

— Еще бы! Мир должен убеждаться, что Парайя — свободная страна. За полчаса они проверили, нет ли вас в списках врагов Парайи. Еще кофе?

— Спасибо. Успел отвыкнуть от домашнего, настоящего. Все время в пути, в аэропортах...

— Значит, вы путешествуете?

— Да, по возможности. Семья наша живет скромно, но сейчас, когда я закончил второй курс, родители выделили небольшую сумму, чтобы я поглядел хотя бы на соседние страны.

— О, — оживился Вильям, — я, кажется, все понял. Вы — студент, а мой друг Пико — ваш преподаватель?

— Десять — ноль в вашу пользу! — шутливо воскликнул Фелиппе. — Убежден, что для лучшего психоневролога Парайи такая задачка — мелочь, не так ли? Как он там, наш Уго?

— Полагаю, что нормально. Отпуск собирался провести в Европе. А так, как всегда — неугомонный, горячий и, как всегда, весь в науке.

— Вот таким я его и знал когда-то. Мы вместе стажировались в Йельском университете. Эх, юноша, — подмигнул Вильям, — знали бы вы, сколько раз нам приходилось выручать друг друга в пикантных ситуациях! *Carpe diem*, как говорили древние, лови миг, пока полон сил. А теперь... — махнул рукой американец.

— Мистер Вильям, сеньор Пико поручил мне передать вам письмо. А заодно тысячу приветов и лучшие пожелания...

Письмо Вильям прочитал молча, а потом сказал:

— Ну, добил, добил, старина. Сообщает подробно, что открыл и что опубликовал. О, он пишет и о вас, мой юный друг! Так-так... Понятно, что в частную, на всю Парайю три государственных богадельни... Ну, пожелания мне переданы на словах... Знаете, что он пишет о вас?

— В общих чертах... — Фелиппе смущенно опустил голову.

— Не стыдитесь, молодой человек, — американец положил руку на плечо гостю. — Честно зарабатывать хлеб не стыдно.

— Понимаете, дело в том, что я приемный сын, — тихо сказал Фелиппе. — Поскольку это путешествие устроили мне родители, мне бы хотелось их чем-то отблагодарить. До конца каникул полтора месяца, а дома устроиться на работу, даже временно, трудно...

— В Парайе не легче. Визу с помощью нашего посла я вам продлю, считайте дело решенным. Но здесь и своих безработных хватает. Однако один вариант есть. И заработать, думаю, можно прилично. Клаудио, неси сюда аппарат!

— Я был бы вам весьма признателен...

— Не стоит, пока я учился, я тоже мыл тарелки в ресторанах. Сейчас поговорим, — он заговорщицки подмигнул, набирая чей-то номер. — Алло! Уважаемому дону Аугустино — низжайший поклон, — закрыв ладонью микрофон, Шери отнял трубку от уха. — Старик не меньше пяти минут будет рассылаться в любезностях. Но тем не менее он — прелесть... Да, сеньор Аугустино... Хэ, конечно... Именно... Э, об этом поговорим при встрече... Пусть себе с ума сходят, у нас что, своих забот мало? А почему вы не спрашиваете, почему в такую рань звоню? Давно начался рабочий день? Неужели? А я и не заметил... Скоро запишусь к вам пациентом... А не скажете, уважаемый дон Аугустино, в последнее время вы никого из

своих служащих, например, санитаров, младшего медперсонала не выгоняли? Выгоняли и дальше будете? Тогда прекрасно! Вообще сокращаться?.. Знаю, знаю вашу клиентуру... Времена нынче такие, что мы с вами без работы не останемся. Помните, вы сами меня просили при случае рекомендовать вам нужных людей. Есть одно предложение... Знаю, знаю, вы говорили, нужно хотя бы на месяц. Студент-медик!.. Коллега, ведь я людей вижу насквозь! Кроме того, он не местный... Ну, студент путешествует, они нынче все путешествуют... Имеет желание подработать... Секунду... — снова закрыв ладонью микрофон, Вильям протянул руку: — Давайте паспорт. Дакту, дон Аугустино...

Закончив разговор, Шери положил трубку на рычаг.

— Ну вот, — довольно усмехнулся он, — вы и устроены. Платят там хорошо, важно продержаться хотя бы месяц. Понимаете, дон Аугустино Буатрегано — старый чудак. Содержит частную клинику для душевнобольных. Лечит аристократов и богачей. Это его основная клиентура. Правда, обслуживающий персонал у него подолгу не задерживается: одно-два замечания — и будь здоров.

— Попробую. Большое вам спасибо... Я очень вам обязан.

— Не стоит. Будешь возвращаться — передашь привет Уго, вот и вся благодарность. Дальнейшая программа такая: я отправляюсь на службу, а ты осматриваешь столицу, если не устал с дороги. Обедать приглашаю тебя в ресторан «Марз-кайбо», потом, как здесь принято, отдыхаем, а вечером я отвезу тебя в частную клинику дон Аугустино Буатрегано. Ехать далеко, километров пятьдесят за город. Там его асьенда. Паспорт я оставлю у себя — попутно продлю визу. О'кей?

Ни Вильям, ни тем более Фелиппе Альварес, конечно, не знали, что, закончив разговор с американцем, дон Аугустино Буатрегано вызвал к себе помощника по делам информации доктора Гюнтера Коха. Положив на стол жилистые старческие руки, он задумчиво спросил:

— Интересно: бежит ли зверь на охотника или, наоборот, охотник на зверя?

— Шеф, что-то непредвиденное? — забеспокоился Кох.

— Скорее всего случайность, но оригинальная, — сказал дон Аугустино и рассказал Коху о разговоре с Вильямом Шери.

— В любом случае игра есть игра. Нам она выгодна. Так что, сыграем?

— Милый Гюнтер, я согласен. Разработай детальный план операции... Скажем, под названием «Игра в миражи».

— Точно. Подстраховаться не помешает.

— До вечера, Гюнтер.

— Ну, как ваш подопечный, Гюнтер, какие новости?

— К сожалению или к счастью, шеф, ничего нового. Как я информировал вас вчера вечером, наши друзья-соседи передали исчерпывающие сведения. Все сходится. Фелиппе Альварес — студент-медик...

— В этом я убедился, беседуя с ним. Должен отметить, любезный и начитанный молодой человек!

— ...Политически нейтрален. Как, впрочем, и его названные родители. Его рекомендовал некто Пико, который тоже давно отошел от политики. Уго Пико, кстати, — ваш коллега.

— Я слышал о нем. Это приятель Шери.

— Словом, никакой зацепки. Мы со своей стороны тоже передали фотографию и приметы. Все совпадает. Вещи мы его проверили, даже сумели снять рентгенограмму нательного крестика. Абсолютно ничего! Да, большой поклонник бега. Дома бегал каждое утро. У нас то же самое...

— Он спрашивал у меня разрешение...

— ...Обежав вокруг плантации вдоль колючей проволоки, пошел пешком. Дежурному в воротах сказал, что немного потерял форму.

Малый — Коалиции. Приступил к выполнению. На работу принял. Перемещение в пределах клиники свободное. Вещи тайно проверили. М.

— Гюнтер, не сосем ли мы пустышку?

— Пусть будет пустышка... Предположим, мы не смогли его раскусить, тогда он поедет домой и скажет: в клинике Аугустино Буатрегано чисто...

— Думаю, вы поступили правильно, согласившись взять того парня...

— Нам Шери еще нужен.

— Мы располагаем сведениями, что соседи проглотили пилюлю, не разжевав и не запив водой. Если это их ответный ход, то и в этом случае получается неплохо. Мы обязательно узнаем, что нас там раскусили, а, значит, примем меры и застрахуем себя от неожиданностей.

— Хорошо. Возьмите его санитаром...

— И уборщиком одновременно!

— ...санитаром и уборщиком на этаже для буйных. Если хочет заработать, мы предоставим ему эту возможность! Времени у него мало, значит, будет торопиться. А мы с него не спустим глаз! На чем-нибудь да попадется. А еще связь... Асьенда, до города далеко...

— Гм, а вы не допускаете, что они там рассчитывают именно на такую нашу реакцию, чтобы использовать ее?

— Возможно, хотя маловероятно. Им не за что уцепиться.

— Стареем, Гюнтер. А как вы действовали у себя в рейхе?..

— Шеф!..

— Ничего, мы же свои люди. Ну, сознайтесь, как вы там поступали в таких случаях?

— Тех, кого мы подозревали, провоцировали на действие. Да, нужно его подтолкнуть. Правда, с пациентами он проводит по двенадцать часов. Потом спит или читает, немного гуляет. Ловить его нужно на связи. Хотя за пределами клиники он ни с кем не встречается и в город не рвется.

— Думайте, Гюнтер, думайте.

— Кстати, шеф, на том этаже, где работает Альварес, в последнем, тринадцатом боксе находится Буппо...

— Буппо? Ну и что? Куда его девать? Опыт необходимо довести до конца. Еще немного, и Буппо превратится в живую куклу, которая не видит, не слышит, не разговаривает, а скоро и вообще не будет ничего чувствовать. Не забываете, Гюнтер, что нам за испытание препаратов денежки платят.

Особых хлопот больные Фелиппе не доставляли. Приступы беспричинной агрессивности, конечно, случались, но, как правило, им предшествовали некоторые симптомы, зная которые можно было предугадывать у больных обострение болезни. Например, у одних приступы случались в одно и то же время года, другие задолго до приступа начинали нервничать, их необходимо было заранее перевести в бокс, оклеенный — стены, пол и потолок — мягким материалом.

Третьих вообще держали под замком. Когда полагалось приносить им еду или убирать в комнате, нужно было проявлять особую осторожность, чтобы избежать неприятностей.

К таким как раз относился и Буппо из бокса № 13. Внешне он совсем не походил на буйного, даже наоборот — ко всему относился с полнейшим безразличием. Буппо поступил недавно. Санитар Антонио рассказывал, что где-то там, до клиники, он был очень буйным. Но в какой-то момент его буйство достигло такой точки, когда в нервной системе произошел какой-то надлом, и с тех пор он стал вялым и безразличным.

— Активно прогрессирующая атрофия ощущений, — объяснила медсестра Магда, трижды в день приходившая делать Буппо тонизирующие уколы.

— Ну а если все его чувства угаснут, будет ли после этого функционировать... организм? — решил уточнить Филиппе.

— Кто его знает? Редчайший случай. Наука, как говорит дон Буатрегано, бессильна. Единственное, что нам остается, так это изучить явление до конца. Скоро Буппо придется кормить искусственно, иначе смерть наступит от истощения.

Сделав очередную инъекцию, Магда положила пустую ампулу в карман халата и ушла, а Фелиппе вывел Буппо в коридор, чтобы тот не мешал, пока он сделает небольшую уборку. Прикрыв за собой дверь, он подобрал на полу кончик ампулы; возможно, и он пригодится, решил Фелиппе и завернул осколок в вату.

Буппо стоял в коридоре, всем телом прижавшись к металлической решетке на окне. Он так налегал на ограждение, что его пальцы даже побелели. Во всем облике Буппо проглядывало такое отчаяние, что у Фелиппе комок подкатил к горлу. Подойдя поближе, он ласково обнял несчастного за плечи:

— Ну, что ты, Буппо, что ты?..

Буппо неподвижно глядел в окно, а там, внизу, метрах в пятидесяти от кирпичной стены, ограждавшей клинику, скрывался в густом парке особняк доктора Аугустино Буатрегано, а чуть глубже и левей ровными рядами стояли коттеджи, где жили другие сотрудники клиники. Небольшой, аккуратный дачный по-

селок — не больше. Все это было обнесено выкрашенной в зеленый цвет колючей проволокой. Однажды кто-то при Фелиппе обмолвился, что в клинике и снаружи нее установлена сигнализация, но ничего удивительного в этом не было, ведь по всему периметру ограждения висели таблички: «Частная собственность. Вход запрещен».

— Все будет хорошо, Буппо, все будет хорошо, — Фелиппе стал осторожно гладить его по голове, как ребенка, а затем повернул Буппо лицом к себе.

И — вздрогнул. Глаза Буппо реагировали! По ним будто бежали одна за другой волны — то темная, то светлая, хотя зрачков не было видно. Фелиппе смотрел, боясь потерять этот взгляд, который мог стать последней соломинкой и для Буппо, и для него.

— Держись, Буппо, держись...

В ответ Буппо пошевелил губами, и изо рта с шипением вырвалась струя воздуха:

— ...Кп... Кп... Кпы...

Фелиппе с опаской оглянулся — длинный коридор был пуст.

— Что, Буппо? Что ты хочешь сказать?

— Кп... Кпы... Ппп... Ппп...

— Паф-паф, паф-паф? — неожиданно для самого себя уточнил Фелиппе.

Буппо, как бы соглашаясь, кивнул:

— Кпн... Ппн...

— Ка-по-не?

Буппо опять кивнул. Потом зрачки его снова затянула мутная волна.

Малый — Коалиции. Выполняя задание-2, практически убедился, что интересующие нас эксперименты непосредственно в клинике не проводятся. Объект, предполагаю, может находиться непосредственно в особняке Буатрегане. Некоторые факты говорят за то, что оттуда вышли «Аль Капоне и К^о».

— Послушайте, Гюнтер, а вам не приходило в голову, что, бегая, прыгая, размахивая руками, Альварес подает знаки, то есть семафорит, как делают моряки на кораблях флажками?

— Приходило...

— ...А другой, находясь на каком-то расстоянии от него, читает все в бинокль?

— ...И мы проверили все окрестности.

— Хорошо, но, наблюдая за тем, как бегает Альварес, вы смогли что-либо расшифровать?

— Наш терапевт утверждает, что разнообразие физических упражнений физиологически объяснимо... Видеозаписи тренировок мы передали дешифровщикам, а те, в свою очередь, подсчитав количество разных элементов, вывели цифровой ряд. Но он оказался таким бессистемным, что, не имея хотя бы намека на код, к компьютеру не подступиться. Я почти уверен в том, что мы ничего не добьемся. Все равно что начать сейчас расшифровывать староиндейские танцы.

— Слушай, а, может, это наши заказчики нас же и проверяют? Коллеги из ЦРУ, а, Гюнтер?

— Исключается, хотя... В этом случае мы не дадим им повода для сомнений.

— Что вы теперь собираетесь делать с этим Альваресом?

— Полагаю, что пришло время подключить Магду. Оба молодые, здоровые, симпатичные... Пусть изъявит желание позаниматься бегом вместе. Будет сбивать его с ритма, не давать пользоваться шифром, если он существует. Кроме того, Магда ежедневно, кроме дней дежурства, ездит в город, где у нее квартира. Пусть под удобным предлогом сманит и его. Альварес на такой повод может согласиться. Ведь ему нужно не только передавать информацию, но и получать. Вот тогда он должен раскрыться.

Малый — Коалиции. Сегодня вечером в городе нужно передать контейнер. Чувствую внимание. Чувствую внимание! М.

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ МАГДЫ

...Когда я мимоходом пожаловалась на бессонницу, Альварес сам пригласил меня заниматься утренней зарядкой, пообещав за короткое время привести мой организм в нужное состояние и приличную физическую форму. После небольших нагрузок вынуждена была имитировать усталость и одышку. Альварес, идя мне навстречу, сократил утренние процедуры, хотя я просила его не обращать на меня внимания. В конце концов вторую половину дистанции мы прошли шагом. Разговор шел на темы, в данном случае не представляющие интереса. Узнав, что ночевать я часто езжу на автомобиле в город, Альварес попросил, чтобы я при случае взяла его с собой. Я согласилась, предложив поехать в тот же вечер. В машине Альварес вел себя воспитанно, больше говорил о музыке и кино.

В кинотеатре «Арена» ни на один из сеансов взять билеты не удалось. Оттуда поехали на танцы в диско-клуб «Мираж», где пробыли около двух часов. Уверена, что Альварес ни с кем не контактировал. Из диско-клуба Альварес при мне позвонил Вильяму Шери: благодарил за помощь. Шери пригласил нас в гости к себе на виллу, куда мы и приехали в десять часов вечера. Запись разговора у Шери прилагаю. В разговоре Альварес заметил, что за свою жизнь ни разу не употреблял алкоголь. Так получилось, что Альварес сел за руль моего автомобиля, а подвыпивший Шери отправился на всякий случай с нами, вследствие чего провести вторую часть операции не имела возможности, тем более что Альварес оказался слишком стеснительным. Это заметил и Шери, который, судя по всему, сам был не против близкого контакта, но я не имела соответствующих указаний. Домой Шери и Альварес вернулись на такси. За последним, как мы с ним договорились, я заехала утром.

Из сообщения в отдел внешнего наблюдения «ночных эскадронов»: «За время моей работы с «Гостем» никаких враждебных по отношению к Парайе действий или высказываний с его стороны не отмечено. Материалы прослушивания прилагаю. Тиса.

За прошедшие сутки незарегистрированные радиопередатчики на территории Парайи в эфир не выходили.

(Из ежедневного отчета «ночных эскадронов»)

— Кажется, Гюнтер, вы переиграли...

— У меня такое же ощущение. Особенно уцепиться не за что, а время уходит. Если бы не ваш друг Шери! Кто знает, кем он является на самом деле... Попробуй разберись с этими американцами... В таких странах, как Парайя, они обычно выполняют вполне определенную роль. Не исключено, что он тоже причастен к проекту «Homo sapiens» и подсунил нам своего человека, чтобы проверить, умеем ли мы держать язык за зубами.

— А вам-то что? Придерживайтесь инструкции — и все. Пусть потом сами разбираются.

— Может, и так... Но ведь им тоже не мешает убедиться, что мы не даром хлеб едим, ситуацию проанализировали не один раз...

— ...и ничего не обнаружили...

— ...и подошли к рубежу, где можно поступать так, как предписывает инструкция.

— А что, если подождать, пока у соседей начнется, и тогда уж посмотреть, как поведет себя Альварес?

— Лишний риск, шеф. И вообще, в мои обязанности не входит ловить вражеских агентов, мое дело — не дать им проникнуть в тайну проекта. Покажите ему сеанс психотерапии с участием Торквемады из третьего корпуса. Никаких секретов, но кое-какие намеки есть... А мы наблюдаем за тем, как реагировал Альварес, проанализируем на сенсорном оборудовании, что его больше всего заинтересовало.

— И?..

— Когда он «клюнет», мы из него выжмем все, что возможно. А если ничего не добьемся, то, как и полагается, уберем чужими руками, при свидетелях. Несчастный случай! Магда уедет с ним в диско-клуб танцевать. С ними будет Шери. В диско-клубе вспыхнет драка. Если Альварес — человек Шери, тот, по всей вероятности, бросится его защищать. Если же нет — Шери окажется авторитетным свидетелем несчастного случая.

— Технология меня не интересует. Но Альварес — парень трудолюбивый. С моей стороны были бы скупостью — все-таки будущий коллега! — не поделиться с ним своим опытом. Так что, Гюнтер, распорядитесь подготовить все к внеочередному сеансу с Торквемадой, а я перед тем побеседую с нашим юным другом.

— Дорогой Фелиппе, приходилось ли вам слышать о таком методе лечения душевнобольных, как «театр»?

— Да, однажды сеньор Пико рассказывал на семинаре. Но видеть не приходилось...

— Должен вам сказать, Фелиппе, что для наших бедных ма-

леньких латиноамериканских стран «театр» — слишком дорогостоящее удовольствие. Сильным мира сего мы должны столько, что придется расплачиваться сотню лет. При таком положении дел не до лечения душевнобольных. А способ, между прочим, эффективный! Лично я прибегаю к «театру» только тогда, когда родственники больного берут расходы на себя. В двух словах суть дела в следующем. Наш пациент, выросший в богатой и влиятельной семье, был одним из основателей «ночных эскадронов». На этой почве он и свихнулся. Объявил себя Торквемадой — так звали в Испании, в пятнадцатом веке, одного из шефов инквизиции — и поставил себе целью полностью уничтожить нечистую силу и очистить землю от скверны. Пришлось спрятать его у нас, сообщив в прессе, будто он находится в отпуске. Но ведь любой отпуск когда-то кончается... Излечить мы его не сможем, но семье вернуть надо. Общественность при этом нужно проинформировать, что Н. от государственных дел отошел, его захватили другие интересы. Но поскольку он вошел в роль Торквемады, полностью его вывести из нее невозможно. Тогда пусть пациент насладится ролью Торквемады до конца, пусть он упивается своей властью над миром, своими безграничными возможностями. Поверьте, устроить такой «театр» ужасно сложно! И не только подыгрывать Торквемаде, но и организовывать бутафорию. Допросы с «пытками», костры, снять на видео уничтожение «еретиков»...

— Извините, уважаемый дон Буатрегане, но я почти не знаю той эпохи и боюсь, сумею ли я подыграть. Да еще экспромтом.

— Пустяки. Я и сам не помню, какой в те времена был король, но какого-то Карла играю. Главное — придерживаться «идеи». Сейчас я вам объясню сегодняшнюю мизансцену.

Малый — Коалиции. Опыты типа «театр» в клинике ведутся. Внимание к себе продолжаю ощущать. Сегодня вечером доктор ждет важных гостей. М.

4

— Луно, во всем, что я видел, я ничего не понял. Мне кажется, будто я вернулся из путешествия за чей-то счет, только прикоснулся к какой-то работе — и все закончилось.

— Что же здесь, брат, непонятного? Ты сделал даже больше, чем мы надеялись.

— Ну что ты! Для меня только кое-что начало проявляться, едва обозначился какой-то просвет, но тут... мы поехали с Магдой на дискотеку. Я рассчитывал сообщить связному больше, чем по «семафору». Но потом Шери вдруг вручает мне телеграмму, поступившую в американское посольство. Ее прислали на его имя, но для меня: мама заболела, немедленно вылетай домой.

— Нам пришлось, — о чем мы тебя предупреждали, — прикрыться самым правдоподобным и легко поддающимся проверке поводом. Сам знаешь, сердце у матери часто поша-

ливаает, в твое отсутствие у нее тоже случился приступ, пришлось использовать его для того, чтобы вытащить тебя.

— Я же сказал тебе, что все понял. Шери забрал меня в свою машину — двигатель у него помощней, чем у авто Магды, — и прямо в аэропорт. У него, понимаешь, билет на мое имя на ближайший транзитный рейс через Санто-Доминго лежал в кармане! Даже с Магдой толком не попрощался, еле успел все оформить. Не говорю уже о том, что мои вещи остались в клинике и зарплату за последнюю неделю мне не удалось получить!

— Молодец, Малый, все сделал правильно. Времени было в обрез, но ты все равно оставил Вильяму Шери поручение, даже штемпель таможни поставил.

— Я больше всего переживал, чтобы с мамой обошлось. Извини, ни о чем больше не думал, я просто старался следовать твоим наставлениям. Возможно, я потому мало что понял.

— Все, брат, просто, очень даже просто.

— Так расскажи, если не тайна.

— Какая там тайна. То есть, тайна, конечно, есть, в нашем деле иначе нельзя, но от тебя скрывать нечего. Ты переживаешь, что ничего полезного не сделал. Но ведь никто не рассчитывал, что тебе удастся схватить Буатрегано за руку или проникнуть в их секреты. Да и откуда мы могли знать, что именно там, в клинике Буатрегано, ставятся подобные опыты? Тебе же предстояло выполнить роль лакмусовой бумажки. В такой ситуации суперагент обязательно провалился бы. Ты же четко следовал намеченному плану. Видишь ли, операция во многом строилась на психологических нюансах, весь упор делался на ее непродолжительность. Они были вынуждены присмотреться к тебе, а не сразу отправить в болото к крокодилам. Им необходимо было установить, кто же ты на самом деле. Если ты наш агент, то есть ли утечка информации и где, если же студент-путешественник, устроенный в клинику по знакомству, то такому секреты не нужны, но в случае чего он может засвидетельствовать, что в клинике все чисто; мог быть и третий вариант — человек «конкурирующей фирмы», инспектор, посланный ЦРУ или «ночным эскадроном», которые все между собой сотрудничают и шпионят друг за другом. Так вот, я был уверен, что если ты будешь неукоснительно следовать моим инструкциям, то они включатся в игру. А при таком повороте дела самое важное было, чтобы тебя в последний момент увести от них. Что нам удалось.

— А как же Шери?

— Он ничего не подозревает. Возможно, что он вполне честный человек, поэтому и оказал нам дружескую услугу. Его не тронут по известным тебе причинам. И тебя они не станут беспокоить, чтобы не засветиться. Так что продолжай свою учебу. Ты сделал даже больше, чем мы могли ожидать. По крайней мере, тысячи людей спас от смерти.

— Как?!

— А вот так. Первое — мы установили, откуда прибыли «Аль Капоне и К°». Второе — получили осколок ампулы. Специалисты подтвердили, что в клинике используют запрещенные препараты, ведут опыты над людьми. Могу тебе сказать, что

если эти препараты применять в малых дозах и непродолжительное время, то человек попадает во власть какой-то одной идеи, которую нетрудно ему внушить. А если вводить препарат в организм большими дозами, тогда большой разделит участь Буппо. Установив препарат, мы уже дальше знали, что нам искать. Все было обнаружено в лимфе Аль Капоне и Вельвета. Картина прояснилась. А тут поступило еще твое сообщение о гостях.

— Я узнал об этом случайно. Экономка донна Буатрегано ругалась на кухне — я как раз пришел за завтраком для больных. Словом, отчитывала прислугу, что та не успела приготовить какие-то блюда для уважаемых гостей. Но почему им было не приготовить на вилле?

— Чтобы спрятаться от посторонних глаз. Так вот, мне стало ясно, что тебя нужно немедленно вытаскивать. А теперь взгляни на эту фотографию — снимали ночью в инфракрасном свете с помощью телевика. Это вилла Буатрегано со стороны парка. А вот и он сам. Видишь, поглаживает овчарку? А рядом наши вояки, исчезнувшие как бы на ночь. Вот стоит холеный и самодовольный — наш «родной» генерал Пуэртес, который, правда, спал в это время в своей постели.

— Двойник?

— Изумительное сходство.

— Пластическая операция?

— Наверное. И концы с концами сошлись. Настоящего Пуэртеса, отличающегося умеренными взглядами и имеющего определенный авторитет, уговорили возглавить после переворота вооруженные силы, другими словами, стать диктатором. Но как только все свершается, Пуэртес бесследно исчезает, а вместо него начинает действовать двойник, который заливает кровью страну, уничтожит все демократические свободы, словом, обеспечит диктатуру типа пиночетовской. Не исключено, что, когда возмутится международная общественность, военные устранят псевдо-Пуэртеса и восстановят «демократию», представ перед миром поборниками свободы. Согласись — все просто?

— Страшно, Луно, страшно. Мы еще не пришли в себя после той диктатуры... Я хотел бы сказать спасибо тем, кто меня прикрывал.

— Поверь мне, что тем самым ты их поставишь в неудобное положение. Это честные, порядочные и очень скромные люди, это настоящие люди, брат. И прикрыть друга, спасти кого-то, даже если необходимо для этого отдать свою жизнь, — для них само собой разумеющееся дело.

Авторизованный перевод с украинского
Владимира СЕРЕДИНА

Янина МАРТИН

**РАЗЛУЧИЛ
ВАС НАВСЕГДА**

Фантастическая повесть

— Вперед, недотепа, почему ты останавливаешься?

Крик из-за двери был хорошо слышен в подъезде.

Рогожинский постучал. За обшарпанной дверью установилась тишина.

© YANINA MARTYN, Państwowe Wydawnictwo «Iskry», Warszawa, 1977.

- И так всегда. Сколько бы я ни стучал.
- И давно это началось?
- С тех самых пор, как он поселился здесь.
- Подождите, я сам попробую.

Милиционер занял место Рогожинского в узком проходе и принялся настойчиво стучать в дверь.

Внизу собралась группка жильцов. Тон в ней задавала полная пани Лелюхова с первого этажа. Она сказала, что уже первое появление в доме нового жильца заставило заподозрить у него умственное расстройство. Профессор не привез с собой никакой мебели. Он был в изрядно поношенном пальто, с большим деревянным ящиком в руках. С тех пор профессор почти каждый день приносил к себе подобные ящики. На улицу он выходит только по вечерам. Причитающуюся с него сумму за свет и квартиру оставляет дворничихе. К себе никого не впускает.

Крики начались примерно через месяц после того, как он поселился в квартире.

— На кого этот дьявол так кричит? — говорила Лелюхова. — Не видела, чтобы к нему хоть одна живая душа приходила.

— Вот видите, пан, и так все время, — нервничал администратор Рогожинский, обращаясь к милиционеру. — Постучишь к нему, он затихнет и до следующего утра не подает признаков жизни. А потом все опять начинается сначала. Пан профессор, — крикнул он, — откройте, к вам представитель закона!

Сержант Пэнк топтался рядом, примеряясь к двери, как будто собирался ее вышибить. Он старательно создавал видимость какой-то деятельности, хотя в глубине души был бы не против оказаться подальше от этого места. Такие «нарушения порядка» случаются ежедневно, и власти перед ними бессильны.

— Ну так что? Я составляю протокол...

— Да что там протокол! Меня жильцы со света сживут. Я должен добраться до него и втолковать ему, что, если он не успокоится, я буду вынужден подать в жилотдел документы на принудительное выселение.

— Да уж, — буркнул милиционер, — легко сказать — выселение. А куда выселить? — Он снова постучал в дверь.

— Да не заперто же, входите, — вдруг раздалось за дверью.

Милиционер толкнул дверь. Они оказались в узкой прихожей, куда едва пробивался свет из комнаты. Человек, который предстал перед ними, отличался высоким ростом. Маленькие глазки настороженно глядели на них из-под вздрагивающих век.

«Этот профессор какой-то чудак», — подумал сержант Пэнк.

Профессор загородил проход своим худым телом и спросил:

— В чем дело? — Он протер глаза, как будто его только что разбудили.

— Так нельзя, пан профессор, — начал милиционер, — весь дом сотрясается, когда вы кричите. Это нарушение общественного порядка...

Художник Анатолий ГУСЕВ

— Ах вот в чем дело! Извините, но я так работаю.

— Хорошенькое дело, — горячился администратор Рогожинский, размахивая руками, — вы что, к выступлению готовитесь, что ли? Люди ни жить, ни спать спокойно не могут.

— А можно узнать, чем вы занимаетесь? И вообще прошу не держать нас в прихожей, я должен составить протокол, а здесь темно, — произнес милиционер и, отстранив профессора, прошел в пустую, как пещера, комнату. Сперва он заметил дверь, ведущую то ли в кладовку, то ли в подсобное помещение. Под окном валялся матрац с бельем. В углу стоял мольберт с большим фотопортретом какого-то мужчины.

Сержант Пэнк и Рогожинский поразились такой нищете. Им не на что было даже сесть.

— Сейчас я покажу вам, почему я кричу, — неожиданно сказал профессор. В два прыжка он преодолел пространство, отделявшее его от кладовки, затем наклонился над грудой железок и долго рылся в ней.

Кладовка... Это было весьма условное определение для каморки, залитой ярким неоновым светом и являвшей полную противоположность скудно освещенной комнате.

Сверху свешивались тонкие металлические держатели. Стоящий посредине столик был оборудован современным микроскопом. Профессор оставил дверь открытой. Судя по всему, в его планы входило показать им свое место работы.

Еще с минуту профессор копался в блестящем белом ящике под настенной аппаратурой. Затем не спеша вышел из кладовки, держа что-то в руках. Это был зверек, мордочкой напоминавший крысу. Все его тело походило на толстую кишку и блестело, как стекло.

Профессор положил его на пол, рассмеялся и произнес:

— Ну шевелись же, растяпа, слишком долго думаешь!

Кишкообразное тело вздрогнуло. Крыса двинулась на милиционера. Сержант попытился. На его лице читалось затруднение: убежать или остаться. Ему вдруг показалось, что она сейчас бросится на него.

Зверек не издал ни единого звука. Он немного покрутился вокруг сапога, потом двинулся к Рогожинскому, который тут же отскочил в сторону.

— Да, это очень смешно, — пробормотал он, — просто необыкновенно смешно, только заберите его к себе.

— Что это такое? — спросил милиционер.

— Что? — Казалось, профессора забавляло замешательство гостей. — Это игрушка, всего лишь игрушка, панове. Все мои крики легко объясняются тем, что она не всегда хочет меня слушать. К ноге, упрямое создание! Я занимаюсь конструированием электронных игрушек. Крыска, а ну подойди к пану в мундире и дай взять себя в руки.

Зверек стремительно сорвался с места. Трудно было определить, как он передвигается.

— Не бойтесь. Попробуйте взять его на руки. Смелее!

Милиционер послушно наклонился и робко протянул руку. Зверек отскочил в сторону, и милиционер испуганно отдернул руку.

— Надо более сердечно, пан комиссар, — продолжал насме-

хаться профессор. — Он боится, если чувствует недоверие. Он очень чувствителен к таким вещам.

— Как называется этот зверек?

— Мой? Крыса. Об этих игрушках уже писали в газетах. Вы не читаете газет? — укоризненно спросил профессор. — По заказу одного из научных институтов я пытаюсь сконструировать игрушки с электронным мозгом. Вы, наверное, слышали об электронике? О компьютерах?

— Как же, как же, это такие... как их... мозги с радиолампами, — с готовностью отозвался Рогожинский, шелкая пальцами. Администратор был ошеломлен и в ту минуту наверняка не смог бы отличить кошку от собаки.

Сержант Пэнк первым пришел в себя. Он взял зверька на руки.

— Постарайтесь не шуметь. Вы доставляете жильцам лишние волнения, — сказал он, внимательно глядя на неподвижную крысу.

Профессор понимающе кивнул.

— За мои прежние заслуги перед электронной промышленностью мне разрешили держать небольшую надомную лабораторию, в которой я могу собирать игрушечных зверьков. Это требует специальных условий. Именно поэтому вы видите перед собой такое лабораторное помещение. Когда я вхожу в него, автоматически включаются фильтры и уничтожают пыль, которую я вношу на себе или за собой. В этом помещении воздух должен быть стерильным. Иначе мои игрушки не смогут функционировать.

Он долго и замысловато говорил о лампах, транзисторах и замкнутых цепях, о миниатюризации компьютеров и о компактном электронном мозге, помещающемся на кремниевой пластинке размером 3×3 миллиметра.

Пэнк добросовестно пытался усвоить эту лекцию. Но профессор неожиданно остановился, еще раз приказал крысе пройти перед гостями и сразу же поторопил их. Он подал каждому руку и захлопнул за ними дверь.

— Ну и игрушка, — покачал головой Рогожинский. — Только почему он все время командует «к ноге», «прыжок», будто готовит ее к нападению? Вы не спросили его об этом, а зря.

— Я проверю еще раз, что это за игрушки. Черт бы его побрал! — Пэнк вспомнил, что забыл спросить также, для какого института производятся такие игрушки и в какой газете писалось о них. На всякий случай не мешает поставить в известность поручика Берду. Может быть, здесь не обошлось без контрабанды или чего-нибудь в этом роде.

Когда они вышли, профессор свистящим шепотом приказал неподвижной крысе:

— Болван, дуралей, тупица! Возьми его! — и показал рукой на большую фотографию на мольберте. Зверек кружил по комнате, словно нервничал из-за плохого настроения хозяина.

В магазин игрушек вошла молодая и очень красивая женщина. Продавец сразу узнал ее. У нее были длинные и пуши-

стые темно-русые волосы, цвет которых она даже не пыталась изменить какими-либо косметическими средствами. В то же время эта женщина не пренебрегала довольно яркой губной помадой и удлиняла ресницы тушью.

— Что вы желаете? — спросил продавец развязным тоном. И тут же добавил: — Механических игрушек нового типа все еще мало. У нас сейчас есть только обезьянка, взбирающаяся по канату, производства ГДР, ну и наши автомобильчики, которые не очень хотят ездить.

Чуть прищурив глаза, она окинула небрежным взглядом полки. Характерно для близоруких, стесняется носить очки? Он знал, что она и так ничего не купит. Зачем ей приходиться сюда каждый день? Деньги у нее есть, если судить по тому, как она одета.

Он неохотно вынимал игрушки одну за другой из-под прилавка, потому что давно усвоил для себя простую истину: больше правится товар, показанный неожиданно. На автомобильчики она даже не взглянула, обезьянку смерила внимательным взглядом.

— Заводится?

Продавец хотел продемонстрировать игрушку, но она махнула рукой. В магазин вошли менее изысканно одетые клиенты, и он быстро спрятал все под прилавок.

— И больше ничего, на самом деле нет ничего нового?

— А что угодно уважаемой пани? Испанские железные дороги, — он понизил голос, — могут появиться после первого. Могу отложить... А?

— Я ищу игрушку, которую не надо заводить.

— А, шарик — не стоит, третий сорт. Может, солдатики? Для мальчика или для девочки?

— Для мальчика, — грустно сказала она.

— Подумайте, пожалуйста, я сейчас подойду, — и он величественно направился к другим покупателям.

— Пан, пан, — женщина бросилась за ним, расталкивая мам и пап, решающих сложный вопрос, хорошие глаза у куклы или плохие. — Что это за крыса?

— Крыса, где? — вскрикнули отцы, стараясь не показывать страха в присутствии женщин. Зато те не стеснялись своих чувств. Они подняли невообразимый визг, отскакивая от прилавка.

— Там, — она показала на одну из полок.

— М-м, это вовсе не крыса. Скорее, мышь. Вот, пожалуйста.

— Она заводится?

— Ключей нет, значит, не заводится. Их привезли только сегодня. Но вы просили показать механическую игрушку. С какой стати мне было показывать эту?

Женщина взяла в руки зверька, обтянутого тонким блестящим материалом.

— Вы берете?

Женщина побледнела.

— И много вы получили таких игрушек?

— Всего три. Но их никто не купит. Они не заводятся. Наверное, предназначены для украшения полок.

— Какал это фирма?

Он вертел в руках такого же зверька, пытаясь прочитать торговый знак, но с трудом разобрал несколько букв и поморщился.

— Это местное, — сказал он. — Фу, — и дунул.

Зверек вырвался у него из рук и плюхнулся на пол.

Покупатели отпрянули в сторону. Продавец выбрался из-за прилавка. Входящая в этот момент в магазин девочка чуть приоткрыла дверь. Зверек прыгнул на нее. От неожиданности девочка вскрикнула и остановилась.

Женщина выбежала за зверьком. Продавец последовал за ней. Почти минуту они бежали рядом, натываясь на идущих навстречу людей. Вспотевший продавец добежал до поворота. И только тут, вспомнив, что оставил магазин на попечение покупателей, вернулся назад. Перед витриной собралась толпа.

Случайно оказавшийся рядом репортер попытался у очевидцев, что произошло. Продавец достал накладную. Надпись гласила: «Электронная крыса. Цена 599 зл. 99 грошей». Крыса? Странно, что женщина установила это сразу. «Игрушку приводят в действие, сильно дунув крысе между глаз. Понимает такие слова, как «к ноге», «ищи пана».

«Может, я сошел с ума?» — подумал продавец.

Репортер был доволен. Он понял, что нашел тему для очередного язвительного фельетона, пятого из серии об игрушках. «До сих пор наши детские игрушки вообще не умели передвигаться, но теперь положение выправилось настолько, что они начали сами сбегать из магазинов. Когда же все-таки мы положим конец...»

Женщина бежала за крысой, лавируя между машинами и трамваями. Зверек заметно сбавил скорость. Они оказались на набережной Вислы. Грязная вода плескалась прямо перед мордочкой крысы. В последний момент, когда зверек уже раздумывал, входить в воду или нет, женщина вдруг поняла, что погоня может оказаться напрасной. Она подняла с обочины шоссе увесистый камень и изо всех сил бросила в крысу. А затем, подойдя к разбитой игрушке, подняла ее, осмотрела и с мстительным выражением на лице бросила в воду.

— Что произошло? — спросил поручик Берда, указывая заплаканной женщине на кресло. — Что с вами?

Женщина не обратила внимания на приглашение. Она перегнулась через барьер, делящий помещение милицейской приемной пополам, и срывающимся голосом произнесла:

— Спасите его! Это месть. Спасите его! Спасите! Во все магазины игрушек поступили электронные крысы. Я пробовала скупить их. Я потратила на это уйму денег. Но ведь он может прислать новую партию. Кроме того, экспедиторы обманывают меня. Они прячут крыс под прилавками.

— Успокойтесь, пожалуйста. Я плохо понимаю, в чем дело.

Дежурный неплохо описал эту женщину. Полчаса она рассказывала ему о каком-то профессоре, который делает крыс, оживающих под действием электричества.

Люди придумали достаточно много способов зарабатывать деньги, но как такая игрушка может представлять опасность

для одного-единственного человека, если она покупается и предназначается для детей? Здесь что-то не так, подумал поручик.

— Расскажите, пожалуйста, еще раз все по порядку.

— Как-то я прочитала в газете, — всхлипывала она, — что в торговую сеть впервые поступили электронные игрушки, сконструированные одним из наших ученых, оставившим активную научную деятельность. Я сразу поняла: он делает их для того, чтобы у меня мужа... мужа...

— Что общего имел ваш муж с этим ученым? Вы знаете имя конструктора игрушек?

Она нервным движением открыла сумочку и достала паспорт.

— Пожалуйста. Вот его имя.

Он машинально взял паспорт и внимательно рассмотрел его. Дорота Скерска, родилась в... — но выглядит моложе своих лет. Профессия — инженер-электромеханик.

— Вы работаете?

— Работала. Тогда, когда все это началось, еще работала, но сейчас я домохозяйка. Впрочем, какое это может иметь...

— Никакого. Я просто спрашиваю. Так-так. Вы разведены. Прежняя фамилия Глазура, несколько странная фамилия.

— Его зовут именно так...

— Ах, профессора. Вы его...

— Была его женой. Что касается его фамилии... Он выходец из сицилийской семьи, которая когда-то переселилась в нашу страну. Отсюда эти отвратительные, чуждые нам традиции вендетты.

— Вендетты?

Ежи Берда был по-настоящему удивлен. В конце концов еще ничего не случилось; если бы речь шла о настоящей угрозе, то эта красивая истеричка сразу выкрикнула бы, на чем основываются ее опасения. Он привык выслушивать мелодраматические рассказы о мифических угрозах и о несовершенных преступлениях.

— Мне кажется, что вы шутите со мной, а я пришла сюда за помощью.

— Разумеется, я постараюсь помочь вам, прошу вас, продолжайте. Я и не собирался шутить. Говорите без стеснения.

— Сначала я была ассистенткой профессора Глазуры. С того времени прошло уже почти десять лет. Я очень изменилась.

Она замолчала, словно задумавшись о тех изменениях, которые произошли с ней, и при этом неожиданно улыбнулась полукокетливо, полусмущенно. Берда онемел от восхищения. Столько притягательной силы было в ее улыбке.

— Извините, — сказал он Дороте и повернулся к стоящему по стойке «смирно» дежурному, — прошу вас, позовите сержанта Пэнка. Кажется, я что-то припоминаю, — добавил он. Но она не расслышала. Только сказала:

— Я была тогда ассистенткой у Глазуры, он работал над созданием компьютера нового типа. Я надеюсь, вы знаете, о чем здесь идет речь.

— Я немного читал о компьютерах, — ответил Берда коротко, смущенный своими ограниченными познаниями в этой области и ее неотразимой красотой.

— Компьютеры до сих пор продолжают оставаться сложным и загадочным устройством. Об этом предупреждал еще создатель кибернетики Винер. У такого компактного электронного мозга есть своя программа. Она может быть направлена на выполнение сложных расчетов, а может включать и совсем другие функции. Глазура говорил мне, что он занят конструированием компьютеров, которые способны обучать сами себя. Достаточно указать им цель, и они сами используют внешние условия в соответствии с тем, что от них требуется. Вы понимаете, что это значит? Можно внушить устройству, содержащему подобную компьютерную систему, убить кого-нибудь, и оно само сообразит, как это сделать. Человек чувствует страх, ужас, угрызения совести и в самый последний момент может отступить. А компьютер не способен чувствовать, он действует наверняка и без ошибок, без свойственных человеку колебаний и сомнений. Вы понимаете? Впрочем, зачем я объясняю вам? Я уже боюсь этого. Вот, посмотрите, пожалуйста.

Дорота достала из кармана маленькую крысу.

— Это может быть опасным?

Она положила зверька на стол.

Поручик Берда, видевший на этом столе немало самых разных вещественных доказательств, был озадачен.

Она так сильно дунула на крысу, что даже листы протоколов слетели со стола. Берда наклонился за ними. Он снова увидел крысу, которая успела оказаться на полу и, как заводная, вертелась вокруг ножки стола.

— Крыса, ко мне! — Слово «крыса» Дорота произнесла с ненавистью. — Ко мне! — приказала она.

По брюкам и рукаву кителя поручика зверек проворно взобрался на стол и подполз к сумочке Дороты.

— Необыкновенная игрушка. Я еще не встречал таких, но в чем кроется опасность? — спросил Берда.

— На первый взгляд крысу трудно натравить на кого-либо. Словно все дело в словесно-заклинании из сказки. Да, это похоже на сказку. С той лишь разницей, что профессор делает их с определенной целью. С единственной целью. Он предупреждал меня об этом. Крыса, слезь со стола!

Зверек мгновенно отреагировал. Он выбрал самый простой и одновременно самый короткий путь: через руку, по кителю и колену Берды.

— Он нашел самое правильное решение. Вы сами видели, — обратилась она к поручику. — Он еще сам себя учит.

— Возможно, возможно. Вы говорите, что Глазура дрессирует этих крыс, собираясь использовать их против вас. Почему именно этот профессор...

— Я была его женой. Я знаю, что он проводил опыты с этими тварями. Он угрожал мне ими. Я могу подтвердить, что он всегда держал свое слово. Когда недавно я услышала, прочитала, а потом и увидела, что они есть, я постаралась разузнать все про них и теперь уверена, уверена... Умоляю вас, спасите его, потом может быть поздно, всех этих тварей я не смогу скупить и уничтожить. Хотя и пытаюсь. Спасите его!

Он представил, как Дорота убивает крысу. Отталкивающее зрелище...

— Кого именно и каким образом я должен спасать? — нетерпеливо спросил он.

Дорота начала свой рассказ. Сбивчивый, прерываемый неожиданной усмешкой или внезапным плачем. Ее лицо то прояснялось, то снова становилось хмурым. Она привлекала и отталкивала. История была банальной и рассказывалась с такими большими сокращениями, что могла показаться и казалась до смешного примитивной. Но страх женщины, ее сумасшедшая любовь к мужчине, который был моложе ее на несколько лет, выглядели настоящими, неподдельными.

— Глазура ненавидит моего мужа, то есть моего второго мужа. С самого начала он мучил меня своей грязной, необыкновенной ревностью. Что мне пришлось пережить! Он бил меня, когда мне хотелось развлекаться. Он закрыл двери перед моими друзьями и знакомыми. И перед своими тоже. Он старался унижить меня, превратить в настоящую невольницу. О-о, культурным и воспитанным он был только на работе, при посторонних. В институте у Глазуры я познакомилась с моим нынешним мужем. И... потом мы убежали. Профессор пустил в ход все средства, чтобы вернуть меня. Надоедал, угрожал, просил. Мы скрывались от него. Он стал ненавистен мне, потому что не был способен ни на один человеческий поступок. Сначала он с головой ушел в свои исследования. Ко мне относился, как к очень интересной игрушке, как... к крысе. Да, он очень изобретателен. Такая электронная месть была бы вполне в его стиле. Впрочем, Глазура как-то сказал мне: «Если бы кто-нибудь отобрал тебя у меня или уничтожил результаты моей работы, я бы не остановился и перед преступлением, но не таким заурядным, на которое способны обычные люди, у меня есть лучший способ». Позже, после нашего побега, мне передали, что он сказал: «Я разлучу их, они не будут вместе». Сначала мы переезжали из города в город. В конце концов нам пришлось вернуться, и он отыскал нас.

— Это только предположения. За них никого нельзя арестовывать. Обычные догадки и расстроенные нервы. Кстати, вы немного знакомы с такими устройствами. В вашем удостоверении личности записано, что вы инженер-электромеханик. Вы не пробовали исследовать эту крысу?

— В инструкции записано, что она сама находит дорогу и подчиняется определенным командам. Однако нам не удалось узнать, какое дополнительное задание еще получено. Вы понимаете? Не удалось, потому что мне неизвестен и никому не известен шифр заложенной в нее программы. Я разбирала крысу до мельчайших деталей. Наверняка, ее программа гораздо шире, чем записано в инструкции. И еще, я дала...

Ее рассказ прервало появление сержанта Пэнка.

— Вы как-то были у некоего профессора Глазуры, не так ли? В рапорте, если не ошибаюсь, от двадцать третьего числа вы сообщали о шумах в доме номер шестьдесят семь по улице Страшевского. Вы были у этого Глазуры?

— У этого, я извиняюсь, сумасшедшего с крысами?

Женщина вскрикнула и, обернувшись к милиционеру, вцепилась в ремень на его плече.

— Скажите, что вы заметили в его квартире? Что вам бросилось в глаза?

— Крыса, — ответил тот, — и то, что профессор выглядит, как настоящий оборванец.

— Больше ничего?

— В комнате больше ничего нет. Только грязная постель на полу. За комнатой — освещенная лаборатория, в которой он делает крыс. Кроме этого, я видел большую фотографию на мольберте.

— Что изображено на фотографии?

— Какой-то мужчина. Может быть, он сам, когда был молодым.

Женщина неожиданно крикнула поручику:

— Умоляю, умоляю вас. Идите туда. Возьмите ее и сравните!

— Что это?

— Это моя фотография с мужем, когда мы убежали от Глазуры.

— Сколько вам лет, профессор?

Профессор разгладил рукой морщины, запустил пальцы в волосы.

— Если я правильно вас понимаю, я должен показать паспорт? О, я гораздо моложе, чем вы думаете. На сколько я выгляжу?

— Шестьдесят я бы вам дал.

— Кхе-кхе, — неприятно усмехнулся, профессор, — вы хотели сказать «семьдесят» и из вежливости сбросили десять лет. Мне пятьдесят с небольшим.

— Невероятно, — вырвалось у поручика. Он сразу пожалел о том, что сказал это, и торопливо добавил: — Хотя походка у вас, честно говоря, почти как у молодого человека.

— Ну уж прямо так, — старик почувствовал смущение гостя, быстро поднялся с постели. — Что еще вы хотели бы знать?

Только теперь поручик показал на фотографию. До этого момента он делал вид, что не замечает ее. Снимок был нечетким, на нем было трудно различить женщину, которая подняла всех на ноги делом об электронных крысах. Рядом с женщиной на фотографии стоял молодой элегантный мужчина.

— А что, существует запрет на памятные семейные фотографии? Зачем вам понадобилось задавать этот вопрос, зачем причинять мне новую боль? Вы же видите, что у меня ничего нет, кроме небольшой лаборатории с некоторыми приспособлениями, которую я уже показывал, этой постели и фотографии.

С минуту оба молчали. Поручик был доволен, что старика так задел его вопрос о фотографии.

— Что ж, я расскажу вам, — тишину нарушил слегка дрожащий голос. — Иногда необходимо кому-то довериться, хотя бы и милиционеру. Я редко разговариваю с людьми. — Он сделал паузу и уже спокойнее произнес: — Я работал над созданием электронных устройств. Говорили, что я любил их больше жизни. Сначала я занимался счетными устройствами, потом начал

работать над созданием думающих машин. Это компьютеры, которые могут, например, сочинять песни, быстро играть в шахматы, правильно ставить диагноз болезни. Я создал... Впрочем, зачем объяснять? Все равно прошлого не вернуть. Теперь все это не имеет ровно никакого значения.

— Почему же, это интересно,— без энтузиазма сказал поручик.

Он ожидал более откровенных признаний. Интересно, как они могли бы выглядеть в сравнении с показаниями его бывшей жены. Чем больше фактов профессор приводит, тем больше похоже на то, что он пытается убежать от своей внутренней правды. Хочет сбить со следа?

— Вы не того ждете, поручик.

— Может быть.

— Что же, теперь все равно. Нам не обойтись без мелодрамы. Человек в своей жизни должен изредка становиться посмешищем для других людей. Прекрасное развлечение для его знакомых, иначе им бы пришлось умереть от скуки. Я взял на работу ассистентку. Она была не слишком талантлива, но из всех, кто заявил о своем желании работать со мной, представляла для меня наибольший интерес. Я сказал себе: у тебя есть почти все, теперь у тебя будет еще КТО-ТО. Когда ты поглощен карьерой, для друзей не остается места. Я нравился ей, наверное, поэтому она вышла за меня замуж. Впрочем, тогда я выглядел несколько иначе, чем сейчас. С первого дня женитьбы я не знал покоя.

— Ревность? — напрямик спросил поручик.

Вопрос не вызвал у профессора ожидаемой вспышки гнева. Глазура говорил о своей жене хоть и сдержанно, но подробно, иногда даже пытался шутить.

— Несколько раз я заставлял ее с лаборантами. Мое присутствие ничуть не смущало Дороту. Чем больше я убеждался, что мы не подходим друг другу, тем сильнее мне хотелось удерживать ее. Я стал заботиться о развлечениях для нее, и мне это дорого обходилось; пришлось отказаться от многих своих увлечений. Вполне заурядная история. У меня в лаборатории работал один из тех, кого можно называть баловнями судьбы. Однажды он что-то украл, и я выручил его из трудного положения. Он был всем обязан мне. Вы можете увидеть его, — профессор показал на фотографию, — такие спортивные субъекты почему-то нравятся женщинам. А впрочем, может быть, в этом и нет противоречия. Они более практичны. Чтобы уберечь ее от других, я стал приглашать его к нам. Но вскоре понял свою ошибку.

— И тогда вы развелись?

— Нет. Не буду отрицать, что мне не всегда удавалось сдерживать себя. В конце концов я махнул рукой, думая, что у нее это рано или поздно пройдет. Боже мой, иногда Дорота становилась мягче. Она сохранила немного благодарности или жалости ко мне. Зато он вел себя вызывающе. Постоянно заговаривал о разводе, заставляя ее ради их любви оставить меня... И ничуть не стеснялся моего присутствия. Однажды я не сдержался и бросился на него. Смешно, правда? Он справился со мной, как с ребенком... Стоит ли мне рассказывать, что это бы-

ла за жизни! Я забросил свои исследования. Скоро стал посмешищем всего института. В результате мне пришлось уйти. О дальнейшей карьере не могло быть и речи. В то же время ему все больше везло. Разумеется, здесь не обошлось без ее влияния. Она всегда относилась к нему, как к мальчику, который нуждается в присмотре. Мне же оставалось только заботиться о своем материальном положении. В конце концов я пришел к мысли об игрушках. Точнее сказать, о крысах.

— Почему именно о крысах?

— Такой же вопрос мне задавали в фирме. Если бы я делал обезьян, вы бы спросили, почему я выбрал обезьян. Используя свою былую известность, я рассылал игрушки во многие мастерские. Они были слишком сложными, непригодными для практического применения и поэтому не пользовались спросом. Таким образом, как вы догадываетесь сами, поручик, можно только кое-как перебиваться.

— А эти игрушки, они...

— Ну, договаривайте же. Не могут ли они представлять опасность? Для кого, позвольте спросить? Не говорите, я знаю. Вас сюда прислала она. Она боится? А? Очень боится?

Глазура нервно заходил по комнате. Несколько раз он останавливался перед фотографией. Наконец повернулся к поручику.

— Мне больше нечего сказать вам, кроме того, что прежде чем оставить мой дом, они еще долго жили в нем. Если вы сомневаетесь в моей искренности, вы можете проверить.

Поручик быстро попрощался и спустился вниз по лестнице. На улице он посмотрел на окна третьего этажа. В них едва заметно пробивался тусклый свет. Он был в затруднении: либо его втянули в обычный семейный скандал, либо профессор — маньяк, желающий отомстить таким изощренным способом и не обращающий внимания на последствия. Тем не менее профессор не производил впечатления сумасшедшего. Может быть, за всем этим скрывается другая, более глубокая тайна? Он машинально пошел к киоску, чтобы купить вечернюю газету.

На первой странице ему сразу же бросился в глаза напечатанный красной краской заголовок: «Новый побег игрушек из магазина».

Ян шел по широкой улице и наслаждался прекрасной погодой. Он пересек газон и по тропинке спустился к откосу, за которым катила воды Висла.

Ян вдохнул полной грудью. Как же долго он не позволял себе таких прогулок! Дорота превратила их совместную жизнь в тюрьму из-за этих чертовых крыс. Ян подчинялся ей, но где-то в глубине души жило и не давало покоя чувство вины перед старым профессором. Он вспомнил его худое острое лицо.

«Ты еще узнаешь, что я с вами сделаю». Ян не мог забыть эту фразу. Он знал, что профессор не бросает слов на ветер.

Невольно — скорее всего под влиянием Дороты — Ян чувствовал почти суеверный страх перед профессором. В любое другое время с недоверием относящийся к рассказам о сверхъестественных способностях электронных игрушек, сейчас он сам стал бояться этих искусственных зверьков.

— А, к черту крыс!

И в этот самый момент Ян вдруг увидел лоснящееся тело крысы. В нем снова ожили тревоги предыдущих дней, недобрые предчувствия и нелепые предостережения Дороты. И ужас перед профессором. Он повернулся и бросился бежать — не разбирая дороги, наугад, почти вслепую, натыкаясь на кусты и боясь обернуться. Вокруг не было ни души.

Он бежал все быстрее. Казалось, что крысе его уже не догнать. Она заметно отстала, очевидно, застряла где-то в траве. Ян остановился. Кровь горячими волнами стучала в висках. В эту минуту ему не хотелось больше ничего — только отдышаться и быстрее добраться до шоссе. От него до дома рукой подать.

Ян не сразу смог осознать новую опасность, когда выбежал на шоссе навстречу мчащемуся потоку машин. Визгнули тормоза, и с противоположной стороны шоссе до него донеслись раздраженные голоса:

— Куда ты лезешь!

— Ненормальный!

— Он с ума сошел!

— Держите его!

Отбежав немного, Ян обернулся. Крысы не было. Он остановился. На середине шоссе лежала раздавленная крыса. То, что должно было называться мордочкой, лежало рядом со сплюсненной металлической оболочкой.

Ян снова ощутил прилив страха. Двумя прыжками он оказался в воротах, взбежал по лестнице, схватился за ручку двери, словно почувствовав, что она открыта, и резко распахнул ее.

Яркий электрический свет в прихожей. И Дорота. Отчаяние в ее глазах, потом буйная радость.

— Как ты мог, как ты мог!.. Я боялась, что мы уже никогда...

— Я тоже так думал, — ответил он, тяжело дыша.

Дорота освободилась из его объятий. Она бросилась запирать двери и проверять, закрыты ли окна и форточки.

— Ты видела? — спросил Ян. Он был уверен, что она все видела или почувствовала. Его всегда поражала ее необыкновенная интуиция.

— Да. Из окна. Я все время стояла около него. Я хотела помочь тебе, но не могла. — Ее голос задрожал. — Теперь ты понимаешь, что он хочет от нас и за кем охотится? — спросила она, понемногу успокаиваясь. Потом истерически выкрикнула: — Не подходи к двери, умоляю тебя. Ты все еще не понимаешь, чем тебе это грозит?

Она смотрела на Яна так, как будто через минуту он должен был исчезнуть. Ночью она ни на минуту не сомкнула глаз и поэтому выглядела хуже, чем обычно. Только теперь он понял, что с тех пор, как они поженились, она очень изменилась.

— Не могу же я все время сидеть дома, как в тюрьме. Я должен здесь умереть? Как мы в конце концов будем дальше жить? Не сходи с ума, Дорота.

— Неужели ты до сих пор еще ничего не понял? Я тебе не верю! Не верю, что тебе не страшно. Ты же сам говорил, что крысы неспроста разбегаются по городу. Нам уже не поможет

никакая милиция и никакое расследование. Они ни в чем не смогут обвинить его. Нет, он дьявольски хитер и осторожен.

— Ты всерьез думаешь, что он хотел, чтобы они напали на нас? Чтобы эта крыса меня...

— Я уверена в этом. К счастью, до сих пор нам удавалось скрываться от него. Целый месяц он не имел ни малейшего представления о том, где мы находились. Наконец ему удалось узнать это. Я не знаю, каким образом. Может быть, он случайно увидел тебя или меня. Подумай, ведь нас от него отделяют всего две улицы.

Она прижалась к нему. Ян вдруг подумал, что это все в конце концов могло быть простой случайностью, обычным совпадением.

— Не слишком ли много значения ты придаешь этим игрушкам? — спросил он, принужденно улыбаясь. — Прежде всего Глазура должен был покушаться на тебя. Но ты приносила крыс, и с тобой ничего не случалось.

— Ты не должен выходить из дома. Кто знает, не поджидает ли тебя за дверью еще одна крыса. Я помню один из его опытов. Хорошо помню. Он вел себя очень странно. Нет-нет, — добавила она, увидев недоверие в глазах Яна. — Это было еще перед нашим знакомством. Он показал мне крысу, которую сконструировал для развлечения, и приказал ей: «Убей!» Крыса бросилась на большую тряпичную куклу — я не знаю, откуда она появилась у него, — и тогда он закричал: «Стоп!»

— Не может быть, чтобы он избрал именно такой способ.

— Он способен на все. Он не остановится перед опасностью.

— Сколько времени может жить, я хотел сказать, действовать, такой зверек? — спросил Ян.

— Грудзинский говорил мне, что около четырех дней. Потом нужно менять источник питания. Ты не должен никуда выходить эти четыре дня.

— Ты виделась с Грудзинским? — он подскочил к ней. — Ты смогла, ты осмелилась сходить к нему!..

— Кроме него, больше никто не разберется в этом деле. Я отдала ему одну крысу для исследования.

— Ты ему все рассказала? И что, Грудзинский согласился?

— Но ведь теперь он для меня совершенно чужой человек.

— Чужой? И этот чужой без колебаний согласился исследовать крысу по просьбе незнакомой женщины!

— Я должна была спасать тебя.

Ян попытался взять себя в руки. Он убеждал себя в нелепости своих подозрений. Что ж, он пересидит четыре дня дома.

— А что будет после четырех дней? Он наделает новых крыс.

Она устало опустилась на стул.

— Я думаю, я все время думаю об этом.

Наступал вечер. Внизу зажегся свет. Дорота ждала, пока Ян задвинет шторы. Она боялась включать свет. Ей казалось, что за ними постоянно кто-то следит. Наверняка профессору уже давно известно, где они живут. В любую минуту он может преодолеть несколько сот метров и подложить еще одну крысу. Подложить, как подкладывают бомбу.

— Если кто-то постучит в дверь, не открывай, помни, — продолжала свое Дорота.

Его раздражало то, что, ограничивая ему свободу действий, она сама продолжала пользоваться ею, ходить туда, куда никогда не должна ходить. Он освободился из ее объятий.

— Хорошо-хорошо, позволь хотя бы пройти в кабинет и немного поработать.

Кабинетом они называли его комнату с небольшим столом, за которым в течение нескольких лет он тщетно пытался написать свою работу.

— Тебе это необходимо? — Она не хотела отпускать его.

— Необходимо, — резко ответил он. — Я должен, черт побери! А тебе не мешало бы выспаться. Ты ужасно выглядишь.

Когда через два часа Ян, стараясь не шуметь, забрался на кровать, он заметил, что Дорота лежит с открытыми глазами.

До сих пор ничего необычного не произошло. На подозрениях истеричной Дороты нельзя было строить обвинение. Отправленная на всякий случай в Институт промышленных роботов крыса была тщательно исследована. Поручик Берда сам зашел за результатами.

Секретарша попросила его немного подождать. С письмом, дающим разрешение на получение результатов исследования, она вышла в коридор. Институт был большим и, казалось, весь состоял из бесчисленных коридоров. Шаги секретарши еще долго отдавались гулким эхом. Прошло больше десяти минут, прежде чем она появилась в сопровождении какого-то шуплого седого мужчины.

— Доцент Грудзинский все объяснит вам, поручик.

— Не только на словах. Мы сообщаем наше заключение в этом письме, — сказал доцент, пожимая поручику руку и передавая ему длинный конверт. — Язык заключения может показаться слишком профессиональным, но наши выводы, в сущности, сводятся к одному: эти крысы не представляют никакой опасности. Ими невозможно управлять на большом расстоянии. Впрочем, мы можем пройти в кабинет, и я расскажу вам об этом более обстоятельно.

Берде подумалось, что доцент Грудзинский как специалист по компьютерам не мог не знать профессора. Он тут же спросил об этом, прерывая профессиональные объяснения Грудзинского. Ему показалось, что Грудзинский смутился. С минуту колебавшись, он ответил:

— Конечно. Я очень хорошо знал его. Впрочем, вам это, наверное, уже известно. А почему вы спрашиваете меня? Я не видел профессора уже два года.

— Вы знали, что электронные крысы — дело его рук?

— По правде говоря, впервые слышу об этом. Я думал, что наша промышленность, производящая игрушки, начинает играть в компьютеризацию, и даже хотел похвалить ее за это, тем более что в игрушках не кроется никакой опасности. Я хочу спросить вас как представителя закона, что именно заставило вас заинтересоваться ими?

В этот момент поручику Берде показалось, что доцент пы-

тается ловкими вопросами увести разговор в сторону. А может быть, это впечатление рождает профессиональная подозрительность?

— Что вы можете сказать о профессоре? Вы ведь хорошо знали его и работали вместе с ним.

— Некоторое время он даже был моим руководителем. Профессор — крупный специалист. Эти крысы, хоть и сконструированы в скромных лабораторных условиях, являются воплощением замечательной идеи, реализованной к тому же необычно. Например, у них система памяти построена на жидких кристаллах. Возможность создания такой системы уже давно исследуется у нас, но пока еще только исследуется. Здесь же она впервые применена на практике. Подобная система, несмотря на сравнительно небольшой объем, который она занимает в головке зверька, обладает большой емкостью и способна мгновенно перестраиваться. Химики, говоря упрощенно, подобраны таким образом, что являются безупречным проводником электрических импульсов и одновременно могут способствовать перестройке. Благодаря этому крысы ведут себя, как настоящие живые существа, и реагируют на слова и команды примерно так же, как животные. В этой конструкции впечатляет также выраженная миниатюризация приемных и передающих устройств, основанная на соответствующем подборе жидких химикалий. Профессор не перестал творить, несмотря на то, что отошел от активной научной деятельности.

— Вы говорите о профессиональной стороне дела. А о человеческой? Каким человеком он был и каким стал сейчас?

— Мне трудно ответить, каким он стал сейчас, потому что, как я уже говорил, мы с ним не виделись два года. Каким был? За учеными давно закрепились репутация людей, полностью отдающих себя науке и неспособных страстно увлечься чем-либо, кроме своей профессии. Такой взгляд на ученых неверен. Если бы вы лучше присмотрелись к личной жизни людей науки, вы бы нашли те же интересы и увлечения, что и у представителей других профессиональных групп. Возможно, в нашей среде больше, чем где-либо, поддельной скромности, лицемерия, ложного стыда. Мы стараемся спрятать свои переживания подальше от чужих глаз. А возможно, острее чувствуем ответственность за свои поступки перед обществом, и это многое объясняет.

— А именно?

— Вы слишком настойчивы. Просто профессору пришлось пережить личную трагедию. Назовите ее мелодрамой, если вам угодно. Но тем не менее это так.

— Я хочу знать, — Берда старался поточнее сформулировать вопрос, видя, что собеседник уходит от прямых ответов, — я хочу знать, мог ли профессор пойти на преднамеренную жестокость? Из мести, например?

Грудзинский покачал головой.

— Я не думаю, что он был способен на такую примитивную месть.

— Значит, месть более изощренная?

— Я не говорил этого, — быстро отреагировал Грудзинский.

— А крысы?

— Эти крысы, на наш взгляд — ибо не только я один занимался их исследованием, — совершенно безвредны. Заложенная в них программа предусматривает выполнение самых простых функций, они просто подчиняются приказам, как обычный домашний пес. Я подчеркиваю — домашний.

Они стали прощаться. Поручик мог считать, что до конца выполнил свой долг. На руках у него было письмо, которое почти полностью исключало какую-либо угрозу для жизни тех, кто покупал этих крыс. Впрочем, подобным документом располагало и Центральное управление торговли, которое решилось на распространение экспериментальной партии.

Заклучение, представленное управлению другим институтом, занимающимся компьютерами, совпадало с первым. Тем не менее крысы не пользовались особенным спросом в магазинах игрушек, а газеты, встревоженные побегами крыс, окончательно отбили желание у покупателей. Школьные преподаватели считали крыс крайне неудачными игрушками. Они не поддавались разборке. В конце ответа дирекции Центра торговли игрушками на запрос из милиции сообщалось, что управление уже в ближайшее время намерено ограничить закупку электронных игрушек у изготовителей или передать производство следующих партий какому-либо государственному предприятию.

На всякий случай в конце разговора Берда еще раз спросил:

— Вы с полной ответственностью утверждаете, что то, чем занимается профессор, не опасно?

— Если исходить из того, что мы знаем и что могли проверить... — начал Грудзинский, но тут вошла секретарша.

— Пан доцент, — сказала она, — извините, но пану поручику звонят из отделения.

Берда подошел к телефону.

— Только что, — сообщил дежурный офицер, — из районного отделения передали, что умер начальник отдела торговли управления игрушек. Возможно, он был убит в своем доме. На улице Широкой.

— Почему вы говорите мне это? — разозлился Берда.

— Потому что именно вы ведете дело об электронных крысах, а рядом с трупом была обнаружена крыса.

Да, в этот раз Берде пришлось столкнуться с неожиданными осложнениями. По словам Грудзинского, крысы были абсолютно безвредны. Именно это утверждал и профессор. Такого же мнения придерживались и другие специалисты. Трудно предположить, что они действовали сообща. Чем в таком случае объяснить появление крысы возле человека, который умер на Широкой? И что было причиной его смерти?

В центре в это время был час «пик». Пробриться на машине к западной части города непросто. Наступали ранние, предзимние сумерки. Зажигались уличные фонари. Ему вдруг вспомнилось, что Дорота Скерска называла крыс «смертью с маленькими зубками». Смертью, о которой твердила она и в возможность которой он с самого начала отказывался верить.

Берда откинул простыню, которой было прикрыто тело.

Мужчина примерно тех же лет, что и профессор Глазура. Шея

изуродована. Рядом с обезображенным трупом целая и невредимая крыса.

«Крысу снова придется отдать на экспертизу доценту Грудзинскому», — подумал Берда.

Но стоит ли снова возвращаться к Грудзинскому? Может быть, одна крыса отличается от другой? Может быть, игрушки и крысы, посылаемые для осуществления мстительных замыслов профессора, — это не одно и то же? Можно ли быть уверенным в том, что орудием убийства стала электронная крыса, спокойно ожидающая решения своей участи возле тела своей жертвы?

— Соберите мне как можно быстрее все данные о личности покойного, — приказал Берда.

Милиция не даром ела свой хлеб. Уже через час у поручика в руках был обстоятельный доклад. Недоставало только заключения судмедэксперта о причине смерти.

Начальника отдела торговли управления игрушек звали Игнацием Сивецким, ему был шестьдесят один год. Профессия — кибернетик. Пять лет назад он работал в Институте прикладной кибернетики вместе с Глазурой. Профессор уволил его с работы за какую-то мелкую провинность. Потом Сивецкий собрался за границу. По данным картотеки паспортного отдела, он выезжал в Италию к друзьям, у которых пробыл два года. Сначала ему продлевали паспорт и визу, потом, после подачи в польское дипломатическое представительство соответствующего прошения, он получил консульский паспорт.

Его знакомства в Италии не вызывали никаких подозрений. Вернувшись домой, он устроился на работу в управление торговли игрушками.

Поручик быстро пробежал глазами доклад. Он без труда ориентировался в важных для следствия обстоятельствах дела. На этот раз Берда не отметил для себя ничего интересного, хотя доклад готовили двое его коллег, которые считались хорошими профессионалами. Он решил вызвать профессора на улицу Широкую, будто бы для опознания умершего.

Берда приказал откинуть простыню таким образом, чтобы Глазура не мог сразу определить причину смерти.

Было похоже, что профессору была безразлична причина смерти, как, впрочем, и сама смерть Сивецкого.

— Да, это Игнаций Сивецкий. Я хорошо знал его, — сказал он спокойно и даже немного торжественно, как будто собирався вслед за этим произнести надгробную речь. И добавил: — Что ж, наступило и его время. Нас остается все меньше.

Когда Берда открыл шею Сивецкого и показал крысу, Глазура отпрянул.

— Что это значит? Откуда она взялась здесь?

— Именно это мы и хотели узнать у вас. Ведь вы продавали крыс управлению игрушек и должны были встречаться с Сивецким. Когда вы видели его в последний раз?

— Вчера, — сразу же ответил профессор, — да, еще вчера я с ним разговаривал.

— Здесь, в этой квартире? Вечером, перед самой смертью Сивецкого?

— Разумеется, нет, поручик. Не старайтесь, пожалуйста, написать мне его смерть. Подобные подозрения не имеют ни смысла, ни оснований. Да, я виделся с Игнацием, но не у него дома, а на работе. Это можно проверить.

— Хорошо, — сказал Берда, немного озадаченный уверенностью профессора. — Мы устроим вам очную ставку с сотрудниками отдела Сивецкого, которые не могли не видеть вас вчера. Но это совсем не исключает возможности вашего появления у Сивецкого вечером. Согласно предварительному заключению врачей смерть Сивецкого наступила около двадцати трех часов. Что вы делали в это время?

— Я снова удостоился чести принимать у себя пана сержанта и снова по поводу пресловутого шума. Я хорошо помню, что это происходило после десяти — я как раз готовил одно приспособление для моей крысы. Наш разговор продолжался недолго. Сержант писал протокол примерно до половины двенадцатого. Этого достаточно?

— Не разыгрывайте комедию, пан профессор. А крыса? А раны на шее? Откройте, пожалуйста, еще раз, — обратился Берда к служащим.

Глазура смотрел с интересом. Да, сейчас он определенно был заинтересован.

— Вы все видели? Накройте! Что вы можете сказать по этому поводу?

Профессор долго молчал. Казалось, он размышляет над ответом.

— Что ж, мне кажется, я начинаю что-то понимать.

— Вы хотите сказать, что ваши крысы...

— Они наверняка безобидны. Разве что кто-то заинтересован в том, чтобы сделать их опасными. Мне кажется, что заключение ваших судмедэкспертов будет звучать не так категорично, как ваше обвинение.

— Вам больше нечего сказать?

— Проверьте, пожалуйста, мое алиби!

— Это ваша крыса, и алиби здесь ни при чем.

— Вовсе не моя, — запротестовал профессор, — и это чистая случайность, да, чистая случайность, что она оказалась здесь.

— Случайность? Вы смеетесь над нами, профессор?

— С моей точки зрения, это случайность.

— Мне придется задержать вас до того, как мы выясним ваше алиби и проверим крысу.

— Вы снова убедитесь в достоинствах моих игрушек. Я и вчера во время визита к Сивецкому доказывал ему их преимущества.

— Довольно шуток, профессор!

Профессор замолчал.

В отделении сотрудники из отдела Сивецкого подтвердили показания профессора. Администратор Рогожинский и дворничиха Лелюхова также засвидетельствовали, что профессор говорил правду.

Сержант Пэнк доложил, что готов сделать важное сообщение. В то время, как в одной комнате Глазура отвечал на вопросы, в другой Пэнк разгоряченно говорил:

— С того дня, когда я побывал у этого сумасшедшего профессора, я не выпускал его квартиру из поля зрения. Вчера, как мне сказал администратор Рогожинский, шум из квартиры послышался около десяти часов вечера. Это была обычная дрессировка крысы — прыгай, вперед, схвати его или что-то в этом роде. Меня вызвала дворничиха, я поднялся на этаж к профессору, постучал в дверь и вошел. Профессор был в каморке, которую он называет лабораторией, и возился с какой-то крысой; вскрывал ее или что-то в этом роде. Я даже вздрогнул, потому что эту крысу было почти не отличить от настоящей. На столике возле неубранной постели лежали распечатанные письма. Он не оборачивался, потому что был занят и даже не хотел выслушивать наши замечания, и я украдкой, делая вид, что пишу протокол, прочитал их. Это была переписка с изготовителями каких-то важных деталей для электронных изделий. Они отвечали на его умоляющее письмо, что не могут выполнить заказ, потому что должны сначала удовлетворить потребности государственной промышленности, гораздо более важные, чем его игрушки. Судя по всему, они считали изготовление таких игрушек ненужным и бесперспективным делом. В письме профессора, копия которого была приколота к их ответу, было написано, что он больше не имеет возможности делать свои игрушки из-за нехватки материалов. Когда я в последний раз был в квартире в момент его отсутствия...

— Как, вы проводили обыск без разрешения?

Пэнк смутился.

— Да. Мне давно следовало сознаться. Я готов понести наказание. Но, пан поручик, у него было только три крысы. Мне удалось установить это еще во время того нашего вечернего посещения. Это те же самые крысы. Во время осмотра мне пришлось в голову пометить их. Вчера, когда я составлял протокол, я проверил это. Все три крысы, что остались у профессора, были с моими пометками.

— Идите, я побеседую с вами позже! — произнес Берда.

Доклад Пэнка мог означать то, что профессор не посылал крысу к Сивецкому и не подбрасывал ее. Это становилось интересным. А может, он ловко подсунил письма Пэнку или кому-нибудь другому, кто должен был производить обыск? Это могло быть и тонкий расчет. Ежи Берда с минуту слушал, как из-за приоткрытой двери доносились резкие вопросы допрашивающего и ровные, лишенные выражения ответы профессора.

В конце концов Берда приказал отпустить Глазуру и извиниться перед ним.

На следующее утро поручик послал своего сотрудника в институт к доценту Грудзинскому. Доцент вообще не хотел говорить о крысах, он даже отказался взять для исследования ту, которую нашли в доме Сивецкого.

— В крысах нет ничего опасного, — наконец произнес он. — Газеты написали о преступлении совершеннейшую чушь. А может быть, вы думаете, что нашему институту больше нечем заниматься, кроме криминалистических исследований?

После обеда пришло заключение из отдела судебной медицины.

Прочитав, Берда сразу же позвонил доктору.

— Странное у вас заключение получилось, — сказал он. — Как понимать то, что вы не уверены?

— Тем не менее это так. — Доктор объяснил спокойно и деловито. — Вскрытие трупа было совершено на второй день примерно в двенадцать часов, между тем как смерть наступила около одиннадцати часов вечера предыдущего дня. Следовательно, мы не можем с полной уверенностью утверждать, что было причиной его смерти — инфаркт, вызванный, например, чрезмерным количеством алкоголя (а он в этот вечер выпил немало), или укус крысы. На теле крысы нами не обнаружено никаких следов, кроме крови покойного.

Берда решил еще раз посетить Грудзинского. Именно Грудзинский, как полагал поручик, сейчас единственный человек, к которому тянутся все нити. Раны могла нанести только крыса. Тогда утверждение профессора Глазуры о безобидности его крыс выглядит таким же ложным, как и заключение, подписанное Грудзинским. И Глазура, и Грудзинский были знакомы с Сивецким. Есть ли у доцента такое же твердое алиби, каким располагает старый профессор? И возможно ли управлять крысой на большом расстоянии?

Берда раздумывал над этими вопросами, когда вошел сержант Пэнк.

— Пан поручик, нас не оставляет в покое бывшая жена Глазуры. Она говорит, что жизнь ее мужа под угрозой. Она требует, умоляет об охране.

— Пошлите туда двух человек. Пусть посмотрят, что там происходит. Вы знакомы с обстоятельствами дела, сержант?

— Так точно, пан поручик.

— Ты опять куда-то собираешься? В такое время? Ты уже каждый день стала выходить по вечерам.

Ян нервничал. Он проводил эти поздние вечера за пятью замками, в квартире с занавешенными окнами, так что в комнаты не проникал даже луч света. Правда, у Яна были ключи, и он в любую минуту мог бросить все и убежать.

Всякий раз, когда она собиралась уходить, раздражался скандал. Они упрекали друг друга в неосторожности и гадали о том, что будет через четыре или пять дней. Ян становился все беспокойнее. Все настойчивее страх боролся в его душе с нежеланием вести такую жизнь.

— Куда ты ходишь, где проводишь столько времени?

— Пойми: покупки, транспорт... Но мы расстаемся всего на два часа.

— Вчера ты вернулась через три.

— Мне нужно было еще кое-что уладить, — она пыталась быть искренней.

— Что?

— Это касается только нас с тобой. Но об этом говорить еще рано. Слишком рано. Поверь мне на слово и не заставляй рассказывать все.

— Значит, у тебя есть тайна, которую ты тщательно скрываешь от меня?

— Идет уже четвертый день. Еще день-другой — и все закончится. Я узнала, что ему больше не из чего делать новых крыс. Он может располагать только теми, что остались у него.

— Откуда ты это знаешь?

— Я слышала.

— От кого? По всей видимости, это и есть твоя тайна?

Она прибегла к своему испытанному средству, стараясь опутать его кокетливыми ласками. В этот раз ей удалось добиться своей цели быстрее, чем обычно.

Чуть устало — он внимательно следил за ее сборами — она готовилась к выходу, с трудом отыскивала нужную вещь. Он не подал ей перчатку, которую она уронила на пол, не напомнил, где ее сумочка, пока Дорота сама не нашла ее. Она небрежно подкрасила губы, оставив на них помады гораздо больше обычного. Ян молча наблюдал за ней. Он с удивлением обнаружил, что может оставаться холодным. И хотя у него готов был вырваться вопрос «что с тобой?», он не задал его и даже не произнес обычного «куда ты собралась?».

Она поцеловала его перед выходом. В эту минуту Дорота думала о том, что может наступить минута, когда они больше не увидятся. Впрочем, эта мысль приходила ей каждый день по несколько раз.

Когда она ушла, Ян с тяжелым вздохом достал вторые ключи, которые добровольно согласился не брать в руки. Он с минуту прислушивался, нет ли кого на лестнице.

Несмотря на сгущающиеся сумерки, он отчетливо видел ее силуэт на остановке. Его интересовало, куда она поедет. Ян предполагал, кто ей мог помогать, в принципе, был даже уверен, что это Грудзинский. Он немного слышал о характере этого человека, знал и то, что тот по-настоящему любит Дороту.

Она села в автобус.

Почти сразу же за этим автобусом появился второй. «Что ж, мне везет», — подумал Ян, входя в салон. Автобусы ехали один за другим, и Ян мог легко наблюдать за Доротой.

Ян удивлялся, что продолжает ехать за ней. Его одновременно мучил страх и чувство вины перед Доротой. Ему трудно было упрекнуть ее в чем-либо, он старался убедить себя, что она пошла на все это ради него. В нем снова ожило глухое, застарелое чувство ревности к Грудзинскому. Когда он познакомился с Доротой, именно Грудзинский был его соперником, а не профессор.

«Боже мой, — подумал он. — Как все осложнилось. Такое ужасное убийство и эта крыса...»

Ян начинал все больше и больше волноваться, что, впрочем, не мешало ему сохранять предельную осторожность.

Она шла к Грудзинскому. Все было ясно: последний отрезок пути Дорота решила пройти пешком. Он видел, как она подходила к дому, как нажимала на кнопку звонка. Дверь открыла, как ему показалось, какая-то женщина.

Наступила темнота. В окнах соседних домов зажигался свет и опускались шторы. Сады дышали осенней влагой. Медленно сгущающийся туман окутывал улицы и растворял в себе деревья.

«Хорошо, — подумал он, — я подожду. Подожду, черт возьми!» Его душила ярость.

В тумане он мерил шагами улицу, вглядываясь в лица редких прохожих. Мысли перемешались, запутались. Чем больше он ждал, тем, казалось, больше успокаивался.

Несмотря на меры предосторожности, предпринятые Яном, Дорота почти сразу заметила его. Она остановилась и тихим, сдавленным голосом позвала:

— Янек!

Он обернулся, затем подошел к ней и схватил ее так, что у нее перехватило дыхание. Потом он отпустил ее.

— Что ты там делала? — спросил он уже спокойно. Почти равнодушно. Его холодность больше всего поразила Дороту.

— Я подговаривала Грудзинского, чтобы он убил его. Да, я подбивала его на убийство. Для нас это было бы выходом.

— И что? — спросил он тем же тоном.

Она не ответила. Они шли вместе сквозь туман, невдалеке уже виднелся электрический свет. До остановки было метров двести. Она остановилась и сказала:

— Может быть, я навсегда уничтожу то, от чего схожу с ума. Но так не может больше продолжаться, не может! — Она с отчаянием смотрела на Яна.

Подошло такси. До дома они доехали в полном молчании.

Полковник Гроньский вызвал к себе Ежи Берду рано утром. Едва Берда появился на работе, сержант Пэнк отпрапортовал ему и передал приказ шефа.

В кабинете у полковника было несколько человек. Обычное производственное совещание, как они привыкли называть такие встречи. Почти все присутствующие были знакомы друг с другом. Внимание Берды привлек незнакомый мужчина в штатском.

— Представляю вас заместителю мэра города, — сказал Гроньский. — Поручик Берда принадлежит к числу самых опытных работников нашей криминальной службы.

Он повернулся к гостю.

— Я должен сказать несколько слов, чтобы объяснить ваше присутствие здесь. Дело с игрушками приняло неожиданный оборот. Газеты подняли шум вокруг убийства Сивецкого. До сих пор еще не установлены причины его смерти. Дошло до того, что властям пришлось приостановить продажу не только пресловутых крыс, но и всех механических и автоматических игрушек вообще. Люди не уверены в своей безопасности.

— Вот именно, — подхватил заместитель мэра. — К тому же бывшая жена профессора накаляет обстановку. Она наносит визиты должностным лицам, требуя ареста профессора и возбуждения против него уголовного дела. Эта обезумевшая ба... женщина, — поправился он, — способна на все. Поэтому нам хотелось бы, чтобы вы, поручик, энергичнее взялись за дело. Что вы думаете о профессоре? Я не был знаком с ним.

— По правде говоря, — медленно произнес Берда, тщательно обдумывая слова, — я еще не составил себе определенного

мнения. Маловероятно, чтобы кто-то мог откровенно демонстрировать свою жажду мести так, как это приписывают профессору. Мы установили его бесспорное алиби.

Нет, профессор не убивал Сивецкого. Следовательно, мы можем предположить, что либо он невиновен, либо у него есть сообщники. Кто и с какой целью мог стать сообщником профессора? А может, у его бывшей жены и ее нового мужа или у него одного есть еще недоброжелатели? Вот вопросы, на которые мы постараемся как можно скорее найти ответы. Без них нам придется работать вслепую.

— Кто, по-вашему, — спросил полковник, — мог бы попытаться использовать сложившуюся ситуацию?

— У меня вызывает подозрение человек, которого несколько лет назад связывали какие-то отношения как с профессором, так и с Сивецким.

— Вы имеете в виду, пан поручик, доцента Грудзинского? — спросил заместитель мэра. — Я должен сказать, что доцент хорошо известен в научных кругах и административных органах. Мнение о нем единодушно: это честный и порядочный человек, который во имя интересов дела готов поступиться своими как в работе, так и вне ее. У нас была возможность убедиться в его самоотверженности и добросовестности во время аварии на заводе электротехнического оборудования. Грудзинский числится на заводе консультантом по научным исследованиям. Во время аварии он спасал людей, рискуя собственной жизнью.

— Мне непонятно, почему он так настойчиво твердит о том, что крысы безвредны. Ему следовало бы быть менее категоричным. Тем не менее он стоит на своем, как будто сам их делает. Кроме того, прошу не забывать, что в этом деле замешана женщина. Ищите женщину! Этому меня учили в школе криминалистики. И уже не раз оказывалось, что если в каком-нибудь запутанном деле не обошлось без женщины, именно она оказывалась причиной всех волнений. А ведь в нашем случае мы имеем дело с женщиной необычной. Интеллигентной, образованной, красивой. Это действительно редкое сочетание.

— Вы так думаете? — спросил полковник. И повернулся к заместителю мэра. — Предоставим ведение дела поручику Берде. Сидя за столом, мы все равно ничего не решим. Он лучше нас знает, что и как искать.

— Благодарю вас, поручик, — заместитель мэра улыбнулся и крепко пожал Берде руку. — Нам всем хочется, чтобы дело продвигалось быстрее, — добавил он.

— Посмотрим, — ответил Берда. — Посмотрим, что у нас получится. Сейчас я иду к Грудзинскому. Хочу увидеть его в домашней обстановке.

Доцент жил в районе, состоявшем из особняков. Это была та часть Кемпы, население которой не обязательно составляли зажиточные люди, а скорее те, кто когда-либо получил в наследство одноэтажный домик с просторным холлом и камином.

Берда не раз бывал в таких особняках. Однако на этот раз выяснилось, что доцент просто снимает две комнаты в большом, не без некоторой изысканности обставленном доме. В холле

размещалась чья-то семейная портретная галерея. Расшитые золотом старинные кафтаны соседствовали с блестящими мундирами.

Доцент нисколько не удивился — по всей видимости, он ждал визита работников милиции.

— Однако вы действуете очень оперативно, — сказал он, стараясь справиться с волнением.

— Как вас понимать? — удивился Берда. — Вы хотите сказать, что вы меня вызывали?

— Да. Вызывал. Несколько минут назад. Не понимаю...

— Это неважно, — остановил его поручик. — Что все-таки случилось? — спросил он.

Доцент Грудзинский прерывающимся голосом рассказал про свое необычное приключение. Он возвращался домой из института, когда уже стемнело.

— У меня нет машины. Я приехал сюда на автобусе. Последние триста метров я всегда иду пешком. Тот, кто за мной следил и хотел напасть на меня, вероятно, хорошо знал мою привычку.

Берда вспомнил, что улица, где жил Грудзинский, сужалась, протискиваясь между стенами двух особняков, стоящих на окраине. К тому же она очень слабо освещалась. Фонарные столбы находились на некотором удалении друг от друга, а из занавешенных окон едва пробивалось наружу слабое свечение.

— Я задумался и вдруг почувствовал, что кто-то осторожно крадется за мной, — продолжал Грудзинский. — Я невольно обернулся. Тогда тот отпрянул в сторону и попытался набросить мне на голову длинный шарф. Вот этот. Это мой шарф. Я не знаю, каким образом он мог попасть в чужие руки. Может быть, я оставил его в институте или потерял по дороге? Затем меня сбили с ног. Возможно, нападавших было двое. Я очень громко закричал.

— Мне все ясно, — почти весело сказал поручик Берда. — Через минуту вы обнаружили около себя крысу.

— Да, конечно. Но как вы догадались? Это очень неудачные шутки.

— А вы не связываете их с профессором?

— Я сомневаюсь, чтобы он...

— Пан доцент, расскажите, пожалуйста, что вы делали в тот день, когда скончался Сивецкий, ваш с профессором общий знакомый. Чем вы занимались в тот день вечером?

— Откровенно говоря, я этого не помню, да мне и не нужно. В течение уже многих лет я не имел ничего общего с Сивецким. Меня никогда ничего с ним не связывало. Меня интересует только мой случай, и я вас позвал сюда именно для этого. Поэтому что подобные шутки с нападением на меня...

— Шутки? — спросил поручик. — Это трудно назвать шуткой. Ведь наша экспертиза не исключает того, что Сивецкого покусала именно такая безвредная, по вашему мнению, крыса. Вы полностью уверены в результатах своего анализа?

— Я проводил его дважды.

— И все-таки, пан доцент, постарайтесь припомнить, что вы делали вечером в тот день, когда умер Сивецкий?

— Я не считаю возможным рассказывать подробности своей

личной жизни. В тот день я был не один. Этого достаточно? Наверняка вы сейчас зададите вопрос, кто может подтвердить мои слова. Я не знаю, была ли в тот день хозяйка дома или нет. Мне также не известно, успела ли она разглядеть моего гостя через замочную скважину или через приоткрытую дверь.

Последние слова Грудзинский произнес особенно громко. Разговор проходил в большом холле. Собеседники сидели в глубоких кожаных креслах, и со всех сторон их окружали двери, ведущие в комнаты. Хозяйка могла находиться за одной из них.

Поручик начал прощаться.

— Пан доцент, постарайтесь все-таки найти более надежное алиби. Это действительно важно. Сейчас сдержанность вам только повредит. Мне очень жаль, но я не могу иначе. Я должен знать, что вы делали в тот вечер. С кем вы встречались.

— Более надежное? — переспросил доцент. Его раздражение, казалось, улеглось. — Вы думаете, что мне необходимо рассказать об этом?

— Да, и о том, кто напал на вас. Ведь вам это известно!

Поручику пришло в голову, что если бы Грудзинский имел в виду профессора, он более открыто давал бы понять это. Какую игру ведет доцент? Какое место занимает во всем история с нападением? На него набросили его же собственный шарф, якобы утерянный им когда-то. Кто поверит в эту сказку?

— Видите ли, того, кто напал на меня, спугнули. Когда я поднялся с земли и сорвал со своего лица шарф, то увидел, что к соседнему дому подходит какая-то парочка. Я сразу же узнал их в лицо. Она живет здесь, а он почти каждый день провожает ее. Кто знает, может, они и заметили что-нибудь.

— А вы... вы их не спрашивали?

— Мне не хотелось больше выходить из дома в сумерки. А крыса... Крысы уже не было. Она почти сразу исчезла куда-то.

— Прошу вас завтра в двенадцать быть в отделении. Я должен поговорить с вами. Мне необходимо установить ваше алиби.

— До свидания.

«Странная история», — подумал поручик Берда, садясь в машину. Он решил, несмотря на позднее время, навестить бывшую жену профессора.

— Это настоящая крепость, — громко произнес поручик Ежи Берда, звоня в дверь квартиры Дороты Скерской. Прежде всего, его интересовал рассказ Дороты о Грудзинском. Он был уверен в том, что совесть доцента не совсем чиста. Наверняка этот человек либо утаивал от него правду о той опасности, которую представляли крысы и которая открылась ему при исследовании игрушек, либо воспользовался для каких-то своих целей (каких, черт возьми?) паникой, возникшей вокруг загадочных зверьков.

Репутация Грудзинского была далеко не так безупречна, как утверждал заместитель мэра города. Рядом с мощным течением всегда можно обнаружить другой, более слабый поток, о котором известно немногим — а ими в данном случае могли

быть соседн, самые близкие друзья и недоброжелатели. Доцента подозревали в романе с женой профессора. Их не раз видели вместе в кафе на окраине города и даже в небольшой гостинице в Казимеже во время поездок профессора по стране.

С момента появления в институте Яна эта связь и свидания доцента с Доротой неожиданно прекратились.

Скорее всего в тот момент профессор уже узнал о них. Однако прежде чем его гнев вырвался наружу, появился Ян. Началось тягостным ссорам и взаимным угрозам было положено.

Дальнейшее развитие отношений между профессором и Грудзинским было хорошим дополнением к их портретам. И хотя Ян уже занял место Грудзинского, старый ученый не отказался от намерения отомстить своему более молодому коллеге. Поговаривали, что именно он поставил крест на диссертации Грудзинского, публично высмеяв ее. Однако потом обстоятельства сложились в пользу Грудзинского. Эксперименты профессора с жидким центром электронной памяти, которые в присутствии поручика Берды так хвалил Грудзинский, не принесли желаемого результата. У профессора сначала деликатно отобрали лабораторию, передав ее Грудзинскому, а после несчастного случая, происшедшего с профессором в химической лаборатории, его вообще отстранили от дел.

Развод Дорота получила только через год. Профессор согласился на него во время одного из многочисленных судебных разбирательств. Однако и на этот раз дело завершилось скандалом в здании суда. Именно в тот момент свидетели слышали от профессора угрозы. Тогда и начались побегі молодой пары. По слухам, Дороте пришлось воспользоваться деньгами своего бывшего мужа, и отнюдь не малыми, ибо он копил их на протяжении всей своей жизни. Многие свидетели утверждали, что профессор был всегда бедно одет и что одной из причин романов его жены было желание как-то разнообразить свою жизнь.

Берда допускал, что истина находится где-то посредине. Дорота должна была забрать какую-то сумму из тех денег, что накопил профессор, но при этом никто не мог поручиться, что она не отщипнула какую-то часть от сбережений старого холостяка Грудзинского.

Тем не менее поручику казалось маловероятным, чтобы деньги сыграли важную роль в этом конфликте и могли хоть в какой-то мере объяснить последние события. Он мало доверял тем свидетелям, которые утверждали, что профессор взялся за изготовление электронных игрушек из-за денег. Очевидно, какую-то роль во всем этом играли и искусственные зверьки, «смерть с маленькими зубками», как их называла Дорота Скерская.

Звонки и стук в дверь не дали результатов. Поручик стал нервничать.

— Милиция, — громко крикнул он, — откройте, милиция.

В ответ он услышал скрежет засова на входных дверях.

В дверном проеме стояла Дорота, вооруженная гуральской чупагой¹ с острым, украшенным резьбой лезвием.

— Мне нужно поговорить с вами, — сказал Берда.

Она пыталась подавить волнение. Ее большие глаза горели,

¹ Чупага — трость-топор у жителей Татр.

делая ее еще более привлекательной, чем в те моменты, когда Дорота была в отчаянии или плакала. Она чем-то напоминала львицу, оберегающую своих малышей.

— Вы все еще боитесь? Где ваш муж?

— Вы не выполнили моей просьбы. Вы отказали мне в охране для Яна.

Поручик прошел в комнату и сел в кресло.

— Я принял решение установить здесь охрану.

— О боже, наконец-то! Если только эта охрана хоть чем-нибудь сможет нам помочь.

— Возьмите себя в руки! Я оставляю здесь своих людей. Вам легко будет позвать их на помощь в случае необходимости.

— А случай с Сивецким? Его смерть ужасна... Эта крыса...

Поручик с неприятным чувством наблюдал за ее нарастающим возбуждением. Движения Дороты стали какими-то нескоординированными, а в глазах появился нетерпеливый огонек.

— Вы были у доцента Грудзинского в тот вечер? — неожиданно спросил Берда. — Вы послали его к Сивецкому. Когда он был у Сивецкого?

— Не знаю, — машинально ответила она. — Я не знаю, во сколько он там был.

Итак, она выдала Грудзинского.

— Он вышел вместе с вами?

— Да, мы вышли вместе. Я ждала его минут пятнадцать-двадцать у ворот. Он выбежал и рассказал мне все о крысе. Это ужасно. Вы видите, что может ожидать моего...

— Значит, это произошло именно так?

— То есть как? — только сейчас поняла она. — То есть как, он вам этого не говорил?

— Это несущественно. Спасибо и извините.

Он вышел. Позади него одна за другой гремели щеколды замков. Он услышал удар тяжелого засова. Потом приглушенный спор между мужем и женой.

Возможно, доцент Грудзинский убил Сивецкого, имея с ним давние счеты, причиной которых была жена профессора. Сам по себе тот факт, что ни он, ни она сразу же не дали знать милиции, был подозрителен и бросал тень на этого человека. Ну что ж, вызовем пана доцента. Пусть выложит все, что знает. А знает он, пожалуй, много.

Внизу у дома дежурили люди из охраны, присланной Бердой. Дорота хорошо видела их. Теперь она вместе с Яном все чаще подходила к окну, всегда занавешенному портьерой. Один из охранников в сильно надвинутой на уши шляпе был низким и коренастым.

— С первого взгляда видно, что это шпик, — сказала Дорота.

Другой охранник был немного повыше и отличался необыкновенной худобой и неряшливостью в одежде.

— И этого я бы сразу заметила, если бы захотела напасть на дом, — сказала она. — Интересно, есть ли еще другие?

Осенний вечер струил в эту комнату сквозь оранжевые портьеры приятное теплое свечение.

В дверь кто-то неожиданно постучал. Потом раздался звонок.

— Не надо, это ловушка, Янек! Спрячься! Я опять закрою тебя. Умоляю!

Он так привык к приступам ее ярости, что почти автоматически повиновался. Она втолкнула его в спальню, схватила свое оружие и, подойдя к входной двери, выкрикнула:

— Кто там?

— Милиция! Взгляните, пожалуйста, через глазок. Вот удостоверение.

Она наклонилась. Действительно, на удостоверении была печать милиции. Это был один из тех людей, которые целый день ходили под окнами. Но все равно Дорота медлила отодвигать засов.

Она бросилась к Яну, не обращая внимания на возобновившийся стук в дверь.

Милиционер кричал через дверь:

— Я хотел позвонить от вас поручику Берде. Это ближайший аппарат.

Ян оттолкнул от себя Дороту.

— Уедем сегодня же вечером, — сказал он. — Рано или поздно эти крысы догонят нас.

Яна охватила паника. Сейчас он сам все больше убеждался в том, что ему не миновать скорого прощания с жизнью и что месть профессора неминуемо должна обрушиться на него.

— Прошу тебя, уедем.

— Отсюда лучше не выходить.

Ян вдруг почувствовал, что Дорота стала тяготить его.

— Нам нужно уехать сегодня...

Она посмотрела на него: он лежал на спине, вялый и бесильный, уставясь глазами в потолок. Казалось, что в этот момент он может сказать все, что угодно, но то, что он говорил, не имело ровно никакого смысла, потому что слова существовали как бы отдельно от него.

— Тише, — сказала она, обнимая его.

Он оттолкнул ее. Это случилось в первый раз с тех пор, как они соединились, и потому поразило ее. Она снова попробовала подойти к нему.

— Я устал, — сказал он. — Да, я очень устал.

У него чуть не вырвалось грубое и резкое: «я сыт по горло», но он сдержался. Однако эти слова и принужденная ласка повергли ее в ужас.

Она поднялась с постели и стала нервно ходить по спальне.

Со стороны могло даже показаться, будто она что-то усиленно ищет.

Поздним вечером в институте и в центре игрушек горел свет. Поручик Берда и его помощники заканчивали подсчет крыс. Они отмечали, сколько всего игрушек центр принял от профессора за все время, сколько передал в магазины и сколько было изъято из магазинов еще до смерти Сивецкого.

Берду интересовал также вопрос, сколько крыс получил Грузинский и его институт для исследования. Работа была

кропотливой, и очень много зависело от того, сойдется ли в итоге их общее количество. Конечно, в этих расчетах не учитывались те крысы, которые были проданы и разошлись по стране так, что никто не мог знать, в чьих руках они находятся. Несмотря на кампанию, начатую газетами против загадочных игрушек, ни одна крыса еще не была возвращена покупателями.

На вопрос начальства о причинах такого поведения покупателей поручик Берда ответил:

— Я полагаю, что, как чаще всего и случается даже в таких громких делах, люди скромные и обыкновенные, никогда ранее не сталкивавшиеся в своей жизни с сенсациями, не отождествляли своих крыс с теми, которые могут стать орудием убийства. Тем более что со времени их приобретения никаких странностей в поведении крыс не наблюдалось.

Берда неожиданно остановился.

— Значит, это случайность, факт, совершенно не связанный с делом, которое мы вам поручили? Не так ли?

Полковник явно старался спровоцировать Берду на откровенность.

— Вы считаете, что такая случайность возможна? Я уверен в обратном, но честно говоря, не знаю, на что решиться. Я уже о многом догадываюсь, и мне кажется, что многие нити этого дела находятся у меня в руках, но мне все еще не хватает неопровержимых доказательств. В принципе сейчас, кроме охраны возле дома бывшей жены профессора, я не могу принять никаких других, более конкретных действий.

Будем откровенны: если во всем виноват старый профессор, нам необходимы доказательства его преступной деятельности. В то же время нет никаких сомнений в том, что профессор не мог иметь ничего общего с убийством Сивецкого. Доцент Грудзинский находился у Сивецкого в тот вечер, когда произошло убийство, — его послала бывшая жена профессора. Я узнал об этом от хозяйки Грудзинского, вернее хозяйки дома, в котором он живет. У этой пани нет других занятий, кроме как подглядывать за своими жильцами и сплетничать о соседях. Она рассказала о визите Дороты Скерской в день смерти Сивецкого и о том, что из дома Дорота и доцент вышли вместе.

— Неужели Грудзинский и профессор заодно? Что свело их вместе? Общее желание уничтожить Яна?

— Я рассматривал и эту возможность. Таковы факты, — ответил поручик Берда. — Больше не удалось установить ничего.

Он не любил говорить о расследовании. Даже своим начальникам. Он опасался, что их советы, а иногда и давление могли изменить ход следствия, повлиять на методы сбора доказательств.

Тем не менее нельзя было сбрасывать со счетов и то, что у бывшей жены профессора были романы и с Грудзинским, и с Сивецким, не считая встреченного позже Яна.

Итак, независимо от действий профессора, ревность могла руководить поступками не только самого профессора, но и Грудзинского. Им вовсе не нужно было сотрудничать.

Впрочем, в поступках, продиктованных ревностью, можно было обвинить и Яна, которого привел в бешенство визит Дороты к

бывшему любовнику Грудзинскому — квартирная хозяйка, несмотря на туман, все-таки заметила Яна и Дороту у дверей своего дома и наблюдала за сценой, которую он устроил.

Полковник продолжал расспрашивать Берду о результатах подсчета крыс, находящихся как в институте, так и в управлении торговли игрушками.

— Мне уже точно известно, сколько всего их было, — ответил поручик. — Я приказал поднять Грудзинского с постели, если он уже спит, и сразу же доставить сюда. Не исключено, что убийство Сивецкого, в котором крыса предположительно принимала непосредственное участие как орудие убийства, может пролить свет на многие другие загадки. Например, если верить Грудзинскому, крыса, появившаяся при нападении какого-то человека на доцента, бесследно исчезла.

— Кому-то, как видно, было выгодно подбрасывать крыс. Меня несколько удивляет, почему вы не хотите еще раз допросить профессора. Несмотря на бесспорное алиби в деле Сивецкого, он наверняка играет важную роль в этой драме хотя бы как изготовитель орудий преступления.

— Наступит и его очередь. Но сначала мне необходимо поговорить с Грудзинским.

— Ну хорошо, только, пожалуйста, заканчивайте побыстрее. Неизвестность держит в напряжении не только тех, кто прямо связан с расследованием. Город, если можно так сказать, чувствует себя в опасности.

В эту минуту в кабинет ввели Грудзинского. Доцент был очень небрежно одет.

— Вас подняли прямо с постели? — спросил Берда.

— Это незаконно! У меня нет ничего общего...

— И тем не менее бывшая жена профессора Глазуры показала, что в тот вечер вы приходили к Сивецкому. Почему вы скрыли это от нас?

Грудзинский молчал.

— Вот, пожалуйста, — сказал поручик Берда, — показания бывшей жены профессора. Она выдала вас.

— Я вовсе не просил ее хранить тайну, — закричал доцент. — Она не обязана была делать это.

Он опять замолчал, и теперь из него ничего нельзя было вытянуть. Любая попытка завести разговор о Дороте встречала с его стороны безучастное молчание.

— Может, мне запереть вас, попросту посадить? А завтра попросить прокурора составить обвинительный акт по делу об убийстве Сивецкого?

— Вы можете делать все, что захотите, пан поручик.

Берда вызвал протоколиста и дежурного — подпоручика Руга.

Допрос начался с обычных вопросов о возрасте, месте рождения, местожительстве — пустых, никому не нужных формальностей, за которыми не возникает цельного объяснения мотивов человеческих поступков.

Зазвонил телефон.

— Вас, пан поручик, — официальным тоном сказал Руг.

— Благодарю... Слушаю. С кем я говорю?

Из трубки донесся приглашенный, чуть хриплый голос.

— Прошу вас, не затягивайте умышленно этот разговор. Меня все равно не обнаружат, я говорю из телефонной будки. Лучше окружите профессора и охраняйте его. Ему грозит смертельная опасность.

Щелчок. Типичный для автоматов в телефонной будке.

— Вы успели установить, откуда звонили?

— Нет, — отозвался сержант Пэнк, — слишком коротким был разговор.

Берда посмотрел на Грудзинского. Тот сидел, весь обратившись в слух.

— Хватит ломать комедию. Опять человеческая жизнь в опасности, — сказал Берда. — Отвечайте только правду. Что вы делали у Сивецкого?

— Да, я признаю, что был у него. Она просила меня сделать все, чтобы изъять из обращения игрушки, находящиеся в городе и за его пределами. Она пошла к Сивецкому вместе со мной. Потом осталась ждать около ворот.

— Сколько времени это продолжалось?

— Около пятнадцати минут.

— Что вы делали там так долго?

— Я хотел сразу же убежать, но не смог. Я не знал даже, как поступить, звонить в милицию или нет.

— И в конце концов решили все-таки ничего не сообщать властям?

— Мне не хотелось впутывать в это дело ни ее, ни себя. Я стер следы своего пребывания платочком и замшевой тряпочкой для очков, которую всегда ношу с собой. Но я не убивал Сивецкого. Он лежал на полу со следами укусов крысы на шее.

— Вы говорите неправду, пан доцент. Там не было крысы.

— То есть как не было?

— Крысу могли принести только вы. Дело обстоит именно таким образом. Мы тщательно пересчитали всех крыс. Только вы могли взять крысу из института.

— О боже, но это же неправда.

— Вы принесли туда крысу?

— Допустим, что ее принес я.

— Вы убили Сивецкого во время ссоры, причиной которой была ревность. Ну, сознайтесь же вы наконец!

— Я не убивал Сивецкого. В ту минуту, когда я вошел в его квартиру, он был уже мертв.

— А крыса? Откуда она могла взяться, если не от вас?

— Я пришел туда еще раз.

— Когда? Сразу после того, как увели Дороту?

— Да, именно так.

— Однако в тот момент, когда вы провожали ее, вы успели сказать, что крыса покусала Сивецкого?

— Может быть, я и говорил ей это.

— Зачем?

Грудзинский посмотрел на Берду умоляющим взглядом.

— Прошу вас, не говорите ей, что я лгал.

— Так значит, вы обманули ее, пан доцент? Но вы хотели обмануть и нас. Нам хорошо известно, что, кроме знаний в

области электроники, вы получили медицинское образование и работали хирургом, не так ли?

— Сейчас я скажу вам всю правду. Только, пожалуйста, не передавайте ей.

— Я слушаю, — сказал Берда. Он уже все понял: профессор в опасности. Когда Грудзинский кончил свой рассказ, Берда спросил:

— Вы хотели направить подозрение в убийстве Сивецкого на профессора, не так ли? Но мне непонятно, кто мог напасть на вас возле вашего дома? И появлялась ли при этом крыса?

Грудзинский побледнел.

— Ну? Объясните мне вашу ложь прежде, чем погибнет еще один человек.

— Мне показалось, что это был Ян. Да, это был он. Он сбил меня с ног и тут же убежал. А крысу я придумал.

Он вскочил. Что могло разбудить его так неожиданно?

Ему показалось, что он слышит звон посуды на кухне. Она, наверное, задела стопки с тарелками в буфете, доставая из него приборы для завтрака.

«У меня есть немного времени до завтрака», — подумал он. И, несмотря на запреты и свои обещания, плотно запахнул халат, осторожно, стараясь не шуметь, подошел к окну, приоткрыл дверь и вышел на балкон.

На соседнем балконе он увидел мальчика.

«Как жаль, что у нас нет ребенка», — думал Ян, приглядываясь к смешным движениям мальчика, который прыгал по бетонному полу. Неожиданно мальчик испуганно вскрикнул.

На балкон выбежала его мать.

— Что с тобой, Болек?

— Мышка убежала от меня.

И почти в ту же секунду прямо перед собой, на стене, слегка поблескивающей в лучах солнца, Ян увидел ползущую крысу.

Зверек был размером с маленькую кошку. Его глазки уставились на Яна. Ян в ужасе отпрянул, но не успел закрыть дверь, — электронная игрушка одним прыжком перемахнула через порог и с минуту оставалась неподвижной, как будто прилипла к незнакомым запахам.

Ян попятился назад, пока спиной не почувствовал стену. У него перехватило дыхание. Ему захотелось закричать, позвать на помощь Дороту, но он не мог и только беззвучно шевелил губами.

Зверек вскочил на подлокотник кресла прямо перед Яном. Ян был не в силах сделать ни шага.

Зверек спокойно взобрался ему на плечо. Ян, боясь разозлить игрушку, даже не попытался ее столкнуть.

Потом он вдруг услышал стук в дверь.

Ян резко смахнул крысу и почти одновременно отскочил в сторону. Зверек остановился возле кресла, потом двинулся вслед за Яном в прихожую. Ян обернулся, схватил стул и бросил в крысу. Зверек снова прыгнул ему на плечо. Ян поймал

его рукой. Ему вдруг захотелось, чтобы то, что должно было случиться, случилось сейчас. Пот крупными каплями стекал по его лицу. Он поднес холодное тело крысы к своей шее. Но звярок даже не шевельнулся.

Ян внимательно посмотрел на него, потом положил крысу в карман и сказал:

— Сиди спокойно.

Крыса замерла, повинувшись приказу. Ян вспомнил, что ее нужно привести в движение, подув между глаз. Он достал крысу из кармана, поднес к губам и дунул. Крыса попыталась вырваться. Но Ян крепко держал ее.

Стук в дверь прекратился. Ян подошел поближе и попробовал открыть дверь, но она была заперта на ключ. И тут он услышал голос за дверью.

— Наверняка он дома. Болек видел его на балконе.

Ян узнал голос соседки. Потом услышал голос Болека.

— Мышка убежала туда. Этот пан укнул ее.

— Сейчас я открою, — закричал Ян.

— А, вы дома? К вам убежала мышка. Это игрушка, которая была у Болека на балконе.

— Да, она у меня. Сейчас я открою, вот только найду ключ.

«Где же Дорота?» — подумал Ян. Она обращалась с ним, как с ребенком, боялась даже ключи оставить в обычном месте. Он прошел на кухню, но там ее не оказалось. Тогда Ян пошел с крысой на плече в спальню. Ему хотелось увидеть Дороту. Все, что она говорила, оказалось вздором. Он танцевал по комнате с крысой, неподвижно сидящей на его плече.

— Дорота, иди сюда! — крикнул Ян.

Он обыскал всю квартиру. Дороты не было. Может, она вышла за молоком? Но тут он заметил, что боковой ящик его письменного стола выдвинут. На деревянной панели висел листок бумаги. Ян узнал неровный почерк Дороты. Прочитав записку, он ринулся в прихожую.

— Здравствуй, наконец-то, — профессор попятился к своей неубранной постели, споткнулся о нее и упал.

Он долго пытался встать. Этот немощный старик когда-то был ее мужем. Дорота с отвращением следила за его неловкими движениями.

Видимо, Дорота помешала ему работать. Из лаборатории доносилось урчание моторчика, а на полу рядом с постелью валялись какие-то детали.

— Негодяй, — подстегивала она сама себя, — ты загубил мои лучшие годы, а теперь покушаешься на жизнь человека, который мне дорог.

— Я покушаюсь? Разве игрушки запрещено отдавать в магазин? Безвредные детские игрушки? На что тогда мне жить? Сейчас я ведь никто. Не кричи, — он понизил голос до шепота, — тебе ведь важна конспирация.

Дорота замолчала. Действительно, она боялась появления людей. Ей совсем не хотелось, чтобы кто-то помешал ее планам.

— Ко мне уже заглядывала милиция. Они запретили мне громко кричать. Это они прислали тебя, да?

Дорота подошла к каморке и оглядела ее. Над печью висела тяжелая кочерга. Она сняла ее и вошла в светлую лабораторию. Профессор устремился за ней. Он вдруг схватил Дороту за плечи.

Она попыталась вырваться. Профессор чуть ослабил руки, но не отпустил ее.

— Посмотри, — смеясь, сказал он. — Такого ты еще не видела. Крыса! — крикнул он в сторону лаборатории.

Из каморки выскочил искусственный зверек и остановился словно в нерешительности.

Дорота выпрямилась, готовая ко всему: ведь сейчас он не в силах добраться до Яна и поэтому собирается с ней, собирает-ся... Ну что ж. Пусть попробует.

Но профессор снова рассмеялся.

— Не в этом дело, — сказал он, словно прочитав ее мысли, и повернулся к зверьку.

— Крыса, возьми его!

Резким рывком он сдернул покрывало с фотографии. Слепленная яростью и страхом, Дорота все же успела подумать: «Как получилось, что я даже не заметила мольберта с фотографией, хотя помнила о нем всю ночь?»

На фотографии был один Ян, красивый и молодой.

— Крыса, возьми его!

Зверек заметался по комнате.

Дорота смертельно побледнела. Профессор искоса наблюдал за ней.

— Возьми же! — снова крикнул он.

Доротахватила из сумочки пистолет. Трясущейся рукой она подняла его и прицелилась. В этот момент дверь с грохотом распахнулась и в комнату ворвались поручик Берда и сержант Пэнк.

Дорота выстрелила.

Она выстрелила с двух шагов, целясь в ненавистное, застывшее в улыбке лицо.

Толчок Берды в плечо Дороте изменил направление выстрела. Пуля попала профессору в плечо. Он пошатнулся, но не упал. Крыса неподвижно сидела на раме мольберта.

Берде и Пэнку не сразу удалось справиться с Доротой, она вырывалась, пытаясь сохранить у себя пистолет. Профессор опустился на стул и вдруг снова рассмеялся. Из плеча у него капала кровь.

Сильный шум сзади заставил Дороту обернуться.

В дверях стоял Ян с крысой, устроившейся на его плече.

— Смотри, Дорота, смотри. Вот твоя «смерть с маленькими зубками», смотри же!

Он снял крысу с плеча и несколько раз подбросил ее.

Дорота бросилась к Яну, но Ян оттолкнул ее, стараясь не смотреть в ее сторону.

— Я понимаю тебя, я все понимаю, — произнесла Дорота спокойно.

Но он уже не слышал ее. Он ринулся к выходу, расталкивая толпу, которая собралась возле дверей в коридоре.

Поручик Берда сказал, обращаясь к сержанту Пэнку:

— Я давно подозревал во всем этом такую изощренную

месть. Посмотри, он разлучил их. Разлучил, как и обещал. Впрочем, мелодрамы часто примерно так и заканчиваются. Хорошо еще, что мы приехали вовремя.

Дорота, видимо, услышав последние слова Берды, повернулась к нему и сказала:

— Для вас, может быть, и хорошо, а для меня...

Они вырвали у нее оружие.

Берда тихо сказал Пэнку:

— ...Присмотрите за ней, сержант, только поаккуратней.

Пэнк осторожно взял ее за руку. Она не сопротивлялась. Несколько милиционеров прокладывали им дорогу. Дорота держалась довольно твердо. Только однажды она обернулась, чтобы бросить ненавидящий взгляд на профессора, которого уже приводил в чувство доктор.

— Что же из того, что я не опоздал, — говорил поручик Ежи Берда, — если в принципе ничего не удалось предотвратить. История должна была закончиться именно так. Профессор сознательно шел на это, не обращая внимания на опасность. Он настолько жаждал отомстить, разлучить Дороту с Яном, уничтожить их любовь, что даже не побоялся ради этого riskнуть своей жизнью.

— В конце концов, — остановил его полковник, — с ним ничего не случилось. Пустяковое ранение в плечо, даже кость не задета. Заживет через пару недель. А потом...

— Потом — исследование психики и, может быть, хотя я склонен сомневаться в этом, — суд. Мне кажется, что его маниакальная мстительность граничит с болезнью. Или, по крайней мере, граничила.

— Их чувства тоже, — добавил полковник. — Но теперь и они дали трещину. Жалкая уголовная мелодрама с вполне интеллигентными людьми в роли действующих лиц. Когда вы стали разбираться в ситуации? Ведь события развивались очень быстро. Да и найти противников профессора было нелегко, их поиски не могли не увести следствие с правильного пути.

Берда задумался над ответом. Сначала он не очень серьезно относился к этому делу, недооценивая его участников. Ведь и профессора он считал безобидным, добродушным чудачком, который без особых успехов пытается устроить влюбленную пару смехотворными угрозами и настолько же комичным игрушечным реквизитом.

Все дела, расследованием которых из дня в день занимается милиция, в большинстве случаев представляют собой самые заурядные интриги. Нож, веревка, в лучшем случае пистолет выступают орудием сведения личных счетов. Ставкой в игре чаще всего бывают деньги или другие ценности. Этот случай не был похож на остальные.

Берду ввели в заблуждение действия доцента Грудзинского. Он был уверен, что доцент играет гораздо более значительную роль в драме, чем оказалось в финале этой истории.

— Все говорило за то, что он убийца Сивецкого. Кроме того, у профессора бесспорное алиби, а других потенциальных убийц среди знакомых Сивецкого не было.

Надуманным выглядело нападение на доцента, явно присочиненным — эпизод с набрасыванием на лицо его же собственного шарфа и упоминание о крысе, которая по непонятным причинам бесследно исчезла. Но они неплохо вписывались в фарс, разыгрываемый преступником-дилетантом.

— Из числа дилетантов следует исключить одного — профессора. Он действовал вовсе не по-дилетантски, — заметил полковник.

Поручику вспомнились заключительные минуты допроса Грудзинского и телефонный звонок в комиссариат. Таинственный голос пытался привлечь внимание к опасности, грозящей профессору. Как предполагал Берда, старый профессор собирался разыграть последний акт драмы в присутствии бывшей жены.

В то же время Грудзинский, как окончательно убедило Берду следствие и показания самого доцента, действительно не убивал Сивецкого и не имел ни малейшего намерения убивать его. Но это была версия, которая затянула ход расследования.

— Из-за этих незначительных деталей, — говорил Берда, — я чуть было не упустил из виду главное действующее лицо — профессора, пока он не напомнил о себе телефонным звонком.

Дорота приехала к Грудзинскому вечером. О том, что произошло потом в двух комнатах домика в Кемпе, уже никто не узнает. Неизвестно и то, к каким доводам прибегла Дорота, чтобы склонить Грудзинского к посещению Сивецкого, с которым он почти не поддерживал отношений.

— Несмотря на позднее время, они с Грудзинским добрались до квартиры Сивецкого. Одна она безоговорочно верила в «смерть с маленькими зубками» и в то, что профессор сам посылает своих крыс и управляет ими на расстоянии, пытаясь добиться того, чтобы они рано или поздно добрались до Яна и убили его. Профессор сознательно подыгрывал слухам, проводил громкие, на весь дом сеансы с портретом и настраивал заложенную в крыс программу таким образом, чтобы они сбежали из магазинов. Наконец он спровоцировал безобидное нападение крысы на Яна во время его прогулки.

Итак, Дорота и Грудзинский пошли к Сивецкому, чтобы просить об изъятии всей партии искусственных зверьков и прекращении их закупок. Результатов разговора она ждала у ворот. Ей не хотелось заходить, потому что Сивецкий когда-то был ее поклонником. И потому что ее присутствие могло поставить под сомнение усилия Грудзинского. Она нервничала из-за того, что доцент долго не возвращался. Пятнадцать минут в таких обстоятельствах кажутся часами. Грудзинский же был настолько потрясен тем, что увидел, что совершенно потерял голову.

Сивецкий, как оказалось, умер от инфаркта.

После медицинского заключения я подверг сомнению вывод о том, что Сивецкого укусила крыса. Более того, я догадался, что создать картину насильственной смерти мог только Грудзинский, в прошлом очень хороший хирург.

С какой целью была выдумана легенда об укусах, которая получила теперь реальное подтверждение? — вот в чем был весь вопрос.

Известно только одно. Грудзинский, увидев мертвого, в пер-

вый момент растерялся. Однако, зная о наших подозрениях насчет профессора и желая помочь Дороте, он решил усилить их.

Именно поэтому Грудзинский сразу же рассказал Дороте о том, что Сивецкого покусала крыса. Он был почти невменяем и действовал неосторожно. Дорота попросилась с ним и даже не позволила ему проводить ее до дома, опасаясь приступа ревности у Яна. Грудзинский первым же такси уехал к себе.

— Таксист подтвердил это? — спросил полковник.

— Да. Хотя найти его было нелегко. В конце концов он все-таки вспомнил пассажира с длинным шарфом. Мужчины редко носят подобные шарфы. Впрочем, речь шла о том самом шарфе, который потом Ян набросил Грудзинскому на голову.

Таксист отвез доцента к его дому в Кемпе. Грудзинский сказал ему подождать, и тот ждал, не избежав при этом любопытного взгляда хозяйки из-за занавески. Потом доцент попросил отвезти его и посадить недалеко от дома Сивецкого. Операция стоила ему немалых усилий и отняла слишком много времени; несмотря на это, бывший хирург работал очень ловко. Я спросил у него во время допроса:

«Зачем вам это понадобилось? Неужели вам так важно было бросить на профессора подозрение? А вы не боялись еще больше напугать и без того встревоженную Дороту Скерскую?»

«Я сказал Дороте после первого посещения квартиры Сивецкого, когда она ждала меня внизу, — ответил мне Грудзинский, — что обнаружил следы крысы в квартире. После этого я уже должен был подтвердить придуманную мной ситуацию. Все получилось нелепо».

«Вы не вспомнили о противоречии между обстоятельствами гибели Сивецкого, какими их хотели представить вы, и вашим заключением о полной безвредности крысы?»

«Я пошел на это сознательно. Мне казалось, что, твердя о том, что эти игрушки не представляют опасности, я избавляю себя от ваших подозрений».

Вот все, что рассказал мне Грудзинский.

— Обычный преступник-дилетант.

— Именно так. Естественно, профессор воспользовался ситуацией, желая усилить чувство страха у влюбленной пары, которое он всеми средствами создавал, чтобы разлучить молодых людей навсегда. Его игра вполне годилась для большой сцены.

Берда на несколько секунд задумался. Он не был уверен в том, что все произошло именно таким образом. На профессора рассчитывать не приходилось. Он был готов признать все, что угодно, но через минуту отказывался от своих слов.

— Неудивительно, что Дороте пришла в голову мысль убить своего бывшего мужа, — произнес Берда.

— Мне кажется, поручик, — сказал полковник, — что на решение Дороты больше повлияла усталость и безразличие Яна — первые признаки его охлаждения к ней.

— Да. Именно это стало основной причиной ее безрассудного поведения. Кстати, несмотря на просьбы Дороты о свидании, Ян до следственного ареста к ней не пришел. Мне только что сообщили, что Ян собирается уехать. Скорее всего он ку-

пил билет на самолет до Кракова на пятнадцать часов. Вы понимаете меня?

— У него есть здесь какие-то родственники?

— Есть один. Он родом из Кракова. Выяснить, чем занимается?

— Берда, — сказал полковник, — я понимаю ваш интерес, но сейчас все уже закончилось. Я не вижу причин возвращаться к этой истории. Пусть убегает отсюда, это его право. И поймите вы наконец, что вы спасли эту женщину и профессора. Если бы вы не подоспели вовремя и не выбили в последний момент пистолет из ее рук, мы бы имели дело еще с одним трупом. И еще с одним убийцей.

— Ее и так будут судить за попытку убийства собственного мужа.

— Она действовала в состоянии аффекта. Кроме того, ее спровоцировали на убийство. Это смягчающее обстоятельство.

— Тем не менее я сомневаюсь, что она благодарит меня за такое спасение, — сказал Берда.

Перевела с польского Ирина СТРАВИНСКАЯ

**На I, IV страницах обложки рисунки Никиты КРИВОВА
и Валерия ПАСТУХА к повести «СХВАТКА»**

**На II странице обложки рисунок Надежды БАЛЬЖАК
к повести «СВИДЕТЕЛЬ»**

**На III странице обложки рисунок Анатолия ГУСЕВА
к фантастической повести «РАЗЛУЧИЛ ВАС НАВСЕГДА»**

Под редакцией А. ПОЛЕЩУКА и Е. КУЗЬМИНА

Редактор выпуска С. БЕЛОЗЕРОВ

Художественный редактор В. КУХАРУК

Технический редактор О. БОЙКО

**Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а.
Тел. 285-80-10, 285-88-84**

**Сдано в набор 14.05.87. Подписано в печать 22.06.87. А01098.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Печать высокая. Усл. печ.
л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л. 9,8. Тираж 280 000 экз.
Цена 60 коп. Заказ 123.**

© «Искатель», 1987 г.

**Типография ордена Трудового Красного Знамени
изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва,
К-30, Суцеская, 21.**

ИСКАТЕЛЬ

Анатолий СТЕПАНОВ
Николай ПСУРЦЕВ
Виктор ПОЛОЖИЙ
Янина МАРТИН

Цена 60 коп.

